

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
имени П. А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Г О
И Н С Т И Т У Т А
У П Р А В Л Е Н И Я

Научный журнал

№ 4 (49)
2015

Саратов

Научный журнал

Учредитель
**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор – **В.Л. Чепляев**
Зам. главного редактора – **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **Д.В. Акаев**

Редакционная коллегия:

В.Н. Гасилин, д-р филос. наук;
В.В. Герасимова, д-р экон. наук;
В.М. Долгов, д-р ист. наук;
Э.Г. Липатов, д-р юрид. наук;
О.А. Лиценбергер, д-р ист. наук;
А.В. Рязанов, д-р филос. наук;
Е.Ю. Сидорова, д-р экон. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук;
О.И. Цыбулевская, д-р юрид. наук;
С.Е. Чаннов, д-р юрид. наук;
Э.В. Чекмарев, д-р полит. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжского института управления» ПИ № ФС 77 – 61170 от 30 марта 2015 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 – 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2015

№ 4 (49)
2015

B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION INSTITUTE
OF A D M I N I S T R A T I O N

Science journal

Founder:

***The Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: **V.L. Chepliaev**
Deputy editor-in-chief: **O.N. Fomin**
Executive secretary: **D.V. Akaev**

Editorial board:

V.N. Gasilin, *Doctor of Science (Philosophy);*
V.V. Gerasimova, *Doctor of Sciences (Economics);*
V.M. Dolgov, *Doctor of Science (History);*
E.G. Lipatov, *Doctor of Science (Law);*
O.A. Litsenberger, *Doctor of Sciences (History);*
A.V. Ryazanov, *Doctor of Sciences (Philosophy);*
E.Yu. Sidorova, *Doctor of Science (Economics);*
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sciences (Sociology);*
O.I. Tsybulevskaya, *Doctor of Sciences (Law);*
S.E. Channov, *Doctor of Science (Law);*
E.V. Chekmarev, *Doctor of Science (Politology);*
T.I. Chernyaeva, *Doctor of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2015

**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ,
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

A.Yu. Goloborodko
Tools of Cultural Policy
in the Aspect of Social Formation
and Strengthening
the Viability of the State

Certain components of research construct positioned in the format of state cultural policy tools as a factor in strengthening cultural security of Russia, are considered. The construct presents the possibilities to accumulate, through state cultural policy tools, the protecting potential of culture in Russia in practices of social formation and strengthening of the state viability.

Key words and word-combination: cultural security, state cultural policy, national security, cultural enlightenment.

Рассматриваются некоторые компоненты исследовательского конструкта, позиционируемого в формате инструментария государственной культурной политики как фактора укрепления культурной безопасности России. Конструкт репрезентирует возможности аккумуляции, посредством инструментария государственной культурной политики, защитно-охранительного потенциала культуры России в практике общественного строительства и укрепления жизнеспособности государства.

Ключевые слова и словосочетания: культурная безопасность, государственная культурная политика, национальная безопасность, культурное просветительство.

УДК 008.001
ББК 71.4

А.Ю. Голобородько

**ИНСТРУМЕНТАРИЙ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
В АСПЕКТЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА
И УКРЕПЛЕНИЯ
ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ
ГОСУДАРСТВА**

В исследовательском сообществе укрепляется точка зрения, в соответствии с которой процесс глобализации происходит в условиях явно нарушенного динамического баланса между технологическим и нравственным потенциалом человеческой деятельности. Как вынужден признать известный французский экономист-либерал Жак Аттали, «эра господства экономики породила тотально однородный мир, “эру денег” как всеобщего эквивалента, не знающего различий высшего и низшего, морального и аморального» [1]. Мировое сообщество давно уже находится в состоянии системного кризиса, которое характеризуется набором и чередой кризисных ситуаций: экологической, демографичес-

кой, антропологической, ресурсно-потребительской, политико-экономической, ценностной и т.д.

Политика в современном «глобализационном обличье» явно эгоистична и слишком часто, причем безнаказанно, пренебрегает простыми нормами нравственности и справедливости. Ее можно назвать «царством прав без обязанностей», когда господствует право сильного, экономический шантаж и политический диктат [2, с. 34]. Поэтому сложилась ситуация, когда политика все чаще «бежит» от морали, и понятно почему: ведь именно мораль призвана обеспечить стеснение «свободы маневров», мораль вся соткана из ограничений и запретов, которые как раз и оберегают человечество от вырождения, а политику и ее акторов – от цинизма и бесчеловечности.

В этих условиях в кругу как отечественных, так и зарубежных ученых все более активно артикулируется мысль о том, что именно культура становится ключевым фактором развития государств, городов и территорий, поскольку обладает потенциалом, который по долговременности и значимости преобладает над потенциалом экономических предпосылок.

По мнению болгарского ученого А. Панчева, современному обществу очень нужен созидательный и скрепляющий фактор в виде культуры, поддерживать и развивать который можно только посредством политической организации в виде государства [3, с. 301]. Близкую мысль высказывает профессор С.Г. Карамурза, отмечающий, что современная наука рассматривает общество как сложную систему, которую надо конструировать и создавать, непрерывно воспроизводить и обновлять. Общество находится в процессе непрерывного развития, и функция государства – сохранить общество (обеспечить его воспроизводство), а если в ходе какой-то катастрофы оно утратило системную целостность, как можно быстрее его снова «собрать» на обновленной и прочной матрице [4].

На сегодняшнем этапе развития мирового сообщества обоснованно постулируется мысль о необходимости поиска адекватного инструментария оптимизации возможностей «сбалансировать экономическое и социально-культурное измерение бытия человека» [5]. Иными словами, речь идет о целесообразности поиска ресурсов, выходящих за рамки только экономических (количественных) показателей развития, – ресурсов качественного, культурного, порядка.

Человек XXI в. оказался погруженным в бездну хаоса, неоднозначности, неопределенности пути и перспектив будущего развития, в ситуацию жизни «одним днем»; в социальном времени образуются провалы – «стирается» коллективная память, изменения социальных структур резко ускоряются и становятся трудно предсказуемыми... жизненный путь личности вырван из «цепи времен» и почти не связан с преемственностью поколений – человеческие сообщества становятся короткоживущими, а социальная структура размытой [6, с. 27–28]. Очевидными подтверждениями обозначенных тенденций в условиях развития российского общества последних трех десятилетий можно, на наш взгляд, назвать феномены культурной травмы, контркультуры, культурной десоверенизации [7].

Устойчивость общественного развития, особенно в периоды перемен, достижима лишь при включении в его стратегии факторов культуры. По мнению Т. Богатыревой, значение культурной политики в устойчивом развитии российского общества в условиях глобализационных перемен заключается, в частности,

а) в формировании общественной идентификации и придании российскому сознанию подлинно общенационального характера; б) в поддержке культурно-интеллектуального воспроизводства нации; в) выработке ценностных оснований взаимодействия сообществ, обучающихся жизни в новых глобальных условиях; г) выработке социокультурных перспектив общественного развития, содержательного видения будущего; д) включении стратегий культуры в решение актуальных проблем российского общества, программу модернизации, повышение качества жизни [8].

Широко известно, что культура существенным образом влияет на состояние национальной безопасности, именно культурные универсалии являются устойчивыми детерминантами общественного сознания. Система ценностно-смысловых оснований и нравственных норм определяет поведение отдельных индивидов и групп населения в современном обществе [9].

Признавая значимость культурного измерения в конструировании общества посредством технологий государственной политики, удалось разработать когнитивно-методологический конструкт, описывающий возможности аккумуляции мощного защитно-охранительного потенциала культуры России в практике общественного строительства и укрепления жизнеспособности государства. Конструкт разработан нами в русле политологической инноватики нового поколения как составной части социально-гуманитарной инноватики, призванной быть по своей природе инструментом «погружения» в суть вещей, а не догматизатором и интерпретатором внедренных теорий.

«Фоном» для разработки конструкта выступают Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [10] и подписанный в декабре 2014 г. Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [11]. В ходе нашего исследования, в контексте Стратегии и Основ, выявляются, в частности, тенденции нового понимания культуры в реализации национальных интересов России как фундамента государственности, фактора национальной безопасности, ресурса социально-культурного развития, предпосылки экономического роста.

В состав разрабатываемого нами инструментария государственной культурной политики как фактора обеспечения национальной безопасности современной России входит, в частности, описание технологий, предусматривающих, с учетом очевидной тенденции изменения в рамках информационного общества природы политической власти (она (власть) сегодня переместилась в виртуальное пространство – в мир образов, имиджей и символов), «работу с умами людей», с человеческим сознанием, понимаемым нами как «совокупность текстов, построенных в различных познавательных контурах, которые “пронизаны” смыслом» [12].

В корреляции с мнением одного из идеологов информационной революции М. Маклюэна, отмечавшего: «... чтобы быть эффективным в современном мире информации, необходимо активизировать в сознании людей систему национальных культурных приоритетов и адаптировать культурные традиции к новым средствам коммуникаций» [13, с. 394], нами рассматриваются механизмы культурного просветительства, содержательное наполнение которых обеспечивается концептуализацией ценностей как фактором культурной безопасности и условием культурного строительства; ведь именно культура, способствуя ценностному пониманию,

осмыслению и осознанию бытия в его единстве и взаимозависимости, существенным образом влияет на состояние национальной безопасности [9].

Категорию «культурная безопасность» как важнейший компонент в системе национальной безопасности (и одновременно фактор ее – национальной безопасности – укрепления) рассматриваем (в развитие позиции В.В. Сергеева) в следующих измерениях: культурно-духовное состояние общества и духовная культура его членов; управленческое воздействие и государственная культурная политика (а также политика, направленная на обеспечение безопасности и минимизацию рисков, угроз и вызовов в сфере культуры); модернизация элементов социума, развитие институтов и социальных систем в направлении утверждения высокого качества жизни [14].

Культурное просветительство как фактор обеспечения культурной безопасности в системе механизмов государственной культурной политики в рамках нашего конструкта репрезентирует инструментарий взаимодействия общества и государства по внедрению культурно-просветительского контента в «текст» современного дискурса социальных коммуникаций.

Полагаем, релевантным в аспекте инструментального сопровождения среды культурного просветительства как фактора укрепления культурной безопасности может быть рассмотрение современного лингвокультурного пространства, описываемого нами, например, в контексте включения культурно-ценностного ядра в актуальный педагогический дискурс и описания технологического обеспечения «мягкой силы» как фактора укрепления в каналах международных коммуникаций гуманитарного влияния России.

Разделяя мнение ряда авторитетных отечественных экспертов и исследователей о том, что Россия не может и не должна ни при каких условиях копировать в точном соответствии с «моделью оригинала» путь социально-экономического развития, при котором абсолютное доминирование получают установки на индивидуализацию и атомизацию человека, а «жизненный путь личности вырван из «цепи времен»» [6], предположим, что в нынешних условиях развития российской государственности ориентиры на сохранение национальных ценностных традиций (= культурно-гуманитарная безопасность) и обеспечение экономического динамизма (= инновационно-экономическая безопасность) являются связанными и имманентно предусматривают необходимое в условиях информационной эпохи партнерство государства и общества в защите национальных интересов.

В заключение отметим, что одной из распространенных технологий управления в современном мире является «мотивационное управление», предусматривающее активное «обращение» к факторам психологического воздействия и использующее операционный формат, который ориентирован на программирование поведения человека [15, с. 1524–1527]. В связи с этим проблема сознания человека выходит на авансцену политического строительства, экономической организации и социокультурной жизнедеятельности в условиях, при которых «неизменным свойством современного мира становятся сами изменения» [16]. Поэтому разработка и реализация, посредством позиционируемого нами инструментария государственной культурной политики, программы культурного просветительства в пространстве общественного сознания является предпосылкой

создания «мотиваторов» для содержательного, целостного осмысления человеком информации о культурных ценностях, фактором оптимизации условий для рефлексии и выработки своих отношений, что в значительной степени выступает гарантом формирования культурной и социальной идентичности человека, способствуя конструированию ценностной (на культурной платформе) матрицы граждан – субъектов современного российского общества как целевого ориентира государственного управления.

Считаем, в нынешних условиях развития российской государственности тренды на сохранение национальных ценностных традиций (культурная безопасность) и обеспечение экономического динамизма (экономическая безопасность) являются взаимообусловленными, способствуя наполнению и развитию содержательных аспектов национальной безопасности современной России посредством мощного защитно-охранительного потенциала культуры, оптимизирующего возможности продуктивного партнерства государства и общества в защите национальных интересов.

Библиографический список

1. Россия должна быть нашим союзником: статья в газете L' Express. URL: <http://yug.svpressa.ru/politic/article/112633>
2. Толстых В.И. Диалог культур в современную эпоху // Диалог культур в условиях глобализации: мат-лы Бакинского форума, посвящ. памяти Гейдара Алиева // под общ. ред. Н.М. Мамедова, А.Н. Чумакова; отв. ред. А.А. Гезалов, И.Р. Мамед-заде. М., 2012.
3. Панчев А. Культура и нация // Там же.
4. Кара-Мурза С. Дезинтеграция и консолидация общества, 28 мая 2015 // Центр исследования кризисного общества: [сайт]. URL: <http://centero.ru/chair/dezintegratsiya-i-konsolidatsiya-obshchestva>
5. Дискин И.Е. Прорыв: Как нам модернизировать Россию. М., 2008.
6. Постиндустриализм: опыт критического анализа / В.И. Якунин, С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян [и др.]. М., 2012.
7. Багдасарян В.Э. Культурное просветительство в системе национальной безопасности России: доклад, 6 мая 2015 г. URL: <http://www.cnsr.ru/press-tsentr/analiticheskie-materialy/kulturnoe-prosvetitelstvo-v-sisteme-natsionalnoy-bezopasnosti-rossii>
8. Богатырева Т. Глобализация и императивы культурной политики современной России // Государственная служба. 2002. № 5 (19).
9. Колин К.К. Духовная культура общества как стратегический фактор обеспечения национальной и международной безопасности. URL: <http://www.astanaforum.kz/2010>
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Сайт Президента РФ. URL: <http://archive.kremlin.ru/2009/05/13>
11. Об утверждении основ государственной культурной политики: утв. Указом Президента РФ от 24 дек. 2014 г. № 808. URL: <http://www.document.kremlin.ru>
12. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира: пролегомены к психологической теории смысла. Самара, 2000.
13. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.
14. Сергеев В.В. Формирование культурной безопасности в условиях модернизации российского общества (на примере московского мегаполиса): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2011.
15. Национальная идея России: в 6 т. М., 2012. Т. 3.
16. Андреев И.Л. Современные представления о сознании человека и человечества // Современные представления о человеческом сознании: мат-лы науч. семинара. М., 2012. Вып. 4.

V.I. Zhuravlev
**Legal Policy in the Field
of Charity and its Role
in Civil Society Development**

The role of legal policies in the legal system of the Russian society is defined. The author concludes that the state authorities and local self-government should facilitate, encourage, and consider a priority, cooperation with charities in different directions to solve socio-economic problems of the population.

Key words and word-combinations: legal policy, charity, legal system, non-profit organizations.

Определяется роль правовой политики в правовой системе российского общества. Делается вывод о том, что органы государственной власти и местного самоуправления должны стимулировать и рассматривать как приоритетное сотрудничество с благотворительными организациями в различных направлениях для решения социально-экономических проблем населения.

Ключевые слова и словосочетания: правовая политика, благотворительность, правовая система, некоммерческие организации.

УДК 340.1
ББК 67.0

В.И. Журавлёв

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Анализ современной юридической литературы показывает, что термин «правовая политика» трактуется как политическая деятельность соответствующих субъектов, осуществляемая строго в рамках закона на основе действующих нормативных правовых актов. Справедливо заметил Е.Ю. Пермяков: «Если власть опирается на право, есть все основания говорить о правовой политике» [1].

По мнению С.А. Комарова и Г.М. Азнагуловой [2, с. 8], такой подход в принципе правомерен, однако он не может быть использован при исследовании политической деятельности в сфере функционирования права, поскольку это дает возможность выделить специфический вид политики, осуществляемой в сфере функционирования права. Определение «правовая» обозначает уже не атрибут политики, а область ее применения. «Правовая политика» – это комплекс мер, идей, задач, целей, программ, методов, реализуемых в сфере действия права и посредством права» [3, с. 28].

Правовая политика осуществляется, во-первых, в форме правотворческой деятельности государства, при которой последнее в лице законодательных органов власти непосредственно принимает законы; во-вторых, в форме исполнительной деятельности государственных органов, то есть деятельности органов государства и должностных лиц, направленной на осуществление и реализацию норм права; в-третьих, в форме правоохранитель-

ной деятельности, то есть деятельности государства, направленной на обеспечение надлежащего применения норм права в конкретных правоотношениях [2, с. 13].

Гражданское общество основано на свободной воле граждан – физических, юридических лиц, причем общим началом для них является подчинение нормам права. Эти нормы устанавливаются государством и охраняют свободу граждан. По утверждению Б.Н. Чичерина, «из самого существа гражданского союза вытекает необходимость подчинения его союзу государственному» [4]. Государство и гражданское общество представляют две стороны одного и того же народного союза: государство в определении единства, как цельный организм, подчиняющий себе части, гражданское общество в определении множества, как совокупность частных отношений свободных лиц. Гражданское общество невозможно представить без союза с государством, это – результат всемирно-исторического развития человечества.

Современная конституционная доктрина исходит из необходимости обеспечения гражданам России достойной жизни (гл. 2 Конституция РФ). Достойная жизнь – необходимое условие счастья, которое для человека с «чистой» совестью невозможно при бедности, неудовлетворенности, озлобленности окружающих. Право регулирует общественные отношения, но в силу исконно русского правового нигилизма утрачивает свое значение. По мнению Р.Б. Головкина, в целом причин «недействия права» может быть много, однако ситуацию, когда право должно и может регулировать общественные отношения, но в силу тех или иных обстоятельств не регулирует либо неэффективно регулирует общественные отношения, можно обозначить как инертность права [5, с. 56].

В такой ситуации одним из эффективных путей (но не единственным) достижения достойной жизни для состоятельных и нуждающихся граждан может стать институт благотворительности, способствующий единению представителей различных социальных групп в общность – многонациональный народ Российской Федерации. Н.И. Матузов в качестве одной из идей гражданского общества называет классовый мир, партнерство и национальное согласие. Задача государства – организовать благотворительность таким образом, чтобы: 1) были удовлетворены нравственные потребности жертвователей по организации окружающего их социума на уровне, позволяющем им осознавать свою жизнь достойной; 2) получающие помощь могли повысить участие в пользовании производимыми в стране благами до уровня, необходимого для ощущения себя полноценными членами общества; 3) были сохранены и приумножены объекты исторического и культурного наследия, составляющие гордость нации, позволяющие с уважением относиться к ней другим народам. Достойная жизнь возможна при осознании принадлежности к народу, величие предков и традиции которого признаются мировым сообществом.

В Конституции РФ нет упоминания о гражданском обществе, однако в ходе разработки проекта Конституции России в начале 1990-х годов идеи о включении в ее основной текст соответствующих статей высказывались различными объединениями. В проекте Конституция РФ, подготовленном Конституцион-

ной комиссией, был выделен специальный раздел «Гражданское общество». В настоящее время это одно из активно обсуждаемых в науке конституционного права понятий, хотя какого-либо единства в подходах к понятию «гражданское общество» нет. Поэтому важна роль и влияние благотворительности на формирование гражданского общества.

В качестве субъекта правовой политики государство в лице органов государственной власти выполняет следующие функции:

а) определяет политические, социальные и экономические цели развития общества; ранжирует цели на стратегические, тактические, приоритетные, текущие и т.п., закрепляет их в законодательных и подзаконных актах, тем самым придавая им всеобщий характер;

б) обеспечивает интеграцию общества путем использования механизма выявления и согласования желаний социальных классов, слоев и групп и формирует на основе общей воли систему права;

в) регулирует социально-политическую и социально-экономическую деятельность в обществе, устанавливая такие правила поведения и деятельности людей, которые обеспечивали бы соблюдение общих интересов и устойчивость развития общественных отношений;

г) оказывает целостное управленческое воздействие на процессы правообразования и правоприменения, на функционирование правовой системы общества через принятие и реализацию политических решений;

д) оказывает целенаправленное воздействие на процессы формирования правосознания.

Институт благотворительности закреплен в главе 2 Конституции РФ. Согласно ст. 30 Конституции РФ каждый имеет право на объединение, свобода деятельности общественных объединений гарантируется. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем. Создание, деятельность, реорганизация и ликвидация общественных объединений регулируются Федеральным законом «Об общественных объединениях», согласно ст. 5 которого под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения.

Правовые положения, порядок создания, деятельности, реорганизации и ликвидации некоммерческих организаций, права и обязанности их учредителей (участников), основы управления некоммерческими организациями и возможные формы их поддержки органами местного самоуправления установлены Федеральным законом «О некоммерческих организациях» [6]. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения благотворительных целей.

Особенности создания и деятельности благотворительных организаций регулируются Федеральным законом «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» [7]. Различные аспекты деятельности обществен-

ных объединений становились предметом рассмотрения в диссертационных исследованиях ряда отечественных и зарубежных ученых.

В настоящее время в России насчитывается не более пяти тысяч благотворительных организаций и фондов. Наиболее значимые из них: Фонд Б.Н. Ельцина, Фонд Горбачева, фонды «Подари жизнь», «Детские сердца», «Доноры детям», «Общество помощи детям с билиарной атрезией имени Н. Рогалевиц», «Центр творческого развития», программа «СТАРТ», благотворительный фонд «Здесь и сейчас», благотворительное общество «Адреса милосердия» и другие. Незначительное их число объясняется не только неразвитостью идей благотворительности, но и несовершенством соответствующего законодательства. Здесь необходимо сделать следующие пояснения и предложения.

1. Требуется уточнения вопрос о формах благотворительных организаций. Для этого необходимо согласовать положения федеральных законов «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» и «О некоммерческих организациях». Статья 7 первого из названных нормативных актов предусматривает возможность создания благотворительных организаций в формах общественных организаций (объединений), фондов, учреждений и в иных формах, предусмотренных федеральными законами для благотворительных организаций. Однако могут существовать организации, подпадающие под определение благотворительной организации, но созданные в организационно-правовых формах некоммерческих организаций, не указанных в Федеральном законе «О благотворительной деятельности». Например, автономные некоммерческие организации, помогающие на безвозмездной основе нуждающимся гражданам. Правильно было бы в рассматриваемом Законе записать, что «благотворительные организации создаются в формах общественных организаций (объединений), фондов, учреждений и в иных формах, предусмотренных федеральными законами для некоммерческих организаций, если создание благотворительной организации в такой форме не противоречит действующему законодательству Российской Федерации.

2. Часть 4 ст. 13 Конституции РФ гласит, что общественные объединения равны перед законом. Согласно ч. 2 ст. 19 Конституции РФ государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Однако Федеральный закон «О некоммерческих организациях» содержит различные основания отказа в государственной регистрации, ликвидации отечественных некоммерческих организаций и отделений иностранных некоммерческих неправительственных организаций. Неодинаков контроль за деятельностью различных неправительственных организаций. В состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории Российской Федерации их структурных подразделений не могут входить лица, замещающие государственные или муниципальные должности, а также должности государственной или муниципальной службы. По сути, все это оказывает воздействие на статус и создает

неравные условия для деятельности российских и зарубежных некоммерческих организаций.

Согласно ст. 13.2 Федерального закона «О некоммерческих организациях» иностранной некоммерческой неправительственной организации может быть отказано во внесении в реестр сведений о филиале или представительстве по следующим основаниям:

1) если цели и задачи создания филиала или представительства иностранной некоммерческой неправительственной организации противоречат Конституции РФ и законодательству Российской Федерации;

2) если цели и задачи создания филиала или представительства иностранной некоммерческой неправительственной организации создают угрозу суверенитету, политической независимости, территориальной неприкосновенности, национальному единству и самобытности, культурному наследию и национальным интересам Российской Федерации;

3) если ранее внесенные в реестр филиал или представительство иностранной некоммерческой неправительственной организации были исключены из реестра в связи с грубым нарушением Конституции РФ и законодательства Российской Федерации.

Аналогичные нормы записаны в ч. 2 ст. 23.1 этого же нормативного акта, предусматривающей основания отказа в государственной регистрации отделения иностранной некоммерческой неправительственной организации.

Возникают вопросы: что в данном случае означают слова «противоречат», «грубо нарушают Конституцию РФ и законодательство Российской Федерации», «создают угрозу национальному единству и самобытности, культурному наследию, национальным интересам»? Нечеткость формулировок создает возможность широкого, произвольного и субъективного их толкования, злоупотреблений. В ч. 5 ст. 13 Конституции РФ содержится исчерпывающий перечень общественных объединений, создание и деятельность которых запрещены: если цели или действия их направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

3. Абзац 4 п. 1.2 ст. 15 Федерального закона «О некоммерческих организациях» содержит запрет выступать учредителем (участником, членом) некоммерческой организации лицу, в отношении которого вступившим в законную силу решением суда установлено, что в его действиях содержатся признаки экстремистской деятельности. Строгость таких мер вызывает сомнение. Ведь человек, на которого распространяются такие нормы, не может быть даже участником или членом религиозной организации (объединения). Неясно, о каком сроке здесь идет речь. Правильно было бы установить соответствующие ограничения для лиц, которые привлечены к уголовной ответственности за четко определенные преступления.

4. В ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях» устанавливаются меры контроля за деятельностью некоммерческих организаций, которые, на наш взгляд, представляются в некоторых случаях чрезмерно жесткими.

Так, в случае несоответствия деятельности филиала или представительства иностранной некоммерческой неправительственной организации заявленным в уведомлении целям, непредставления филиалом или представительством иностранной некоммерческой неправительственной организации в установленный срок информации об объеме получаемых средств и иного имущества, их предполагаемом распределении, о целях их расходования или использования и об их фактическом расходовании или использовании, о предполагаемых для осуществления на территории Российской Федерации программах, а также о расходовании предоставленных физическим и юридическим лицам указанных денежных средств и об использовании предоставленного им иного имущества соответствующее структурное подразделение иностранной некоммерческой неправительственной организации может быть исключено из реестра филиалов и представительств международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций по решению уполномоченного органа. По нашему мнению, правом принимать соответствующее решение может обладать только суд, поскольку исключение филиала или представительства из реестра имеет существенные последствия для них, так как означает утрату правоспособности на территории Российской Федерации.

5. Часть 1 ст. 30 Конституции РФ гарантирует свободу деятельности общественных объединений. Однако п. 12 ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях» устанавливает право уполномоченного органа направлять структурному подразделению иностранной некоммерческой неправительственной организации мотивированное решение о запрете осуществления на территории Российской Федерации заявленной программы или ее части. Структурное подразделение иностранной некоммерческой неправительственной организации, получившее указанное решение, обязано прекратить деятельность, связанную с осуществлением данной программы. Невыполнение указанного решения влечет за собой исключение соответствующего филиала или представительства иностранной некоммерческой неправительственной организации из реестра, ликвидацию отделения иностранной некоммерческой неправительственной организации.

Согласно п. 13 ст. 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства уполномоченный орган вправе вынести структурному подразделению иностранной некоммерческой неправительственной организации в письменной форме мотивированное решение о запрете направления денежных средств и иного имущества определенным получателям указанных средств и иного имущества.

Правильно было бы ввести возможность ограничения свободы деятельности некоммерческих организаций только в судебном порядке. Если сотрудничество некоммерческой организации с какими-либо физическими или юридическими лицами нарушает законодательство, в том числе уголовное, то виновные лица должны привлекаться к ответственности в соответствии с установленной законодательством процедурой. Предоставление федеральному органу исполнитель-

ной власти, уполномоченному в сфере регистрации некоммерческих организаций, или его территориальным органам права ограничивать свободу деятельности некоммерческих организаций не соответствует ст. 30 Конституции РФ и принципам демократического государства, которым Россия провозглашается в ст. 1 Конституции РФ.

Рассматривая благотворительность как институт гражданского общества в Российской Федерации, реализующий социальную политику государства, следует обратить внимание на то, что правовая политика государства в области благотворительности в конечном счете определяет курс на улучшение благосостояния народа. Правовые отношения государства и общества посредством благотворительности напрямую связаны с демографической ситуацией. «Там, где эти правоотношения развиты, постоянно развиваются, совершенствуются, там наиболее сильное проявление государственности в совершенном обществе, – утверждает профессор Г.Г. Небратенко. – Там, где эти проблемы не контролируются государством, создается угроза национальной безопасности» [7, с. 52]. Особенно это связано с тем, что за последние годы снижается численность населения, вымирают села.

Одним из факторов, снижающих эту напряженность, является благотворительность во всех ее проявлениях (волонтерство, меценатство, подвижничество и т.д.). В настоящее время в России действуют 968 благотворительных организаций. Сотрудничество призвано осуществляться с целью разработки механизмов, побуждающих социально ответственный бизнес к занятию благотворительной деятельностью, меценатству и поддержке общественных инициатив; расширения участия общественности и бизнес-сообщества в благотворительной деятельности. В России реализуются четыре приоритетных национальных проекта по благотворительной деятельности.

Как представляется, органы государственной власти и местного самоуправления должны способствовать, стимулировать и рассматривать как приоритетное сотрудничество с благотворительными организациями в различных направлениях для решения социально-экономических проблем населения.

Библиографический список

1. *Пермяков Ю.Е.* Введение в основы уголовной политики. Самара, 1993.
2. *Комаров С.А., Азнагулова Г.М.* Правовая политика: понятия, роль и обеспечение в правовой системе общества // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 3.
3. *Матузов Н.И.* Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 1.
4. *Чичерин Б.Н.* Курс государственной науки: в 3 т. М., 1894. Т. 1: Общее государственное право.
5. *Головкин Р.Б.* Специфика взаимоотношений морали и права в регулировании общественных отношений // Российский следователь. 2005. № 1. С. 56–60.
6. О некоммерческих организациях: Федер. закон от 12 янв.1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 6 апр. 2015 г.) URL: <http://docs.cntd.ru/document/9015223>
7. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федер. закон от 11 авг. 1995 г. № 135-ФЗ (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930; 2006. Ст. 636.
8. *Небратенко Г.Г.* Демографическая безопасность Российской Федерации в XXI столетии // Философия права. 2014. № 1 (62).

**K.N. Ramazanov
On the Interpretation
of the Novelties in the System
of Restrictions Related
to Civil Service**

The legislative novelties in the system of restrictions on the civil service, related to entrepreneurial activities and participation in management of economic entities are analyzed. Legal sources and nuances of the regulatory act texts are analyzed in interrelation.

Key words and word combinations: the civil service, restrictions, entrepreneurial activities, trust management.

Анализируются законодательные нововведения в системе запретов в связи с прохождением государственной гражданской службы, касающиеся осуществления предпринимательской деятельности и участия в управлении хозяйствующими субъектами. Исследуются во взаимосвязи правовые источники и нюансы интерпретации формулировок указанных запретов.

Ключевые слова и словосочетания: государственная гражданская служба, запреты, предпринимательская деятельность, доверительное управление.

УДК 342:35
ББК 67.401.02

К.Н. Рамазанов

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОВОВВЕДЕНИЙ В СИСТЕМЕ ЗАПРЕТОВ, СВЯЗАННЫХ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБОЙ

Государственная гражданская служба, как один из видов управленческой деятельности публично-властного характера, сопряжена с высокой степенью риска возникновения конфликта интересов и коррупционных практик в процессе реализации функций государственного управления. Этим обуславливается наличие в структуре правового статуса гражданского служащего комплекса запретов в связи с прохождением службы, направленных на обеспечение объективности принимаемых служащими управленческих решений и защищенности от возможного влияния со стороны заинтересованных субъектов. Однако в том случае, если запреты сформулированы недостаточно полно и однозначно и если отсутствуют реальные механизмы обеспечения их соблюдения, то это, в сочетании с искаженной или односторонней интерпретацией формулировок запретов, скорее препятствует развитию правильного понимания служащими сущности проблемы конфликта интересов в связи с исполнением должностных обязанностей и осознания необходимости его предотвращения и урегулирования.

Российский опыт развития законодательства о государственной гражданской службе нередко сопровождался именно такими ситуациями, что вызывало необходимость внесения дополнений и корректив в формулировки статей соответствующих норматив-

но-правовых актов. К этому следует добавить и то, что отдельные изменения были вызваны принятием Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и развивающих его Указов Президента РФ.

В комплексе запретов, связанных с государственной гражданской службой, наиболее известными и часто используемыми в дисциплинарной практике традиционно являлись запреты на осуществление предпринимательской деятельности и участие на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией. Они и станут предметом анализа в данной статье.

Следует признать, что обеспечение соблюдения указанных запретов практически всегда сопровождалось наличием трудностей в применении при привлечении к дисциплинарной ответственности, возникновением служебных споров, перерастающих в длительные судебные противостояния. Причина этого заключалась в недостаточной ясности формулировки указанных запретов, что влекло за собой разные подходы к толкованию соответствующих положений ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1, ст. 17].

К примеру, на практике часто возникали противоречия по поводу обладания отдельными гражданскими служащими статуса учредителя или участника коммерческой организации, чаще всего общества с ограниченной ответственностью (ООО). Некоторые представители органов прокурорского надзора, кадровых служб органов исполнительной власти нередко исходили из того, что подобный статус позволяет рассматривать служащего как субъекта, осуществляющего предпринимательскую деятельность. В иных ситуациях служащих, имеющих доли участия в ООО, рассматривали как нарушивших п. 1 ч. 1 ст. 17, в котором был установлен запрет на участие на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией.

В обоих случаях таким служащим в судебном порядке иногда удавалось успешно оспорить наложенные на них дисциплинарные взыскания, основываясь на том, что владение долей участия в ООО само по себе не является предпринимательской деятельностью. Представлялись также доказательства осуществления участия в управлении коммерческой организацией не на платной основе либо приводились аргументы, что служащий не входил в состав органа управления учрежденного им общества с ограниченной ответственностью, а по доверенности передавал право управления другому участнику общества. Еще одним недостатком названных запретов было то, что из поля контроля выпадали многочисленные некоммерческие организации, которые, несмотря на свой статус, по уставу имели право заниматься хозяйственной деятельностью, оказывая платные услуги, в том числе в различных сферах деятельности органов государственной власти. Иными словами, такие НКО также осуществляли приносящую доход деятельность. В ходе прокурорских или служебных проверок неоднократно выявлялись случаи участия гражданских служащих в управлении такими некоммерческими организациями.

Очевидно, что противоречивость правоприменительной практики по данным запретам требовала уточнения исходных законодательных норм. На это, в частности, был направлен принятый 22 дек. 2014 г. Федеральный закон № 431-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции».

В результате принятия данного Закона в ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» были внесены изменения именно в части коммерческой и предпринимательской деятельности [2, ст. 5]. Пункт 3 ч. 1 ст. 17 Закона был сформулирован по-новому. Согласно новой редакции гражданскому служащему запрещено «заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, а также участвовать в управлении хозяйствующим субъектом (за исключением жилищного, жилищно-строительного, гаражного кооперативов, садоводческого, огороднического, дачного потребительских кооперативов, товарищества собственников недвижимости и профсоюза, зарегистрированного в установленном порядке), если иное не предусмотрено федеральными законами или если в порядке, установленном нормативным правовым актом Российской Федерации или субъекта РФ в соответствии с федеральными законами или законами субъекта РФ, ему не поручено участвовать в управлении этой организацией». Был аннулирован п. 1 ч. 1 ст. 17 данного Закона, который, напомним, устанавливал запрет на участие на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организацией.

В связи с произошедшими изменениями у представителей кадровых служб государственных органов, а также у самих служащих возникли определенные затруднения относительно трактовки новой редакции запрета и действий по его соблюдению. В частности, не было понятно – что в данном случае понимать под «предпринимательской деятельностью» и «управлением хозяйствующим субъектом»? Еще один важный вопрос заключался в том, как данный запрет соотносится с ч. 2 ст. 17, в которой закреплено, что «в случае, если владение гражданским служащим ценными бумагами, акциями (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций) приводит или может привести к конфликту интересов, гражданский служащий обязан передать принадлежащие ему ценные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации». Получается, исходя из этой формулировки, служащий не всегда обязан передавать доли участия в уставных капиталах организаций в доверительное управление, а только в случае угрозы возникновения конфликта интересов.

Наконец, третий вопрос, представляющий живой интерес со стороны служащих, касался соотношения понятий «управление по доверенности» и «доверительное управление». Некоторые служащие пытаются уточнить, могут ли они передать управление своими долями по доверенности другому гражданину.

На наш взгляд, важно дать ответы на перечисленные вопросы.

При определении понятия «предпринимательская деятельность» следует использовать нормы Гражданского кодекса РФ. В частности, в ст. 2 ГК РФ определяется, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке [3, ст. 2]. Таким законом, в частности, является Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Понятие «хозяйствующий субъект» дается в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». В ст. 4 Закона определено, что хозяйствующий субъект – это коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации [4, ст. 4].

Как видно, новая редакция п. 3 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» существенно расширяет сферу действия рассматриваемого запрета, так как под него теперь подпадает участие в управлении любым хозяйствующим субъектом (за исключением непосредственно перечисленных в данной норме хозяйствующих субъектов). К примеру, если раньше служащий мог управлять некоммерческой организацией (даже если она оказывала определенные уставом платные услуги), то сейчас такая деятельность тоже попадает под запрет.

Важным нюансом формулировки данного запрета стало ограничение возможности осуществления предпринимательской деятельности через доверенных лиц. По справедливому замечанию С.Е. Чаннова, с внедрением такой формулировки, как нарушение, теперь следует трактовать и учреждение служащим любой предпринимательской структуры, поскольку даже если он не будет управлять ей непосредственно, то все же делегирует свои полномочия как учредителя другим лицам [5, с. 5]. Теперь фактически исключается возможность организации как личного, так и опосредованного управления любым хозяйствующим субъектом. Служащий фактически не может являться учредителем (участником) организации, которая осуществляет деятельность, приносящую доход, и не может наделить кого-либо правом действовать от его (гражданского служащего) имени по доверенности.

Отдельным вопросом является передача своей доли участия в доверительное управление в соответствии с порядком, определенным Гражданским кодексом РФ. При этом следует учитывать несколько моментов.

Необходимость передачи доли в уставном капитале ООО в доверительное управление в связи с переходом участника на государственную службу предусмотрена в ч. 2 ст. 17 ФЗ № 79 от 27 июля 2004 г. и звучит так: «В случае, если

владение гражданским служащим ценными бумагами, акциями (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций) приводит или может привести к конфликту интересов, гражданский служащий обязан передать принадлежащие ему ценные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации».

В принятом в 2008 г. Федеральном законе «О противодействии коррупции» формулировка более категорична: «В случае, если государственный или муниципальный служащий владеет ценными бумагами, акциями (долями участия, паями в уставных (складочных) капиталах организаций), он обязан в целях предотвращения конфликта интересов передать принадлежащие ему ценные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с законодательством Российской Федерации» [6, ст. 12.3].

Судебная практика в рассматриваемом вопросе показывает, что судьи в ряде случаев исходят из убеждения о том, что передача в доверительное управление является прямой обязанностью служащего (см., например, постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 июня 2013 г. по делу № А56-55628/2012 [7]). Представители органов прокурорского надзора также отстаивают необходимость безоговорочной передачи принадлежащих служащему ценных бумаг, долей участия и т.д. в доверительное управление.

Практика деятельности государственных органов иногда показывает применение централизованного подхода в решении данного вопроса. В качестве примера можно привести приказ Генеральной прокуратуры РФ от 3 мая 2011 г. № 117, которым в целях установления единого порядка выполнения прокурорскими работниками и федеральными государственными гражданскими служащими органов и учреждений прокуратуры указанной обязанности им отдано поручение передавать принадлежащие им ценные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в срок не позднее 30 дней со дня возникновения у них права на указанные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) либо со дня, когда прокурорскому работнику или федеральному государственному гражданскому служащему стало известно о возникновении у него этого права [8, п. 2]. В пользу такого подхода говорит содержание ст. 19 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», где устанавливается обязанность служащего избегать не только реального конфликта интересов, но и возможности его возникновения.

Почему допускается доверительное управление даже в условиях новой формулировки запрета на осуществление предпринимательской деятельности? Это связано с правовой природой доверительного управления. Следует отличать представительство гражданина по доверенности и доверительное управление. Доверенность свидетельствует о том, что ее предьявитель (поверенный) является представителем лица, выдавшего доверенность, (доверителя) и имеет право

осуществлять от имени последнего определенные действия, то есть фактически все юридические действия по-прежнему совершает сам доверитель; поверенный же выступает «инструментом» для осуществления прав, которыми обладает доверитель.

Доверительное управление предполагает, что уполномоченное лицо действует уже от своего имени, но в интересах учредителя управления [3, ст. 1012]. Несмотря на то, что Гражданским кодексом РФ гарантировано сохранение права собственности за учредителем управления, принципиально важной особенностью доверительного управления является факт передачи права управления принадлежащей учредителю долей другому субъекту.

Таким образом, в отношении доверительного управления положения п. 3 ч. 1 ст. 17 и ч. 2 данной статьи друг другу не противоречат.

Однако в остальном на данный момент, по нашему мнению, действительно сформировалось противоречие между этими пунктами в том, что касается фактического права (образуемого формулировкой ч. 2 ст. 17) гражданского служащего иметь в собственности ценные бумаги, доли участия в уставных капиталах организаций, не передавая их в доверительное управление. Именно это противоречие формирует почву для возникновения различного отношения служащих к необходимости передавать свои активы в доверительное управление, а также споров, в том числе судебных, по поводу привлечения служащих, не передавших свои доли участия в доверительное управление, к дисциплинарной ответственности.

Ключевая проблемная зона здесь – это владение долей участия в уставных капиталах организаций. Если акционер, как уже не раз отмечалось в судебных решениях, чаще всего не участвует в управлении коммерческой организацией (обусловлено видом акций, статусом акционера), то учредитель (участник) ООО, согласно Федеральному закону от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», наделен правом управления [9, ст. 8], а соответственно, попадает под действие п. 3 ч. 1 ст. 17 (участие в управлении хозяйствующим субъектом). В этой ситуации служащему необходимо будет представлять убедительные доказательства (к примеру, копии протоколов собраний участников ООО), свидетельствующие о том, что он в управлении ООО фактически не участвует, что может быть сопряжено с определенными трудностями. Следует признать, что доказать свою правоту служащему, не желающему передавать свою долю участия в ООО, будет весьма трудно. Хорошо иллюстрирует такую ситуацию апелляционное определение Кировского областного суда от 5 марта 2015 г. по делу № 33-589 [10].

В суде рассматривалась апелляционная жалоба гражданина, уволенного с государственной гражданской службы в связи с утратой доверия за непринятие гражданским служащим мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он являлся. Причиной увольнения стало то, что в результате проверки сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера было выяснено, что данный гражданин являлся участником двух юридических лиц ООО.

В суде уволенный гражданин, считая увольнение незаконным, приводил различные доводы, в частности утверждал, что конфликта интересов в данной ситуации не возникало и не могло возникнуть, поскольку исполнение должностных обязанностей не было связано с деятельностью ООО. Доказывал, что сам факт участия в ООО не противоречит нормам действующего законодательства и не является доказательством занятия предпринимательской и управленческой деятельностью. В качестве доказательства гражданин представил справки из ООО о том, что он не являлся работником обществ, не занимался управленческой и предпринимательской деятельностью в них. Основываясь на указанном, гражданин не видел оснований для передачи своей доли в уставном капитале ООО в доверительное управление.

Однако, несмотря на доводы истца, судебная коллегия по гражданским делам Кировского областного суда признала факт и основания увольнения данного гражданина законными. В качестве доводов коллегия обратила внимание, что владение государственным служащим долями участия в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью создает возможность возникновения конфликта интересов, а соответственно, государственный служащий обязан передать эти доли иному лицу с целью предотвращения конфликта интересов. Доводы жалобы истца о том, что он не являлся работником обществ, не занимался управленческой и предпринимательской деятельностью в них, в связи с чем конфликт интересов отсутствует, не были признаны, как основанные на неправильном толковании и применении норм права.

Еще раз отметим, что кроме Федерального закона №79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» эти вопросы регулирует также Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В ст. 11 данного Закона устанавливается прямая обязанность государственного служащего принимать меры по недопущению *любой возможности* возникновения конфликта интересов. Анализ законодательных определений понятий «конфликт интересов» и «личная заинтересованность» позволяет прийти к выводу, что владение государственным служащим долями участия в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью создает возможность возникновения конфликта интересов. Если служащий не видит сейчас конфликта интересов во владении долей участия в уставном капитале, это не означает, что он предусмотрел все риски и любые ситуации, в которых может оказаться в процессе исполнения должностных обязанностей, когда личная заинтересованность в связи с его участием в коммерческой организации может повлиять на исполнение должностных обязанностей. Отсутствие же у государственного служащего долей участия в уставном капитале, напротив, серьезно ограничивает возможность возникновения конфликта интересов.

Таким образом, в совокупности эти два закона формируют достаточные основания для того, чтобы ожидать от служащих исполнения обязанности по передаче принадлежащих им ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Библиографический список

1. О государственной гражданской службе в Российской Федерации: Федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 6 апр. 2015 г.) // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 2990.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции: Федер. закон от 22 дек. 2014 г. № 431-ФЗ // Рос. газ. 2014. 24 дек.
3. Гражданский кодекс РФ. Часть вторая от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 6 апр. 2015 г., с изм. от 7 апр. 2015 г.) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. О защите конкуренции: Федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) // Парламент. газ. 2006. 3 авг.
5. *Чаннов С.Е.* Государственная гражданская служба: изменения в сфере противодействия коррупции // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 2 (47). С. 4–11.
6. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 22 дек. 2014 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
7. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 июня 2013 г. по делу № А56-55628/2012. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. О передаче в доверительное управление принадлежащих прокурорским работникам и федеральным государственным гражданским служащим органов и учреждений прокуратуры ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций): приказ Генпрокуратуры РФ от 3 мая 2011 г. № 117 // Законность. 2011. № 8.
9. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (в ред. от 6 апр. 2015 г.) // Рос. газ. № 30. 1998. 17 февр.
10. Апелляционное определение Кировского областного суда от 5 марта 2015 г. по делу № 33-589 [электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

A.A. Korobov, S.S. Smetannikov
Turkey's Influence
on the Regional Political
Processes in the Republic
of Crimea: Constructive Analysis

The article deals with the internal political processes in the Republic of Crimea after its annexation by Russia, and identifies internal and external factors determining and influencing these processes. The main attention is focused on the influence of the Republic of Turkey on the regional political processes of Crimea. Potential prerequisites and motives of such influence, as well as practical steps taken in this direction are considered.

Key words and word-combinations: regional policy process, ethnic and political system of the region, the Republic of Crimea, the Republic of Turkey, the Crimean Tatar community.

Рассматриваются внутриполитические процессы, протекающие в Республике Крым после ее присоединения к России. Выявляются внутренние и внешние факторы, детерминирующие и влияющие на эти процессы. Основное внимание фокусируется на влиянии Турецкой Республики на региональные политические процессы Крыма; рассматриваются как потенциальные возможности, предпосылки и мотивы такого влияния, так и уже предпринимаемые практические шаги в этом направлении.

Ключевые слова и словосочетания: региональный политический процесс, этнополитическая система региона, Республика Крым, Турецкая Республика, крымско-татарская община.

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

А.А. Коробов,
С.С. Сметанников

ВЛИЯНИЕ ТУРЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: КОНСТРУКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Возросший интерес к региональным политическим процессам Республики Крым в контексте трансграничных взаимодействий государств Черноморского бассейна связан с присоединением в 2014 г. Крыма к Российской Федерации, спровоцировавшим резкое обострение международной обстановки. Региональная политическая система Крыма, оказавшись в переходном состоянии, стала довольно уязвимой для внешнего воздействия, что могло негативно отразиться на национальной безопасности России. Понимая это, российская власть приложила максимум усилий для скорейшего завершения трансформации политической структуры полуострова. Но в силу сложного неоднородного в этническом и конфессиональном плане состава населения присоединенной территории определенные каналы политической комму-

никации с иностранными государствами, в том числе с Украиной, Турцией, Румынией, Азербайджаном, остались неизменными, и через них стали предприниматься попытки извне повлиять на внутриполитические процессы в Республике Крым. Это обстоятельство актуализирует проблему внешнего воздействия (его форм, направлений, интенсивности, социально-политических последствий) на Крымский регион как в научно-теоретическом, так и в прикладном аспекте. В настоящей статье мы сосредоточим исследовательское внимание на одной стороне обозначенной проблемы – влиянии на внутрирегиональные процессы Крыма Турецкой Республики – государства, имеющего, с одной стороны, крепкие исторические связи с населением Крыма, а с другой – стратегическое экономическое партнерство с Россией.

Переход Республики Крым из состава Украины в состав Российской Федерации обусловил существенные изменения в ее региональной политической системе. Произошла смена всей партийной и общественно-политической системы (в частности, упразднены отделения украинских партий и созданы крымские отделения КПРФ, ЛДПР, ДПР, партий «Справедливая Россия», «Единая Россия», «Патриоты России» и др.), структуры государственных органов республиканской, муниципальной власти и местного самоуправления. Принципы формирования представительной и исполнительной власти Республики Крым как восемьдесят четвертого субъекта РФ были в ускоренном порядке приведены в соответствие с российским законодательством. Реструктуризация и перегруппировка затронули всю местную и республиканскую политическую элиту. Коренным образом изменилась и оппозиционная составляющая региональной политической системы Крыма. Но чтобы более детально разобраться в этом вопросе, необходимо выделить из общей региональной системы политических отношений этнополитическую структуру и подробно ее рассмотреть.

Этнополитическую структуру Республики Крым формируют три основных этноса: русский, украинский и крымско-татарский, которые составляют от общей численности населения Крыма 58,5%, 24,4% и 12,1% соответственно. Остальные 5% населения Крыма образуют представители 122 национальностей и народностей (белорусы, татары, армяне, евреи, поляки, молдаване, азербайджанцы, узбеки, корейцы, греки, немцы и др.) [1].

Одним из важных современных процессов в региональной этнополитической системе Республики Крым, оказывающим влияние на фундаментальное переустройство всей этой системы, является раскол крымско-татарского этноса на два политических лагеря: сторонников и противников российской власти. Меджлис, ранее представлявший политические интересы крымских татар как внутри Украины, так и на международном уровне, лишился своих исключительных прав говорить от имени всего крымско-татарского народа и напрямую взаимодействовать с иностранными государствами. Часть политически активных представителей крымско-татарского этноса в июне 2014 г. создала параллельную меджлису организацию «Крымское единство» («Къырым бирлиги»), которая была сразу вовлечена властью республики в процесс социально-экономического и политического развития Крыма и установила прямые политические контакты с крымско-татарскими общественными структурами и общинами

в Турции и Румынии в обход меджлиса. По инициативе организации «Крымское единство» в конце ноября 2014 г. в Симферополе была проведена конференция Общественного совета крымско-татарского народа; турецкие и румынские общественные организации прислали на эту конференцию своих представителей – и в качестве делегатов, участников конференции, и в качестве почетных гостей. Лидеры меджлиса, в том числе находящиеся за пределами Республики Крым, обвинили всех участников этой конференции в предательстве подлинных интересов крымско-татарского народа и пособничестве оккупационному режиму.

Несмотря на этот раскол, текущее состояние региональной политической системы Крыма вполне устойчиво, однако в ней имеется одно серьезно уязвимое место – ее этнополитическая подсистема. Относительное неравенство политических статусов трех системообразующих этносов Республики Крым превратилось в фактор риска для устойчивого развития региональной этнополитической, а значит, и всей политической системы. Публично заявляя об ущемлении прав крымско-татарского народа и об отсутствии у него реальных возможностей для реализации своих законных национальных (в смысле этнических) интересов, часть политически активных крымских татар превратилась в удобный объект для внешнего воздействия: эти политические и общественные деятели открыты к сотрудничеству со всеми иностранными оппонентами российской власти, будь то Украина, Евросоюз или США. Весь вопрос в том, кто из последних заинтересован в дестабилизации ситуации на Крымском полуострове и какими средствами, путями они могут перенаправить региональные политические процессы в выгодное для них русло.

Наиболее эффективным механизмом воздействия на этнополитические процессы в Республике Крым обладает союзник США и стран Европы по НАТО – Турецкая Республика. Этому есть ряд причин. Во-первых, крымские татары имеют тесные исторические связи с Турцией, где также проживает определенная часть их этноса (точное количество крымских татар в Турции подсчитать невозможно, так как там не ведется государственной статистики по национальному составу населения). Эти связи базируются на общей религии (ислам суннитского толка) и этнической близости турок и крымских татар, или, иными словами, на тюркской этнической солидарности. Во-вторых, представители крымско-татарского населения Крыма по многим своим вопросам традиционно взывают к руководству Турции, воспринимая его как своего большого покровителя. По всей видимости, такое восприятие Турецкой Республики крымскими татарами имеет под собой вполне объективные основания. Но еще более важно то, что образ Турции как верного защитника и покровителя крымских татар активно пропагандируется лидерами меджлиса, особенно Мустафой Абдулджемилем Джемилевым. В-третьих, на территории Турции имеется целая сеть политических радикальных организаций, проповедующих идеи пантюркизма (неопантюркизма) и активно распространяющих эту идеологию за пределами турецкой территории. Сторонников идей «Великого Турана» члены этих организаций находят практически во всех народах тюркской группы, в том числе и среди крымских татар, азербайджанцев, турок, турок-месхетинцев, татар, гагаузов – нынешнего населения Республики Крым, хотя эти идеи и не пользуются

особой популярностью. Не без участия неправительственных турецких организаций 5 июля 2013 г. в Киеве был учрежден Конгресс тюркских народов Украины (КТНУ). В самой Турции наиболее влиятельной и при этом абсолютно легальной пантюркистской организацией в настоящее время является консервативная Партия националистического движения (ПНД) с военизированным крылом «Серые волки». Среди других идеологически близких политических структур в Турции можно назвать Всемирный комитет турок, Всемирную ассамблею тюркских народов (прежнее название – Ассамблея тюркских народов (АТН), Турецкое национальное движение «Тюркеш» и другие. Существуют и ультрарадикальные группы, например «Очаги законного порядка» [2, с. 66; 3, с. 225–228].

Все изложенное свидетельствует о наличии возможностей у Турции влиять на политическое поведение крымско-татарского населения Крыма. Другое дело, насколько Турецкой Республике целесообразно вмешиваться во внутривнутриполитические процессы Республики Крым на фоне начавшегося расширения стратегического партнерства с Российской Федерацией. Если посмотреть в ретроспективе, то после окончания «холодной войны» и распада СССР Турция предприняла попытку распространить свое политическое и идеологическое влияние на государства СНГ, опираясь на так называемый «тюркский пояс народов», но в 1990-е годы эта внешнеполитическая затея провалилась. Десятилетие спустя Турция вернулась к пантюркистскому проекту, и на этот раз цель была достигнута: 3 октября 2009 г. учреждена новая межгосударственная структура «Совет сотрудничества тюркоязычных государств» в составе четырех государств: Турцией, Азербайджаном, Казахстаном и Киргизией. На первом их саммите (21 октября 2011 г., Алматы) были созданы руководящие / координирующие органы: Тюркская парламентская ассамблея и Совет старейшин [4]. Позже, в августе 2012 г., четыре тюркских государства даже приняли единый флаг по аналогии с единым флагом ЕС.

Между Анкарой и Москвой все последние два с половиной десятилетия сохранялись преимущественно добрососедские отношения. Это, однако, не мешало отдельно взятым турецким организациям, как, например, «Очаги законного порядка», оказывать всяческую поддержку боевикам и террористам в ходе вооруженного конфликта на Северном Кавказе. Но деятельность подобного рода группировок, направленная на дестабилизацию обстановки на Кавказе – в Абхазии, Нагорном Карабахе, Российской Федерации, была официально запрещена турецкой властью, их активисты преследовались по закону. В 2000-х годах в двусторонних российско-турецких отношениях стали доминировать взаимовыгодные экономические интересы, особенно в области энергетики. Пантюркистские устремления Турции вовлечь бывшие советские республики Средней Азии и Казахстан в орбиту своей политики не повлияли на реализацию проекта Москвы по созданию Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Таможенного союза; вследствие чего между Россией и Турцией были сохранены доверительные партнерские отношения.

Современная внешняя политика Турции включает в себя два стратегических направления, продиктованных ее национальными интересами: во-первых, интеграцию в Европейский Союз (Турция – государство – кандидат на вступление

ние в ЕС с 1999 г.; член Совета Европы с 1949 г.); во-вторых, поддержание мира и стабильности по всему периметру ее государственных границ: на Ближнем и Среднем Востоке, в Черноморско-Средиземноморском регионе, куда входит Южный Кавказ, Россия, Украина, страны Балканского полуострова и Северной Африки [5]. Плюс к этому Турция остается членом НАТО, и, несмотря на появление в ее внешнеполитической деятельности определенной самостоятельности, независимости, в том числе в отношении создания объединения тюркских государств (что вызывает у ее союзников по североатлантическому альянсу легкую обеспокоенность), она продолжает быть проводником натовских интересов в регионе. Все это в совокупности повлияло на официальную позицию руководства Турецкой Республики по крымскому вопросу: Турция не признает законным отсоединение Республики Крым от Украины и вхождение ее в состав России. Но в то же время Турция выступает за сохранение нормальных партнерских отношений с Российской Федерацией. Давление на Анкару со стороны Евросоюза и США с целью изменить ее отношения к Москве пока результатов не принесло. Определенное давление на Анкару в вопросе крымских татар пытается оказывать и Киев, но в Турции это воспринимают как искусственное втягивание ее в противостояние с Россией и стараются не поддаваться на такую провокацию.

Сегодня можно наблюдать, как предпринимаемые Турцией действия отражаются на динамике этнополитических отношений в Республике Крым, в чем явно просматривается причинно-следственная связь между турецкой внешней политикой и региональными процессами в Крыму.

Во-первых, Турция оказывает влияние на этнополитические процессы в Крыму путем прямых двухсторонних переговоров с руководством Российской Федерации. Она формулирует проблему, являющуюся, с ее точки зрения, наиболее острой на текущий момент, сообщает о ней российской стороне с пожеланием ее решить, дожидается положительного обещания российского руководства, а затем мониторит ситуацию – как это обещание выполняется. В случае же нерешения или не достаточно эффективного решения, с точки зрения правительства Турецкой Республики, Турция вновь апеллирует к Российскому государству. Обязательным моментом всех этих процессов является их широкое информационное освещение в СМИ. Последнее делается прежде всего для информирования крымско-татарского народа о принимаемых Турцией мерах по заботе о своих единоверцах и соплеменниках.

Во-вторых, некоторые изменения в этнополитических процессах Крыма становятся отражением, преломлением официальных заявлений первых лиц Турецкой Республики: президента, премьер-министра и министра иностранных дел. Заметим, что все встречи между представителями Москвы и Анкары в течение 2014 – начала 2015 г. заканчивались заявлениями, одним из пунктов которых всегда был вопрос о положении крымско-татарского народа и реализации его прав и свобод. Однако руководство Турции не ограничивается заявлениями по крымско-татарскому вопросу только по итогам российско-турецких встреч. 17 сентября 2014 г. МИД Турции сделал заявление, полный текст которого размещен на официальном сайте ведомства [6]. В заявлении говорится о

непризнании итогов выборов в Государственный совет Республики Крым (дословно: «выборы в Автономной Республике Крым не имеют юридической силы для Турции») и «осуждается растущее давление на Национальную ассамблею крымско-татарского народа (дословно: National Assembly of the Crimean Tatar People), то есть меджлис, имеющее целью запугать крымско-татарский народ». Непризнание результатов выборов в Крыму 14 сентября и самих выборов, как таковых, со стороны Турции вселило оптимизм в некоторых общественных и политических деятелей крымско-татарского народа и повлекло за собой новый виток противостояния с представителями российской власти.

Заявление министра иностранных дел Турецкой Республики Мевлюта Чавушоглу, сделанное в январе 2015 г., о том, что Россия не выполнила взятые на себя обязательства по улучшению социально-политического положения крымских татар, возымело другое действие – усилился раскол в политически активной части крымско-татарского этноса. Занимающие должности в системе государственной власти Крыма представители указанного этноса выступили с опровержением слов главы МИД Турции (Ремзи Ильясов, Заур Смирнов и др.), а активисты Комитета по защите прав крымско-татарского народа срочно провели конференцию в Симферополе, на которой обратились к Президенту Турции Эрдогану и к Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций Пан Ги Муну с мольбой о помощи и защите. Противостояние двух политических лагерей внутри одного этноса с течением времени стало перерастать в прямую конфронтацию.

В-третьих, публичные акции и информационные кампании в поддержку крымских татар, организовываемые и проводимые населением Турции, также в определенной степени мобилизуют и активизируют протестные действия и политические выступления крымских татар. Об этом, например, свидетельствует всплеск негативных настроений среди крымско-татарского населения в июне 2014 г., когда в Турции различными общественными и неправительственными организациями был проведен ряд публичных акций, приуроченных к 70-й годовщине депортации крымских татар. Тогда была развернута целая пропагандистская кампания, осуждающая якобы попытки российских властей в Крыму уничтожить меджлис или, по меньшей мере, свести его общественно-политическую роль в регионе к минимуму. Если окинуть взглядом весь 2014 год, то можно увидеть, что представители различных общественных организаций и политических партий Турции, в том числе Народно-республиканской партии и Партии национального движения, организовывали антироссийские акции, демонстрации и пикеты в поддержку крымских татар в разных городах: в Эскишехире (2 марта – лозунги: «Турция, поддержи Крым!», «Крым – тюркская земля!»), в Стамбуле (8 марта – демонстрация возле российского консульства), в Анкаре (10 декабря – пикетирование Посольства Российской Федерации), и каждый раз акция находила отклик, в той или иной форме, у политической активной части крымско-татарского народа в Республике Крым.

В-четвертых, в рамках «народной дипломатии» одни общественные структуры Турецкой Республики налаживают отношения с пророссийскими объединениями крымских татар в Крыму, другие продолжают поддерживать связи с меджлисом и

отдельными его представителями, находящимися в настоящее время как в Крыму, так и за пределами полуострова. При этом старые связи не ослабевают, а новые укрепляются. По всей видимости, здесь мы имеем дело не с политикой двойных стандартов, а с банальным желанием Турции по всем направлениям усилить свои позиции в Крыму. Народная дипломатия используется властью Турции как технология «мягкой силы» в процессе продвижения своих политических и экономических интересов в Республике Крым при официальной твердой позиции Анкары непризнания российского суверенитета над полуостровом.

На этом основании можно сделать вывод, что некоторые импульсные изменения в региональной этнополитической системе Крыма становятся ответной реакцией на конкретное действие Турции. А если это так, то руководство Турецкой Республики имеет возможность с большой долей вероятности просчитывать направление в поведении политически активной части крымско-татарского этноса и, следовательно, управлять им. Теми же самыми официальными заявлениями своих первых лиц в отношении крымских татар Турция может как снижать накал противостояния между межджлисом и российской властью в Крыму, так и обострять его, добиваясь частичного сдвига региональной этнополитической системы в нужную Турции сторону.

Очевидно, что Турецкая Республика своими действиями «приводит в движение» оппозицию, этнополитические отношения в обществе (как минимум, повышает или понижает уровень их напряженности). Но здесь еще нужно учитывать, что в рамках одной региональной политической системы все политические процессы имеют между собой высокую степень корреляции. Изменения в динамике и форме одного регионального процесса приводят к изменениям в других процессах. За счет этого воздействие Турции на один какой-то процесс, например на деятельность оппозиционных политиков среди крымско-татарского населения, может привести к трансформации или структуры региональной политической элиты, или общественно-политической подсистемы Республики Крым. Следовательно, косвенное (опосредованное) влияние Турецкой Республики может распространиться практически на все региональные политические процессы Крыма. Но уровень эффективности турецкого влияния может быть различным в зависимости от внутривнутриполитической и социальной обстановки в Республике Крым. На наш взгляд, благоприятными условиями для результативного воздействия Турции на региональные процессы Крыма являются: а) отсутствие должного контроля и постоянного мониторинга за этнополитической ситуацией в регионе со стороны российской власти, б) высокий уровень автономности в административном управлении регионом, в) низкий уровень жизни большей части населения Крыма (бедность), г) низкая степень доверия граждан к органам государственной власти и другие, одним словом, все то, что существенно снижает сопротивление политической среды воздействию извне. В настоящее время перечисленных условий нет: российская власть во избежание образования очагов межэтнической конфронтации тщательно отслеживает и регулирует этнополитическую обстановку в Крыму, прикладывает большие усилия для повышения уровня жизни крымчан, повышает уровень социальной защиты населения, а за счет этого растет доверие

граждан к органам государственной власти в Республике Крым; это значит, что нынешнее влияние Турции на региональные процессы носит дискретный, фрагментарный характер, то есть сильно ограничено.

Для того чтобы в перспективе значительно усилить свое влияние на региональную систему политических отношений в Республике Крым, Турции самостоятельно или при помощи «третьих лиц» придется предварительно ослабить сопротивляемость социально-политической среды Крыма. Обычно это постепенный и довольно длительный процесс «раскачивания лодки», если, конечно, не происходит какого-нибудь форс-мажора. Поэтому в ближайшей перспективе Турецкая Республика вряд ли будет предпринимать активность в этом направлении.

В раскрытой схеме влияния Турции на региональные политические процессы Республики Крым неисследованным остается последний вопрос – об обратном влиянии динамики региональных политических, этнополитических отношений Крыма на поведение Турецкой Республики. Канал обратной связи в коммуникационной модели «Турция – Крым», безусловно, есть, хорошо отлажен и многофункционален. Он включает в себя и крымско-татарское лобби, группу поддержки на турецкой территории, разветвленные коммуникационные связи в области образования, науки, культуры, и миграционные каналы: определенная часть крымско-татарской молодежи из Республики Крым обучается в турецких вузах, там работает, имеет родственников и друзей. Все это в совокупности позволяет местному крымскому населению доносить свои проблемы, трудности, озабоченность до турецкой общественности и официальных органов власти Турции. Но при всем этом осязаемое влияние оказывается только на общественность – население Турции активно проводит публичные акции, митинги в поддержку своих соплеменников в Крыму, выступает с требованием к властям «не оставлять на произвол судьбы соотечественников». Органы же власти, реализующие довольно широкий спектр своих национальных интересов в Юго-Восточной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, не так восприимчивы к просьбам населения Крыма. К тому же внешняя политика Турецкой Республики со времен Мустафы Кемала Ататюрка всегда отличалась высокой степенью прагматизма. На очередной встрече президентов Турции и Украины в Киеве 20 марта 2015 г. Реджеп Тайип Эрдоган ни разу публично не отозвался о России в негативном ключе. Однако полностью игнорировать требования манифестантов из числа крымско-татарской общины Турции все же не получается, поскольку эта община обладает немалым политическим весом. МИД Турецкой Республики, уступая ее требованиям, делает одно за другим официальные заявления: то о непризнании российского суверенитета над Крымским полуостровом, то о невыполнении Россией своих обещаний по защите прав крымских татар. Но не более того. В связи с этим мы можно констатировать, что по каналу обратной связи политически активной частью крымско-татарского этноса в Крыму осуществляется лишь опосредованное и довольно слабое воздействие на внешнюю политику Турции по следующей схеме: «политически активная часть крымско-татарского населения Крыма ® крымско-татарские общины Турции ® турецкая общественность, СМИ ® руководство Турецкой Республики».

В результате проведенного анализа можно сделать ряд заключений.

1. На наш взгляд, существует весьма ограниченное число региональных политических процессов, протекающих сегодня в Республике Крым, на которые может реально влиять Турция: деятельность оппозиции, развитие этнополитических и этноконфессиональных отношений и, отчасти, реструктуризация, перегруппировка региональной политической элиты. На большинство же политических процессов, таких как трансформация партийной и общественно-политической системы, структуры государственного и муниципального управления, развития органов местного самоуправления, избирательный процесс, Турция воздействовать не может.

2. Турецкая Республика обладает возможностью как открыто (легально) оказывать воздействие на региональные политические процессы Республики Крым, так и скрытно (латентно) влиять на внутривнутриполитическую обстановку в Крыму. Первое может осуществляться двумя методами: риторикой (громкими официальными заявлениями первых лиц Турции по ситуации в Крыму, разного рода обещаниями, адресованными крымско-татарскому народу и т.п.) и дипломатическими действиями в адрес Москвы (переговоры, формулировка просьб / требований, оказание давления на российское руководство). Скрытое влияние на региональные политические процессы Республики Крым Турция способна осуществлять посредством своих многочисленных легальных и полулегальных пантюркистских организаций, которые часто используются турецкими спецслужбами в аналогичных целях.

3. Степень влияния Турции на региональные политические процессы Республики Крым зависит от трех составляющих: от собственных национальных интересов на текущий момент, от давления на Анкару Соединенных Штатов и Евросоюза, от уровня противодействия со стороны России. Каждая из этих составляющих – величина переменная, изменяющаяся с течением времени в ту или иную сторону.

4. В свою очередь устойчивость региональной политической системы Крыма к внешним воздействиям Турции определяется совокупностью трех групп факторов: качеством российско-турецких двусторонних отношений, требованиями, предъявляемыми США к руководству Турции как члену НАТО по вопросу перекраивания государственных границ в Черноморском регионе, позицией крымско-татарского населения Крыма в отношении Киева, Анкары и Москвы.

5. Исходя из текущей международной ситуации и, особенно, из характера складывающихся российско-турецких отношений, Турция не заинтересована в эскалации этнополитической напряженности на Крымском полуострове. Турецкая Республика в ближайшей перспективе постарается употребить все свое влияние на нормализацию политической обстановки в Республике Крым, что, впрочем, полностью соответствует интересам ее национальной безопасности. Но международная обстановка может поменяться, и тогда Турции в своей внешней политике придется сложно маневрировать между реализацией собственных и отстаиванием натовских интересов.

Библиографический список

1. Численность и состав населения Автономной Республики Крым по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года // Официальный сайт Государственного комитета статистики Украины. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/crimea/>

2. Бурашников А.Б. Неопантюркизм и неоосманизм во внешней политике Турции // Известия Сарат. ун-та. Новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 2. С. 65–69.
3. Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М., 2002.
4. Надеин-Раевский В. Восточный вектор политики Турции (I). Реанимация «пантюркистского проекта» // Азия и Африка в современной мировой политике: сб. статей. М., 2012. С. 163–180.
5. Официальный сайт Посольства Турецкой Республики в Москве. URL: <http://moscow.emb.mfa.gov.tr/MFA.aspx>
6. Официальный сайт Министерства иностранных дел Турции. URL: http://www.mfa.gov.tr/qa_30_-17-september-2014_-statement-of-the-spokesman-of-the-ministry-of-foreign-affairs-tanjubilgi%C3%A7-in-response-to-a-question-regarding-turkey_s-position-with-respect-to-the-local-elections-held-in-crimea-on-14-september-2014.en.mfa

M.V. Gorbachev
The Analysis of the Political Image of Russia in China in the Context of the Implementation of Joint Regional Projects (Based on Materials of the National Chinese Newspaper “World People”)

The political image of Russia constructed by the nationwide Chinese media is analyzed. The key semantic constructs that form the contours of the perception of modern Russian politics by the Chinese society are outlined. The possibilities of joint Russian-Chinese political projects implementation in the context of Russia's image perception in China are grounded.

Key words and word-combinations: political projects, political image, political discourse.

Анализируется политический имидж России, конструируемый общенациональными китайскими СМИ. Выделяются основные смысловые конструкции, которые формируют контуры восприятия современной российской политики китайским обществом. Обосновываются возможности реализации совместных российско-китайских политических проектов в контексте восприятия имиджа России в КНР.

Ключевые слова и словосочетания: политические проекты, политический имидж, политический дискурс.

УДК 327(470:100)+327(510)
ББК 66.4(2Рос):66.4(510)

М.В. Горбачёв

**АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО
ИМИДЖА РОССИИ
В КИТАЕ В КОНТЕКСТЕ
РЕАЛИЗАЦИИ СОВМЕСТНЫХ
РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ
(по материалам
общенациональной
китайской газеты
«Женьминь Жибао»)***

Кризис на Украине стал мощнейшим катализатором ухудшения международных отношений России со странами Запада. Европейский Союз и США, несмотря на определенные разногласия в трактовке «украинской проблемы», ввели ряд санкций против России в 2014 г., подтвердив их действие в 2015 г. Стратегическим ответом нашей страны стала переориентация экономических

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-03-00112 «Политические проекты в дискурсивном пространстве современных российских СМИ».

интересов в Азиатский регион. За последние два года Россия и Китай договорились о реализации более 32 крупных проектов на общую сумму в 25 млрд долларов [1, с. 9]. Они затрагивают широкий спектр политико-экономических вопросов, начиная от развития транспортной инфраструктуры (например, строительство современной железной дороги Москва – Казань) и заканчивая банковской сферой и долговыми обязательствами (кредитование российского рынка банковских услуг). Успешная реализация этих и многих других проектов во многом зависит от характера восприятия имиджа России китайским бизнес-сообществом, политическими элитами, населением.

Проанализируем особенности формирования и специфику презентации образа России в китайских СМИ. Одним из основных методов проведения исследования являлся контент-анализ электронной версии газеты «Женьминь Жибао». В основе идеи контент-анализа лежит понимание того, что в потоке текстовой информации различные ее элементы представлены в неодинаковой степени. В определенный момент главными темами китайских СМИ становились разные проблемы, например присоединение Крыма, «майдан» на Украине, санкции против России. Они оттесняли на второй план проблемы ядерного разоружения, терроризма, а также, в отдельных случаях, заслоняли собой внутренние проблемы КНР.

Мы не ставили перед собой цели проанализировать весь массив информации, публикуемый в этом издании. Речь, скорее, идет о выявлении и анализе общих закономерностей в освещении китайскими СМИ российской проблематики в 2014–2015 гг. «Женьминь Жибао» – китайская ежедневная газета, выходящая на китайском, русском и других языках. Она является одной из ведущих газет в мире и самой влиятельной газетой в Китае. Более тысячи журналистов работают в семидесяти корреспондентских отделениях в разных странах и районах мира. Тираж газеты достигает 2800 тыс. экземпляров и ежегодно увеличивается [2]. Руководство компартии Китая уделяет большое внимание и оказывает серьезную поддержку холдингу «Женьминь Жибао» [3].

Смысловые единицы текста, в соответствии с которыми осуществлялась выборка статей, следующие: Россия и Китай, дружба, партнерство, соседи, В.В. Путин. События: Олимпийские игры в Сочи 2014 г., кризис на Украине, присоединение Крыма к России, Год обмена студентами между Китаем и Россией.

Из всего массива информации на официальном сайте правительственной газеты КНР отобраны статьи, которые находились на первой полосе новостной ленты и затрагивали темы России. Всего проанализировано более двухсот статей, из них отобрано для исследования 60 статей. Публикации о России можно разделить на несколько тематических ресурсов: внешняя политика, экономика и информационные поводы. Информационными поводами для публикации развернутых материалов, посвященных России в исследуемый период, как правило, являются события, связанные с личностью президента РФ, или темы, которые затрагивают обстановку в мире. Наибольший интерес для нашего исследования представляет отражение значимых событий, произошедших в 2014 г.: Олимпиада в Сочи, конфликт на Украине, санкции против России, а также – как отдельная тема – присоединение Крыма к Российской Федерации. Из

освещения перечисленных событий можно сделать вывод о том, как отражает Китай Россию для своих граждан.

Олимпиада, прошедшая в Сочи, вызвала интерес как во всем мире, так и в КНР: соседнее государство не могло обойти стороной знаменательное для России событие. Накануне открытия Игр состоялась встреча глав государств (В.В. Путина и Си Цзиньпина). В частности, Си Цзиньпин отмечает, что, по древней китайской традиции, друзья должны присутствовать на радостных событиях друг у друга и поддерживать [4]. На протяжении всей Олимпиады велись прямые трансляции китайскими журналистами. Соревнования освещались в позитивном свете, Россию поздравили с успешным проведением. Но данные новости не были представлены на первых полосах онлайн-газеты, для них создана отдельная ссылка [5].

Следующее событие, которое затрагивает весь мир, а в большей степени Российскую Федерацию, нашло сравнительно малый отклик в Поднебесной. Конфликт на Украине, как наиболее резонансное явление, должен был вызвать существенный резонанс и не сходить с первой полосы весь год. Но Китай, либо как незаинтересованное лицо, либо государство, придерживающееся своей политики освещения только важной для внутренней жизни страны информации, не акцентировал на данном событии большого внимания, так же как постарался обойти и тему присоединения Крыма к Российской Федерации. Такая новостная политика в отношении данных событий становится ясной, если понять внутренние проблемы КНР [6]. Имеются в виду отношения Тибета, Гонконга и Макао, которые в любой момент могут попытаться выйти из состава КНР.

Правительство КНР призывает решить «украинский вопрос» исключительно мирным путем. Оценке не подлежит позиция как Запада, так и Российской Федерации. В заданный период на первые полосы онлайн-газеты выходят в основном новостные блоки: «Си Цзиньпин и Владимир Путин обсудили украинский кризис»; «Россия не собирается закрывать двери перед Украиной»; «Крым: победы и потери России, Украины и Запада»; «Россия и Крым подписали соглашение»; «Китай призывает к мирному урегулированию вопроса Украины»; «Закончится ли война на Украине признанием ДНР и ЛНР?» [7].

Во всех статьях, посвященных украинскому кризису, отсутствует явная эмоциональная окрашенность, но нередко ставится вопрос о санкциях, их отрицательном влиянии на весь мир. Чаще публикуется просто факт свершившегося события, без каких-либо дальнейших комментариев, как в статье «Си Цзиньпин и Владимир Путин обсудили украинский кризис»: «Председатель КНР выразил уверенность в том, что российская сторона посредством всесторонних переговоров сможет политическим путем урегулировать этот вопрос, обеспечив региональный и международный мир и стабильность. Он также выразил поддержку китайской стороны посредническим усилиям международного сообщества, направленным на смягчение обстановки» [8]. Приведенная выдержка из статьи агентства Синьхуа в Пекине свидетельствует о явном нейтралитете в данном вопросе.

Выявленные количественные характеристики изучаемого массива документов отражают существенные особенности изучаемых политических явлений и процессов. Связь текста и реальности иногда может быть глубокой и скрытой [9]. Обобщенные характеристики больших текстовых массивов способны продуци-

ровать знания о тенденциях и закономерностях, которые невозможно проследить на материале отдельных текстов [10, с. 100]. Иными словами, можно говорить о высокой степени интереса исследуемых СМИ КНР в указанный период. Наличие такого интереса кроется в информационных поводах и близости освещенных в публикациях тем адресной читательской аудитории (продвижение общих интересов, экономические вопросы, кризис на Украине и т.д.).

Российская Федерация ведет в КНР активную имиджевую политику. Она пропагандирует свой образ сильного государства, активно заключает контракты с ведущими компаниями Китая. Китайское общество неизбежно воспринимает Россию через призму собственного опыта, в результате чего имидж России может оказаться искаженным. Но именно этот субъективный образ России в наибольшей степени является актуальным для китайского общества. Исходя из того что «Женьминь Жибао» – правительственная газета, сквозь призму публикуемой информации на сайте можно понять, какие интересы преследует Китай и как относится к действиям своих соседей. Анализируя процесс передачи информации на двух языках (китайском и русском), можно проследить связь между публикуемой информацией.

На сайте для русскоязычной аудитории печатается больше информации интересной российскому читателю, все происходящие события в России, мире, Китае, а также дополнительные данные по изучению китайского языка и культуры. На сайте, работающем непосредственно на китайском языке, информации по России печатается мало, но с изменением информационных поводов меняется и количество информации. Стоит отметить, что в то время, пока в КНР проходят сессии ВСНП, первая новостная лента занята исключительно данными новостями. Это показывает, что внутренние интересы для Коммунистической партии Китая являются наиболее значимыми, чем происходящие события в мире.

Внимание в разные промежутки времени фокусируется то на спортивных достижениях, то на достижениях Российской Федерации во внешней политике. В большей степени Китай одобряет проводимую российскую политику и в новостных лентах отражает информацию, которая есть в российских СМИ, дублирует и не искажает ее. На китайском языке за исследуемый период не было замечено негативной информации о Российской Федерации. На русскоязычном сайте демонстрируется российским читателям то, что они хотят там видеть. На своем же сайте, на китайском языке, правительство КНР старается тщательно фильтровать информацию. Из всего перечисленного можно сделать вывод о том, что Россия хорошо проводит свою имиджевую политику в Китае. Информация о нашей стране позиционируется максимально нейтрально или же в позитивных контекстах.

«Женьминь Жибао» большое внимание уделяет личности президента РФ и его сравнению с Си Цзиньпином. В большинстве статей отмечается схожесть лидеров (возраст; каждый мечтает восстановить могущество своей страны; попытки бросить вызов западной гегемонии). Редакция «Женьминь Жибао» постоянно проводит мысль, что Китай и Россия одновременно проходят через «важный период омоложения нации» и имеют лучшие отношения, которые только могут возникнуть между двумя великими державами [8]. Положительный имидж В.В. Путина в Китае переносится и на имидж государства, так как

китайцы традиционно считают, что государству нужна сильная власть, великий правитель, который может повести за собой народ. Так, В. Путин, несомненно, самый популярный в Китае россиянин, его образ включает, с одной стороны, черты харизматичного сильного лидера, а с другой – качества «лидера-героя» (такие фотографии, как «Путин с тигром», «Путин на рыбалке», «Путин за штурвалом», «Путин и стерхи», пользовались большой популярностью среди читателей «Жэньминь Жибао») [8].

Личная популярность В. Путина представляет собой значительный ресурс для дальнейшего конструирования положительного имиджа России в Китае. В мае 2014 г., за неделю до визита российского лидера в КНР, китайские журналисты выпустили сборник речей и интервью российского президента под названием «Путин. Избранные труды. 2012–2014 гг.». Для современного Китая это достаточно редкое явление, так как «в лучшие годы китайско-советской дружбы в КНР публиковались избранные работы Ленина и Сталина, но с тех пор ни один советский или российский лидер не удостоивались такой чести» [11]. Только Президент США Б. Обама пользуется в Китае такой же узнаваемостью. Большинство лидеров остальных стран простому китайскому обывателю практически неизвестны, о чем свидетельствуют онлайн-опросы издания «Жэньминь Жибао» [8].

Таким образом, Российская Федерация ведет в КНР свою активную имиджевую политику. Она пропагандирует образ сильного государства, активно заключает контракты с ведущими компаниями Китая. Китайское общество неизбежно воспринимает Россию через призму своего собственного опыта, в результате чего имидж России может оказаться искаженным. Но именно этот субъективный образ России в наибольшей степени является актуальным для китайского общества. Китай стремится поддерживать партнерские отношения с Российской Федерацией. Конечно, это связано не только с имиджевой политикой, но и с общими интересами. Имиджевые влияния активно воздействуют на отношения между государствами, на совместные проекты, реализуемые ими. В частности, Россия может рассчитывать на успешную реализацию совместных с КНР социально-экономических проектов краткосрочного и среднесрочного типа, особенно в области развития инфраструктуры приграничных территорий.

Однако политические проекты, в частности усиление совместной роли и влияния в БРИКС, создание определенных «коалиций» в ООН, военно-политические проекты, рассчитанные на длительный период, будут носить самый общий характер, без конкретных и серьезных действий. Китайское руководство в контексте обозначенных политических проектов предпочитает действовать, учитывая российский опыт, но в то же время более самостоятельно и самобытно. Именно поэтому информация о совместных российско-китайских решениях, затрагивающих взаимодействия со странами ЕС и Северной Америки, получает только эпизодическое освещение в китайских СМИ.

Библиографический список

1. Насколько долговечно стратегическое партнерство между Россией и Китаем? [редакционная статья] // Чжунгопинлуньюэкань. 2015. 31 июня.
2. Жэньминь Жибао. Оценка России в спортивном сотрудничестве с Китаем. URL: <http://www.cntv.ru/>

3. Женьминь Жибао, Агентство Синьхуа. Глава МИД КНР Ван И провел телефонный разговор со своим российским коллегой. URL: <http://russian.people.com.cn/31-521/8552632.html>
4. Женьминь Жибао. Россия не собирается закрывать двери перед Украиной. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8556614.html>
5. Женьминь Жибао. Крым: победы и потери России, Украины и Запада. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8569865.html>
6. Женьминь Жибао. Прямые иностранные инвестиции: в чем разница между Китаем и Россией? URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8568335.html>
7. CNTV. В.В. Путин подписал Указ о признании независимости Крыма. URL: <http://www.cntv.ru/2014/03/18/VIDE1395120724716744.shtml>
8. Ян Хэнцзюнь. Почему Си Цзиньпинь – это китайский Путин? // URL: <http://russian.people.com.cn/95181/856986665.html>
9. Митрохина Т.Н., Горбачев М.В., Федорова С.А. Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ. М., 2014.
10. Горбачев М.В. Цивилизационный дискурс Д.А. Медведева: основные тренды // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. 2014. № 5.
11. Global Times. Почему у Путина так много поклонников в Китае? URL: <http://chinababe.ru/society/2014/07/04/putin-fever/>

**V.V. Dautov, N.A. Luchkov
Socio-Economic Potential
of Russia in the Context
of Globalization
and the Sanctions of the West**

The problem of socio-economic potential of Russia in the context of globalization and Western sanctions is studied. Special attention is paid to the analysis of geo-political, social, economic, political, historical, ideological and demographic processes associated with the need to consolidate the population against trends aimed at the destabilization of the Russian society.

Key words and word-combinations: globalization, sanctions, consolidation, the West, Russia.

Исследуется проблема социально-экономического потенциала России в условиях глобализации и санкций стран Запада. Анализируются геополитические, социальные, экономические, политические, исторические, идеологические и демографические процессы, связанные с необходимостью консолидации против политики, направленной на дестабилизацию российского социума.

Ключевые слова и словосочетания: глобализация, санкции, консолидация, Запад, Россия.

УДК 338(470+571)
ББК 65.9(2Рос)

**В.В. Даутов,
Н.А. Лучков**

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ
И САНКЦИЙ ЗАПАДА**

Территория современной России – на 2015 г. – занимает 17 125 422 км² (с учетом Крымского полуострова – 27 180 км²), что почти в два раза превосходит площадь США и КНР и в три раза территорию, которую занимает Западная Европа. По состоянию на февраль 2015 г. плотность населения Российской Федерации составляет 8,7 человека на 1 км², а численность населения 146 264 тыс. человек. Доля населения в

городских районах нашей страны составляет 74,2%, в сельской местности проживают 25,8% [1]. Данный геополитический фактор, безусловно, является определяющим при рассмотрении проблемы социально-экономического потенциала России, который в условиях глобализации и санкций Запада поможет найти ответы на следующие вопросы: 1) почему к царской России негативно относились некоторые страны Запада на протяжении нескольких столетий, препятствующих ей напрямую, без посредников устанавливать торговые отношения? 2) почему к СССР негативно относились государства капиталистического блока на протяжении семидесяти лет? 3) почему сейчас, когда ушел в историю коммунистический отрезок в развитии страны и она пошла по новому вектору развития, начав проводить либерально-демократические реформы, все равно против России страны Евросоюза под нажимом США ввели экономические санкции?

Методологическим «навигатором» в раскрытии обозначенной темы послужила следующая идея философа А. А. Зиновьева: «...мировой процесс, который называют идеологически нейтральным словом “глобализация”, есть на самом деле новая мировая война. Ведет ее западный мир во главе с США. Война идет за обладание всей планетой и, более того, за контроль над всей социальной эволюцией человечества. Пройдя стадии холодной и “теплой” войн, эта война уже вступила в стадию “горячей” войны с использованием всей мощи вооруженных сил США и стран НАТО и с превращением всей не западной части планеты в арену актуальных (фактических) и потенциальных военных действий» [2, с. 451].

Прежде всего, представляется важным осуществить небольшой экскурс в историю, который позволит приоткрыть занавес на происходящие события в современном мире. Следует особо отметить тот факт, что за первые восемь лет царствования Ивана IV (Грозного) территория России увеличилась почти в полтора раза с 2,8 до 4 млн км². «Торговля с Россией была основным источником доходов городов, в течение трех столетий удерживавших ведущее положение в посреднической торговле России с другими странами севера и запада Европы и упорно подавлявших попытки английского и голландского купечества установить непосредственные сношения с Россией» [3, с. 90]. Вдумываясь в смысл исторического факта, можно констатировать, что между Западом и Востоком всегда существовала перманентная вражда, направленная на ослабление или уничтожение России.

В связи с этим уместно напомнить еще об одной весьма опасной тенденции, которая наличествовала в отношении Запада к Советской России: «Историческим примером коммерческих санкций против России может служить эмбарго на ввоз на Запад советских товаров, введенное наряду с отказом принимать советское золото непосредственно после высылки Троцкого из страны. Фактически был запрещен экспорт леса и нефтепродуктов, т.е. всего того, чем оплачивались поставки западных машин для разрушенной Гражданской войной советской экономики. Если проанализировать даты, то истинные причины санкций становятся достаточно очевидными: первая пятилетка началась в 1929 г., а в 1930–1931 гг. эмбарго ввели США; подобный декрет был издан во Франции

в 1930 г.; 17 апреля 1933 г. эмбарго объявляет британское правительство. По сути, единственным продуктом, который соглашался покупать Запад у Советского Союза, оставалось зерно. Неудивительно, что ряд исследователей называют эту блокаду одной из основных причин голода в СССР 1932–1933 гг. При этом важно подчеркнуть, что Запад вводил обозначенные выше санкции в ущерб себе» [4].

Посягательство на территорию Ирака, Ливии, Афганистана, Сирии, Украины и т.д. свидетельствует о попытках США и НАТО подчинить мировые ресурсы и изменить политические режимы в своих интересах. Управление всей планетой и контроль над всей социальной эволюцией человечества западным миром во главе с США не устраивают Россию, КНР, Индию, КНДР, Иран, Бразилию, Кубу, Венесуэлу, Никарагуа и ряд других стран. Первые санкции в отношении современной России, как известно, были введены ЕС и США в марте 2014 г. в ответ на присоединение Крыма к Российской Федерации. Весьма уместно напомнить следующее: «По статье 41 Устава ООН, международные санкции вводятся на основании резолюции Совета Безопасности ООН в отношении государства – правонарушителя международного мира и безопасности. На сегодняшний день санкции были применены Советом Безопасности 19 раз. Однако Россия, как постоянный член Совбеза, обладающий правом вето, не может стать объектом такого рода изоляции. Тем не менее введение санкций против России возможно либо на основании вердикта международного суда, либо по решению руководства одного или группы государств» [4]. На наш взгляд, в международном плане взаимозависимость и воздействие одних стран на другие, возрастание единства мира в условиях глобализации актуализируют потребность в диалоге, в поиске сфер совпадения интересов различных государств.

В Евросоюзе, являющемся главным союзником США в геополитическом плане, некоторые официальные лица весьма неохотно поддерживают угрозы США подвергнуть Россию полной изоляции в форме торговых эмбарго или экономической блокады. На первый взгляд эта абсурдная идея приобретает достаточно зловещие и опасные очертания в рамках политики, которую проводят страны НАТО во главе с США в отношении России из-за присоединения Крыма и поддержки ДНР и ЛНР в борьбе с «режимом Порошенко». Весьма неконструктивный, а порою и агрессивный характер политики США и стран Евросоюза дает реальные стимулы к реализации дихотомии «Восток – Запад» и порождает все новых и различных ее апологетов. Важно также исходить из того факта, что выстроить модель «однополярного» мира под эгидой США в рамках радикального периода глобализации (1985–2005 гг.) не совсем удалось.

На наш взгляд, за этот период окрепли абсолютно новые политические и экономические центры, такие как Китай, Индия, Юго-Восточная Азия, а также ряд стран Латинской Америки (Бразилия, Венесуэла, Аргентина). Россия также обретает свою самостоятельность, которая стала раздражать США, отсюда появилась активность последней организовать любой ценой санкции против нашей страны. Как реагировать России на санкции Запада? В апреле 2014 г. Президент РФ Владимир Путин говорил, что у России нет необходимости

вводить ответные санкции в отношении ЕС и США, предупредив при этом о возможных последствиях для присутствия западных партнеров в ключевых отраслях российской экономики: «Правительство России уже предлагало какие-то ответные шаги; я считаю, что в этом нет необходимости. Но если что-то подобное будет продолжаться, мы, конечно, должны будем думать о том, кто и как работает в России в ключевых отраслях российской экономики, в том числе в энергетике» [5].

Между тем советник российского президента Сергей Глазьев в апреле 2014 г. обнародовал свой план защиты российской экономики на случай усиления санкций Запада и предотвращения зависимости российской экономики от доллара. «План Глазьева» содержит 15 самостоятельных предложений, цель которых – проведение российской экономической политики таким образом, чтобы четко отреагировать на выдвинутые санкции и при этом остаться независимыми от мировой экономики, включая США и страны ЕС [5].

Следует особо подчеркнуть, что для успеха дела важно, чтобы развитие социально-экономического потенциала России в условиях глобализации и санкций Запада и предложенные меры различными экспертами были эффективными исключительно в рамках целостной системы российской экономики, где каждый элемент взаимно дополняет друг друга и работает на общий положительный результат. В противном случае может произойти как в известной басне И.А. Крылова, в которой описываются нескладные попытки музыкальной деятельности квартета. Неудачное формирование системы взаимодействия всех элементов российской экономики против действия санкций Запада может свести на нет эффективность функциональных возможностей управленческого аппарата в данной сфере. В.О. Ключевский в свое время писал: «Наша государственная машина приспособлена к обороне, а не к нападению» [6, с. 3].

В России на протяжении столетий различные учреждения, организации, ведомства развивают бурную «бумажную» деятельность, приносящую вред, а не пользу. Бесконечная реорганизация бюрократического управленческого аппарата даже в период борьбы с санкциями Запада мешает отечественному производителю полноценно осуществить импортозамещение отдельных товаров и продуктов. Модернизация важнейших отраслей народного хозяйства Российской Федерации, безусловно, даст импульс для успешного управления и развития территорий всех субъектов страны.

По результатам анализа, проведенного Минпромторгом России в июне 2014 г., наиболее перспективными с точки зрения импортозамещения являются станкостроение (доля импорта в потреблении, по разным оценкам, более 90%), тяжелое машиностроение (60–80%), легкая промышленность (70–90%), электронная промышленность (80–90%), фармацевтическая, медицинская промышленность (70–80%), машиностроение для пищевой промышленности (60–80%). Импортозамещение в этих и других отраслях возможно только в случае наличия соответствующих свободных производственных мощностей и конкурентоспособных предприятий, которые могут предложить качественную продукцию по рыночным ценам. В долгосрочной перспективе снижение импортной зависимости возможно за счет инноваций и стимулирования инвестиций в тех-

нические отрасли и создания новых производств. По оценке Минпромторга России, в случае реализации продуманной политики импортозамещения к 2020 г. можно рассчитывать на снижение импортозависимости по разным отраслям промышленности с уровня 70–90% до уровня 50–60%. В ряде отраслей возможен выход на более низкие показатели. Некоторые отрасли основываются на государственных закупках, и там государство является основным регулятором и основным покупателем. Решая задачи импортозамещения в промышленности, не стоит отрицать принципов международной экономической интеграции. Российская Федерация не отгораживается от мира, а максимально открыто и прозрачно ведет диалог со своими иностранными партнерами. Развитие и поддержка отечественного производства не исключают возможности трансфера технологий, создания и локализации производства с привлечением иностранных инвестиций [7].

Анализ интернет-ресурсов по проблеме социально-экономического потенциала России в условиях глобализации и санкций Запада, проведенный нами с апреля 2014 г. по апрель 2015 г., позволил выявить следующие тенденции развития субъектов РФ:

- а) внутренние неблагоприятные факторы и угрозы:
  - замедление темпов экономического роста,
  - сокращение инвестиционного и потребительского спроса,
  - ускорение инфляции;
  - отток капитала;
- б) внешние неблагоприятные факторы и угрозы:
  - ограничение доступа к финансовым ресурсам,
  - ограничение поставок высокотехнологичного оборудования.

Что касается внешних факторов и угроз, то они абсолютно не выгодны ни Западу, ни России. Президент России В.В. Путин отметил в своем выступлении на шестом ежегодном инвестиционном форуме ВТБ Капитал «Россия зовет!» 2 октября 2014 г.: «Внешние ограничения вредны не только для российской, но и для всей мировой экономики, укрепляют только нашу решимость добиться результатов по приоритетным направлениям развития страны, а это рост экономики, обновление промышленности и инфраструктуры, создание современных рабочих мест и повышение качества жизни граждан» [8].

Решение данной проблемы видится в системном подходе к разработке основных направлений бюджетной политики, в их числе: безусловное выполнение социальных обязательств; оптимизация расходов в рамках госпрограмм Российской Федерации, усиление контроля над исполнением обязательств их участниками; стабильность налоговой системы. Вне всякого сомнения, достижение поставленной цели возможно при условии сбалансированного бюджета и стабильности цены на нефть в промежутке от 90 до 100 долл., а также при постепенном снижении геополитической напряженности.

Развитие социально-экономического потенциала России в условиях глобализации и санкций Запада напрямую затрагивает проблему обеспечения экономической безопасности, главными задачами которой являются поступательный рост добавленной стоимости и выход на новые рынки сбыта с продукцией высоких уровней передела. Основные направления, обеспечивающие экономи-

ческую безопасность, следующие: импортозамещение; поддержка экспорта и банковского сектора; облегчение доступа к финансированию при реализации приоритетных инвестиционных проектов; подготовка кадров для инновационной экономики.

Правительством РФ утверждены планы содействия импортозамещению в промышленности и сельском хозяйстве на 2014–2015 гг.:

- компенсация замещения критических импортных технологий;
- максимальное использование потенциала государственной контрактной системы (ст. 14 ФЗ № 44);
- законопроект «О промышленной политике»;
- таможенно-тарифное регулирование;
- развитие агропродовольственного рынка;
- увеличение доли отечественных товаров в торговле.

Особо следует отметить, что развитие социально-экономического потенциала России в условиях глобализации и санкций Запада, несомненно, требует реализации комплекса мер по повышению конкурентоспособности субъектов РФ, таких как расширение сбыта продукции местных товаропроизводителей; реализация крупных инвестиционных проектов в приоритетных сферах; развитие межмуниципальных агломераций; развитие инженерной и социальной инфраструктуры; улучшение деловой среды; формирование эффективного рынка труда; развитие институтов гражданского общества. Кроме того, очень важно систематически осуществлять поддержку экспорта и банковского сектора.

Меры по поддержке экспорта на региональном уровне:

- активизация взаимодействия с торговыми представительствами Российской Федерации за рубежом;
- реализация Соглашения о сотрудничестве между правительством конкретной области и Российским агентством по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ОАО «ЭКСПАР»);
- продвижение продукции региональных производителей, организация бизнес-миссий с помощью ЕИКЦ;
- реализация «дорожной карты» «Поддержка доступа на рынки зарубежных стран и поддержка экспорта».

Меры по поддержке экспорта на федеральном уровне:

- экспортные кредиты;
- субсидирование процентных ставок;
- страхование предпринимательских и политических рисков;
- предоставление государственных кредитов и гарантий.

Президент России В.В. Путин обозначил ключевые приоритеты на заседании Государственного Совета 18 сентября 2014 г.: «...наша главная цель – использовать одно из важных конкурентных преимуществ России – емкий внутренний рынок, заполнить его качественными товарами, которые производят реальные секторы отечественной экономики... все усилия федеральных и региональных органов власти должны быть ориентированы на развитие реального сектора» [9].

Таким образом, источником, формулирующим, определяющим и диктующим главные установки, цели и задачи глобальной стратегии в мире, в том

числе и санкций в отношении России, являются США и их страны-сателлиты Западной Европы. Территория нашей страны самая большая в мире, и она велика и ценна своими ресурсами не только природными, но и человеческими. Ее богатства не дают покоя отдельным не достаточно дружелюбным странам, а потому они стремятся на протяжении долгого исторического периода всячески ослабить нашу страну – царскую Россию, затем Советскую, а сейчас и Российскую Федерацию. А.А. Зиновьев в свое время пророчески писал: «В рамках западного мира и над его странами уже сложилось западнистское сверхобщество. Метрополией его стали США» [2, с. 452].

Анализ распада СССР, Югославии, «веер цветных революций» в Киргизии, Грузии и Украине наглядно свидетельствуют об объективных угрозах в отношении России. В настоящий момент это не столько военные средства и способы, сколько скрытые и открытые методы экономического, информационного, политического, дипломатического воздействия, а также различные подрывные действия и вмешательство во внутренние дела других стран. На наш взгляд, единственно разумным фактором противостояния этим угрозам может стать государственно-патриотическая идеология, консолидирующая все слои общества на защиту интересов безопасности России, воспитывающая население на традиционных ценностях с учетом опыта предшествующих поколений [10, с. 25].

В заключение следует подчеркнуть, что консолидация полиэтничного российского общества на всей территории нашего государства перед лицом негативных западных санкций, направленных на разрушение российского социума, возможна только на основе модернизации социально-экономического потенциала России и единства интересов в социальной, экономической, политической и других сферах. Развитие социально-экономического потенциала России в условиях глобализации и санкций Запада должно базироваться на интеграции всего российского социального пространства и эффективном управлении во всех субъектах страны, а также мирном взаимовыгодном сотрудничестве в важнейших сферах жизнедеятельности со всеми странами мирового сообщества.

Библиографический список

1. Население России // Countrymeters. URL: http://countrymeters.info/ru/Russian_Federation
2. *Зиновьев А.А.* Русская трагедия: Гибель утопии. М., 2002. (Сер.: Национальный интерес).
3. *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.
4. Система санкций против России // DAL.BY. URL: <http://www.dal.by/news/89/04-12-12-37/>
5. Какие ответные санкции введет Россия против Запада // ЭКСПЕРТ ONLINE / Экономика. URL: <http://expert.ru/2014/08/6/chem-rossiya-otvetit-na-sanktsii/>
6. *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993.
7. Лекарство от зависимости // RG.RU – Российская Бизнес-газета. URL: <http://www.rg.ru/2014/08/05/zameshenie.html>
8. Выступление Президента РФ Владимира Путина на форуме «Россия зовет!». URL: <http://tass.ru/ekonomika/1481433>
9. Заседание Государственного совета 18 сентября 2014 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46636>
10. *Лучков Н.А., Калугин Р.А.* Трансформация государственно-патриотической идеологии на постсоветском пространстве // Вестник ПАГС. 2014. № 3 (42).

O.U. Abduazimov
The Role of the Mass Media
in Shaping the Public Opinion
(Case Study of the Republic
of Uzbekistan)

A system analysis of the role of mass media in shaping the public opinion from the viewpoint of the sociology of mass communication is drawn. The use of the hierarchy analysis method in the process of the mass media improvement in society informatization through the Four Theories of the Press for shaping public opinion, is grounded.

Key words and word-combinations: the method of hierarchy analysis, mass media, Four Theories of the Press.

Проведен системный анализ роли СМИ в формировании общественного мнения с позиции социологии массовых коммуникаций. Обосновывается использование метода анализа иерархий в процессе совершенствования СМИ в информатизации общества через «Модели 4Т теории прессы» для формирования общественного мнения.

Ключевые слова и словосочетания: метод анализа иерархий, СМИ, «Модели 4Т теории прессы».

УДК 316.77
ББК 60.84

О.У. Абдуазимов

**РОЛЬ СРЕДСТВ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ФОРМИРОВАНИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
(на примере
Республики Узбекистан)**

В формировании общественного мнения СМИ играют большую роль, но системное изучение их деятельности до сих пор является одной из сложных проблем. Для решения этой задачи изучим роль СМИ в формировании общественного мнения через метод анализа иерархий, разработанный американским ученым Томасом Саати [1]. «Метод анализа иерархий является систематической процедурой для иерархического представления элементов, определяющих суть любой проблемы. Метод состоит в декомпозиции проблемы на все более простые составляющие части и дальнейшей обработке последовательности суждений лица, принимающего решения, по парным сравнениям» [2, с. 23].

Т. Саати утверждал «...если цель планирования – проверка и развитие теорий или политик с помощью данных, то выбор единственной теории или политики может действительно воспрепятствовать дальнейшему росту другой теории или политики, находящейся в процессе разработки. Если действенна только одна теория, то имеется реальная опасность заимствования, т.е. результаты, полученные из теории, могут способствовать появлению иллюзии совместимости теории с результатами, когда этого нет на самом деле... Если теории нужно проверить по результатам... их также следует сопоставить с результатами, которые получены в конкурирующих теориях» [2, с. 131].

По мнению российского ученого С. Корконосенко, «журналистика – это коммуникация» [3, с. 281]. На наш взгляд, доказательной базой является целесообразное системное изучение социологии массовых коммуникаций методами анализа иерархий по требованиям журналистики и социологии, а также по следующим четырем этапам определения их деятельности. Задача состоит в построении обобщенной картины для совместного применения четырех теорий и в изучении их деятельности в разных социальных процессах, которые могли бы описать роль СМИ в формировании общественного мнения. Предлагаем четыре теории СМИ, описанные нами в предыдущих работах под названием «Модели 4Т теории прессы» [4]:

Первая теория. Основой для нее явились две следующие теории: «Авторитарная теория прессы» и «Советская коммунистическая теория прессы» [5, с. 23]. Следует обратить внимание на стратегическую цель этих двух теорий, главные идеи, то есть их основу. Хотя данные теории прессы называются по-разному, но в них схожи цели и действия, в частности существование цензуры, а значит, это зависимая пресса. Следовательно, прессу колониального периода, служащую «единой идеологии» правящей страны с управляемыми СМИ, можно отнести к первой теории.

Вторая теория. После обретения независимости в каждой стране появляются основы гражданского общества, поэтому к СМИ предъявляются другие требования, а именно: свободное освещение в прессе реформ в социально-политических, экономических и просветительских сферах, что служит обеспечению общественного мнения. В 1991 г. в Узбекистане отвергнув бывшую однопартийную систему управления, началось построение гражданского общества с демократическим управлением во всех ветвях власти, на основе принятой в 1992 г. новой Конституции и законов, касающихся разных сфер, в том числе информации. Относящиеся к прессе независимых стран такие теории, как «Либертарианская теория прессы» и «Теория социальной ответственности прессы» [5, с. 66–155], обрели свое место в качестве одного из основных средств постоянного воздействия на сознание и мышление индивидуума, а также формирования общественного мнения в процессе создания демократического государства.

Третья теория. В XXI в. в информационном обществе решение проблемы прав и свобод человека переходит на качественно новый уровень, запускается процесс трансформации СМИ. Особое значение начинают играть способ мышления народа, общечеловеческие демократические ценности, культура, национальный менталитет, духовность, которые способствуют формированию здорового общественного мнения по отношению к информации. С профессиональной точки зрения через быстрый, открытый, объективный, правдивый, точный и свободный подход журналиста к разным темам создается обратная связь между элементами системы «индивид – общество – государство».

Четвертая теория. На современном этапе развития проявляются отрицательные стороны всех обозначенных теорий массовых коммуникаций в период с XV до XXI в.: административно-репрессивный метод управления в первой

теории колониального общества, изменения в мышлении и сознании индивидуума во второй теории гражданского общества, процессы глобализации в прессе третьего периода информационного общества отражаются в четвертой теории прессы потребительского общества. Наблюдается исчезновение различных народов (в частности, титульных наций), народностей и их СМИ в некоторых странах, происходит идейная или идеологическая колонизация, открытая или скрытая духовно-этическая деградация общества, отторжение от общечеловеческих демократических ценностей. В некоторых европейских странах и ряде штатов США узаконили однополые браки, а СМИ хладнокровно освещают эту тему и даже пытаются дать положительную окраску фактически деградации и вырождению. Другими словами, идейное управление (манипуляция) с помощью информатизации потребительского общества превращается в однополосное управление СМИ под лозунгами космополитизма, массовой культуры и другими, которые служат чуждым идеям, идеологиям, а в результате появляется управление различными народами извне через массовые коммуникации, подавляется национальный менталитет.

С учетом изложенного иерархическая структура факторов, критериев и мотивировок состоит из следующих четырех этапов, играющих важную роль в изучении цели. Первый этап: цель или определение проблемы «Роль СМИ в формировании общественного мнения». Второй этап: разделение первичных факторов на три критерия: государственные СМИ, частные СМИ и негосударственные СМИ. Третий этап: разделение на шесть критериев: профессионализм, справедливость, независимость, свобода слова, социальная активность, объективность; в каждом критерии мотивируются свои цели. Четвертый этап: разделение на четыре контрастных сценария и предложение четырех теорий СМИ.

Окончательным этапом является применение принципа синтеза для получения веса сценариев и установления степени важности критериев относительно факторов, влияющих на общественное мнение. Необходимо умножить матрицу полученных приоритетов сценариев на доминирующий приоритет и конкретизировать вес наиболее важных критериев. Эту оценку провели, умножив матрицы приоритетов критериев относительно каждого фактора четвертого этапа на критерий, который был получен для третьего этапа. Доминирующие критерии: справедливость, независимость и объективность воздействуют на пять первичных критериев, влияющих на формирование общественного мнения. Было решено использовать только эти три критерия для получения веса сценариев. Если взять больше критериев, то вычислительная процедура будет такой же, что изложена далее, только возрастет объем работы.

Для того чтобы найти важнейшие цели трех критериев: справедливости, независимости и объективности, следует умножить приоритет целей на соответствующий вес критерия, который был только что вычислен. Из этого видно, что для справедливости в числе наиболее влиятельных целей, более 60%, оказывается социальная справедливость; для независимости наиболее влиятельными целями, более 50%, являются политическая и экономическая независимость; а для объективности наиболее влиятельными целями, более 70%, являются защи-

та прав и свобод человека, агитация здорового мышления. Используя эти цели и нормализуя их вес, можно получить приоритет веса. В результате получается вес сценариев, указанный под наименованием сценариев. Отметим, что сценарий «объективность» имеет наибольший вес. Измерив критерии, уточняем наибольший вес – этот результат означает, что объективные негосударственные СМИ формируют общественное мнение. Это означает, что объективность основывается на критерии защиты прав и свобод граждан, а также здорового мышления.

Опираясь на результаты проведенного нами исследования (тема проекта: «Пресса – личность – общество – государство», с октября 2013 г. до января 2014 г. опрошено 2100 респондентов, руководитель проекта – О.У. Абдуазимов), можно констатировать следующее. За 23 года со дня обретения независимости в Республике Узбекистан осуществлены большие преобразования в жизни общества. Так, количество негосударственных СМИ возросло в семь раз. Возникает вопрос: стали ли СМИ, в частности пресса, толчком для проявления этих изменений в сознании людей? Из участников опроса 70,1% респондентов полагают: «Да, изменилось сознание людей, начали искореняться отрицательные стороны бывшего строя»; 8,3% опрошенных ответили: «Нет, в сознании людей не произошло никаких изменений, и пресса не имеет никого отношения к этому процессу». Если 11,1% респондентов выбрали вариант: «Затрудняюсь ответить», то 4,6% – «Не знаю»; 6% не ответили на этот вопрос. Цифры доказывают, что в формировании общественного мнения СМИ играют важную роль.

Более 60% населения Узбекистана составляет молодежь. По итогам нашего исследования, с целью определения точки зрения молодежи на развитие СМИ, сформулирован вопрос: «Каково Ваше мнение относительно приоритетов развития прессы?». Получены различные данные: 25,6% опрошенных ответили: «Аудитория – всегда сторонница освещения в прессе правдивых и объективных аналитических материалов»; 26,8% респондентов считают: «Со временем изменится уровень качества статей и расширится сфера профессиональной деятельности, то есть специализация журналиста»; 13% респондентов за вариант «Существование здоровой конкуренции в прессе обеспечит ее независимость»; 8,5% – «В будущем пресса освободит свое место Интернету». Если 18,3% респондентов не смогли выразить никакого мнения по этому вопросу, то 5,5% респондентов оставили его без ответа. В итоге выяснилось: большинство молодежи придерживается мнения, что СМИ должны быть справедливыми, независимыми, профессиональными и объективными.

Исходя из представленного анализа, проведенного на основе системного изучения социологии массовой коммуникации посредством синтеза государственных, частных и негосударственных СМИ, можно сделать следующие обобщенные выводы:

Во-первых, в информационном обществе через третью теорию прессы совершенствуются информационные технологии и увеличивается число информационных служб как государственных организаций, так и негосударственных уч-

реждений, а также их официальных сайтов, а редакции (газеты, журналы, радио и ТВ) создают электронную почту и веб-сайты в Интернете. Например, в 2005 г., помимо телерадиопрограмм, начал действовать веб-ресурс Национальной телерадиокомпании Узбекистана (www.mtrk.uz). Кроме этого, в период нашего исследования почти во всех информационных агентствах и печатных СМИ появились свои веб-сайты и электронные адреса. Например, у газеты «Народное слово» («*Оʻаёк ڤۆسە*») есть свой веб-сайт: <http://xs.uz> и электронный адрес: info@xs.uz. Другими словами, почти во всех редакциях появилось положение о диверсификации информации.

Никто из граждан и даже СМИ не застрахован от кибер-атак. Из-за качественной обратной связи с редакциями появляется необходимость сближения между индивидуумами и общественными организациями, в том числе негосударственными СМИ как транснациональными редакциями. Для информационной безопасности разрабатываются специальные электронные программы, которые диверсифицируют информационные службы. Отрасль еще более усовершенствуется в результате обмена электронной информацией и электронного документооборота через современные технологии. Увеличивается и аудитория через электронную подписку, тем самым негосударственные СМИ будут опережать государственные и частные СМИ в формировании общественного мнения. Но одно из главных требований аудитории, которое не будет меняться, – это требование, относящееся к деятельности редакций СМИ: справедливость, независимость и объективность в массовом распространении разного рода информации.

Во-вторых, события, происходящие в нынешнем сложном мире, передаются через Интернет, где увеличивается безграничный поток информации, служащий разным целям и идеям, и влияют на индивидуума, который не защищен от внешних информационных атак. Отсюда появляются целенаправленные однобокие мнения, противоречащие общечеловеческим ценностям, что увеличивает разногласия и снижает безопасность граждан внутри страны. Современная пресса – это новый вид колонизации не путем завоевания территории, как это было раньше, а путем завоевания сознания и мышления индивидуумов, лоббирования интересов, которые контролируются извне и изменяют их суждения. В процессе информационного глобализма поспешное создание имиджа ради интересов представителей узкого круга лиц (лоббизм) или другие негативные деяния не только нарушают рамки профессиональной этики, но и ослабляют роль СМИ в формировании общественного мнения.

В-третьих, активизируется роль электронных СМИ в формировании общественного мнения. В результате у аудитории появилась возможность не только брать сведения, предоставленные журналистами, а выбирать информацию по своему желанию. Но в любой ситуации в обществе возникает необходимость анализа событий и свободного выражения мыслей, что весьма актуально в профессиональной деятельности журналиста. Возникновение конкуренции среди журналистов, работающих в аналитических жанрах, где используются методы социологии, изучаются социальные, политические и другие важные темы,

через творческий процесс обернется борьбой за качественную информацию для формирования здорового общественного мнения. Во время этого процесса в СМИ будет идти борьба в защиту общечеловеческих прав и свобод, вестись агитация здорового образа жизни и мышления. В прессе возрастает активность журналиста в результате специализации журналистики, совершенствования массовых коммуникаций информационного общества.

В-четвертых, в XXI в. в процессе совершенствования технологических коммуникаций во всех сферах, в том числе информационной, имеет важное значение развитие обратной (взаимной) связи в системе «пресса – личность – общество – государство». Другими словами, поэтапное внедрение «электронного парламента», «электронной власти» и «электронного суда» приведет к диверсификации получения информации в любой отрасли и еще более усовершенствует деятельность журналиста, непосредственный обмен информацией с обществом в режиме онлайн. Но в информационном обществе не стоит концентрироваться на технократии. Здесь важным критерием является обеспечение здорового общественного мнения через формирование иммунитета против столкновения разных интересов на идеологических полигонах, против политических и религиозных информационных атак, вызванных не только эндогенными, но и экзогенными факторами.

Библиографический список

1. Саати Т. Принятие решений: Метод анализа иерархий. М., 1993.
2. Саати Т., Кернс К. Аналитическое планирование: Организация систем. М., 1991.
3. Корконосенко С.Г. Основы журналистики: учебник. М., 2001.
4. Абдуазимов О.У. Систематический подход к «Модели 4Т теории прессы» // Актуальные вопросы науки: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. М., 2013. С. 89–95.
5. Сиберт С.Ф., Шрам У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М., 1998.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

**O.I. Tsybulevskaya,
A.N. Omarieva**
**Presumption of Innocence:
the Axiological Dimension**

The article analyzes the historical formation and development of the idea of the presumption of innocence. The legal nature of this law principle is studied. Particular attention is paid to the analysis of the moral component of the presumption of innocence. The importance of the presumption of innocence as a fundamental principle of law in modern legal system is considered.

Key words and word-combinations: law, morality, the presumption of innocence, principles of law, humanism.

Анализируется историческое становление и развитие идеи презумпции невиновности. Исследуется правовая природа данного принципа права. Особое внимание уделяется анализу нравственной составляющей презумпции невиновности. Рассматривается значение презумпции невиновности как основополагающего принципа права в современной правовой системе.

Ключевые слова и словосочетания: право, мораль, презумпция невиновности, принципы права, гуманизм.

УДК 340.1
ББК 67.0

**О.И. Цыбулевская,
А.Н. Омариева**

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Презумпция невиновности как один из важнейших принципов права имеет богатую историю становления и развития, ей всегда уделялось много внимания как в юридической, так и в общественно-политической литературе. Впервые закреплённая в 1789 г. в Декларации прав человека и гражданина, презумпция невиновности является одной из важнейших гарантий, обеспечивающих защиту прав и свобод граждан. Несмотря на это, данный принцип права более полутора столетий носил преимущественно теоретический характер, подвергаясь постоянной критике со стороны ряда ученых и общественных деятелей. Следствием такого подхода к презумпции невиновности явились грубейшие нарушения прав граждан, множественные случаи необоснованного привлечения к уголовной ответственности, несправедливость, а порой и произвол судебных систем различных стран мира.

В этике принцип определяется как правило поведения, норма, которая может быть

всеобщей (моральной) и частной. Например, религиозные заповеди, содержащиеся в Библии, – это моральные принципы. Частными же считаются принципы, руководствуясь которыми индивид корректирует свое частное поведение. Таким образом, принципы в объективном смысле представляют собой основополагающие начала любых человеческих взаимоотношений, характеризуют нравственные и профессиональные качества личности, ее отношение к общепринятым основам морали, этики, к пониманию добра и зла. Согласно Цицерону, право призвано искоренять пороки и насаждать добро. Право должно иметь нравственную основу, соответствие права моральным критериям – один из основополагающих принципов данного явления [1].

Принцип презумпции невиновности имеет глубокую гуманистическую сущность. Концептуальное становление данного принципа происходило на базе известных положений о гуманизме. Гуманизм в широком смысле означает исторически меняющуюся систему воззрений на общество и человека, проникнутых уважением к личности, ее достоинству, являющемуся опорой человеческой личности, ее глубинным внутренним стержнем. Это величайшее благо составляет основу независимости и свободы, гордости и чести, влияет на развитие личности. Антропологический ракурс гуманизма позволяет высветить и ярче представить аксиологический статус человека. В современных правовых системах в каждой личности признается ценность человека вообще, ценность каждой личности как совокупность неповторимых черт. Признание человеческого измерения в социальной реальности (в том числе и в правовой) должно быть принято в качестве аксиомы [2].

Идея презумпции невиновности зародилась еще в Древнем Риме. В труде римского историка Аммиана Марцеллина описан случай при дворе императора Юлиана. Нумериус, губернатор Нарбонсиса, держал ответ на суде перед императором. Вопреки традиции процесс был открытым. Нумериус отказывался признавать свою вину, и доказательств для признания его виновным не хватало. Его оппонент, обвинитель Дельфидиус, будучи эмоциональным человеком и видя неминуемый провал обвинения, воскликнул, обращаясь к императору: «О великий Цезарь! Что же станет с виновными, если вполне достаточно отрицать вину?» Император ответил: «А что станет с невиновными, если достаточно только обвинить?» (Rerum Gestarum, L. XVIII, с. 1). Данный случай является примером использования презумпции невиновности в римском праве как гаранта справедливости и гуманистического подхода к подсудимому.

Высокая моральная составляющая презумпции невиновности подтверждается тем, что данный принцип нашел прямое отражение и в религиозных нормах. В частности, рассмотрение презумпции невиновности как нравственно-правового института позволяет выявить связь современных основ данного принципа с положениями мусульманского права. Н. Торнау отмечал, что в исламском законодательстве основным считается следующее утверждение: в действиях мусульман всегда предполагается добросовестность (правота). «Основываясь на этом постановлении, судья не предполагает ни подлога, ни умышленности, ни вины в каком-либо действии без признания в том обвиняемого или без представления доказательств, основанных на свидетельских показаниях. Недоверие

к судьям должно быть основано на неоспоримых и ясных доказательствах» [3]. Согласно Корану человек, рождаясь, находится в состоянии первоначальной чистоты. Х. Абдалати пишет: «Идее о первородном грехе или унаследовании виновности нет места в учении Ислама» [4].

Несколько другая ситуация образовалась в Средние века в Европе. Основным различием мусульманской этики от христианской является вопрос о значении первородного греха. Христианство проповедует, что с момента грехопадения Адама и Евы весь человеческий род и каждая личность с момента рождения является грешной. Апостол Павел пишет: «Потому, что все согрешили и лишены славы Божией».

Учение о первородном грехе, склонности человека ко злу, послужило предпосылкой для установления в западном законодательстве на первоначальных этапах его развития недоверия к личности. Например, в Великобритании до сих пор свидетель или любой другой участник судебного разбирательства обязан произнести клятву на Библии. Это предполагает изначальное утверждение человека лжецом, а клятва на священной книге препятствует лжесвидетельству.

Возможно, именно в связи с этим в Западной Европе в Средние века (по различным оценкам, в XI–XIII вв. н.э.) стал зарождаться инквизиционный (пыточный) тип уголовного процесса, что, по справедливому утверждению Ф.Г. Шахелдова, явилось прямой предпосылкой развития презумпции невиновности в Европе.

В 1764 г. вышла книга Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», основной темой которой был протест против пыточного процесса. Касаясь непосредственно идеи презумпции невиновности, Ч. Беккариа в своем труде отметил следующее: «Человек не может быть назван преступником до судебного приговора, а общество не имеет право лишить его своего покровительства, пока не решено, что он нарушил условия, ввиду соблюдения коих оно ему даровано. Однако только право силы позволяет судье наказывать гражданина, когда существует сомнение в его виновности или невиновности» [5, с. 260]. Данная мысль Ч. Беккариа была провозглашена как «презумпция невиновности» [6, с. 455], а впоследствии впервые законодательно закреплена в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. во Франции.

В России нормативное закрепление презумпции невиновности было принято российской императрицей Екатериной II еще в 1767 г., но данная попытка оказалась неудачной. Вторая попытка предпринималась Александром II при подготовке Устава уголовного судопроизводства, но также закончилась неудачей из-за опасения, что присяжные заседатели, не имея достаточной юридической подготовки, не поймут сложной формулировки презумпции невиновности.

В советский период презумпция невиновности фактически отрицалась, в особенности в период сталинских репрессий. Попытка ее законодательного закрепления делалась при кодификации уголовно-процессуального законодательства в СССР в 1958–1961 г., но и тогда норма о презумпции невиновности не была установлена законодателем по причине ее противоречия сущности советского социалистического права. И только с принятием 7 октября 1977 г. новой Конституции СССР в статье 160 указывалось: «Никто не может быть

признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». В настоящее время презумпция невиновности закреплена в ст. 49 Конституции РФ, в ст. 14 УПК РФ.

Анализируя исторический путь становления презумпции невиновности, можно отметить, что она отрицалась в периоды наибольшего притеснения прав и свобод человека, произвола власти, отрицания таких основополагающих принципов права, как справедливость и гуманизм, проявлением которых является, в частности, рассматриваемая презумпция. Справедливость принадлежит к числу вечных ценностей или основных принципов права. Принцип справедливости можно отнести к оценочным правовым категориям наравне с разумностью и добросовестностью.

Изучая правовую природу и особенности возникновения принципа презумпции невиновности, следует отметить прямую связь данного принципа с презумпцией добросовестности. Согласно данной презумпции предполагается, что каждый действует добросовестно и в соответствии с законодательством. Таким образом, презумпция невиновности относится к опровержимым презумпциям и является одним из следственных принципов презумпции добросовестности и добропорядочности личности, которые послужили начальным основанием для возникновения и развития презумпции невиновности.

Презумпция невиновности является, как уже отмечалось, отражением принципа гуманизма в его основополагающем проявлении – уважении достоинства личности. Обвиняемый в совершении правонарушения не обязан доказывать свою невиновность, он имеет право участвовать в рассмотрении обстоятельств дела, предоставлять доказательства, оспаривающие факт правонарушения, при этом все сомнения в виновности толкуются в его пользу.

Одним из важных составляющих процесса доказывания является конституционное право каждого гражданина не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. Данное право закреплено в ст. 51 Конституции РФ и ориентировано на самые высокие международные гаранты неприкосновенности личности. Оно исключает использование органами следствия и суда незаконных методов принуждения к даче показаний против себя и своих близких под действием страха и угроз. Вкупе с принципом презумпции невиновности данное право позволяет наиболее надежно гарантировать справедливость судебного разбирательства и вынесения приговора. При этом даже признание обвиняемым своей вины недостаточно для вынесения обвинительного приговора, оно может быть принято в расчет только при подтверждении его совокупностью доказательств. Презумпция невиновности преследует цель: не допустить осуждения невиновных.

Особенность содержания презумпции невиновности состоит в ее существенном отличии от других правовых презумпций. Как правило, презумпции рассчитаны на сокращение и упрощение процесса доказывания или же возможности принятия тех или иных фактов без доказывания вовсе. Презумпция невиновности же требует доказывания каждого факта с полной достоверностью, отнюдь не упрощая и не облегчая процесс доказывания.

Объективное и всестороннее рассмотрение дела – как на предварительном следствии, так и в суде – является обязательным следствием рассматриваемого принципа. Ученые-этики противоположное явление – обвинительный уклон, возникающий вследствие игнорирования презумпции невиновности, – также включают в число этических понятий [7, с. 103]. Однако обвинительный уклон на следствии недопустим, как противоречащий презумпции невиновности. Следователь не вправе скрыть обстоятельства, опровергающие вину обвиняемого или смягчающие его ответственность; напротив, обнаружение данных фактов является прямой обязанностью, нравственным долгом работников следственных органов. Таким образом, презумпция невиновности гарантирует установление истины по делу, исключая предвзятость суда.

Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Безнравственно требовать от человека под угрозой неблагоприятных для него последствий опровергать выдвинутое против него обвинение. В то же время не противоречит закону побуждение подозреваемого, обвиняемого к участию в доказывании, если он захочет выдвинуть свою версию случившегося и назвать доказательства, которые могут ее подтвердить [8, с. 67].

Бездоказательственное обвинение, безусловно, является безнравственным, поэтому вполне естественно, что обязанность доказывания обвинения лежит на обвинителе, как естественно и то, что все неустранимые сомнения в виновности обвиняемого трактуются в его пользу.

Презумпция невиновности служит основой всей доказательственной системы, распределяя права и обязанности по доказыванию, определяя порядок и условия доказательственного процесса. Однако не следует классифицировать презумпцию невиновности как отраслевой принцип права, ограничивая его действие только в пределах уголовного процесса. Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что презумпция невиновности характерна для различных отраслей права. Кроме УПК РФ, принцип презумпции невиновности нашел закрепление в ст. 1.5 КоАП РФ, а также в Налоговом кодексе РФ (п. 7 ст. 3, п. 6 ст. 108). Более того, следует согласиться с мнением А.Л. Захарова о том, что презумпция невиновности должна распространяться не только на одну отрасль, но и на всю правовую сферу жизни общества. Поскольку обеспечение прав и свобод гражданина имеет важный характер везде, независимо от того какая это правовая область – уголовно-правовая, административно правовая и т.п. [9, с. 156].

Как общеправовой принцип, презумпция невиновности определяет правовое положение личности в обществе, не позволяя объявить человека преступником до тех пор, пока его виновность не будет установлена в соответствующем законном порядке вступившим в силу решением суда. Презумпция невиновности исключает предвзятое отношение других лиц к подозреваемому либо обвиняемому, определяя тем самым его статус в обществе, не позволяя наложить «клеймо» преступника на невиновного. В этом заключается глубокая нравственная составляющая данного принципа, его гуманистическое содержание.

Представляется справедливым мнение о необходимости выделения группы морально-этических (нравственных) принципов права, которые составляют

естественные законы, символизирующие основные фундаментальные права человека. Применение такой классификации позволит оказать прямое воздействие на развитие современного российского права в направлении углубления и обогащения его нравственных начал [1, с. 181]. Именно к данной группе следует отнести и принцип презумпции невиновности.

Презумпция невиновности выступает в роли некоего гаранта доверия, предоставляемого обществом любому гражданину. И это справедливо, поскольку решается вопрос о применении наказания к человеку, которое нередко связано с лишением свободы. Если есть хоть капля сомнения в виновности личности, если государство не докажет вину обвиняемого на все сто процентов, он не может быть привлечен к ответственности и наказан в соответствии с законом. При этом он не обязан доказывать свою невиновность, и все сомнения в его виновности, как уже отмечалось, трактуются в его пользу. Именно таким образом должна выглядеть идеальная схема применения данного принципа. К сожалению, на практике российское правосудие носит скорее обвинительный уклон.

В интервью швейцарской газете *Neue Zürcher Zeitung* глава Правительства РФ Дмитрий Медведев признался, что абсолютное большинство приговоров, которые выносятся российскими судьями, носят обвинительный характер, связав это с проблемой политического и правового сознания, проблемой отчетности, когда судье кажется неуместным, неудобным вынести оправдательный приговор, поставив тем самым под сомнение доводы следствия.

Действительно, в практике адвокатов встречается множество случаев, когда приходится бороться с обвинительным уклоном правосудия и фактически на обвиняемом лежит обязанность доказывания собственной невиновности. Возможно, данная тенденция в России уходит корнями в советское время, особенно в годы сталинских репрессий, когда презумпция невиновности не признавалась, считалась принципом, препятствующим осуществлению правосудия.

А.П. Самсонов выделяет следующие детерминанты нарушения презумпции невиновности: относительно недавнее закрепление презумпции невиновности в России; уровень правового просвещения в нашей стране, а также уровень профессионализма оказания юридической помощи адвокатами; следственные и судебные ошибки; профессиональную деформацию правоохранительных органов и судей [10, с. 19–20].

Безусловно, с этими проблемами следует бороться, уделяя внимание именно нравственно-правовому воспитанию и правосознанию граждан, в особенности юристов, работников правоохранительных и судебных ведомств. Только осознание и принятие презумпции невиновности как одного из основных гарантов защиты прав личности позволит наиболее эффективно применять данный принцип на практике.

В судебной практике Европейского Суда по правам человека сформулированы критерии, на основании которых можно судить о нарушении принципа презумпции невиновности. К ним могут быть отнесены случаи, когда:

1) обвиняемый еще не признан виновным в соответствии с законом, а принятое в отношении него судебное решение или объявленная во время судебного заседания позиция председательствующего судьи отражают мнение,

что он виновен (решение Европейского Суда по правам человека по делу Минелли от 25 марта 1983 г.);

2) обвиняемый оправдан, а подозрения относительно его невиновности высказаны судом при рассмотрении ходатайства оправданного о возмещении ему компенсации за время предварительного заключения (решение Европейского Суда по правам человека по делу Секанипа от 25 августа 1993 г.).

К сожалению, такого рода нарушения встречаются довольно часто.

Презумпция невиновности действует на всех стадиях судебного процесса, как при рассмотрении апелляционных, так и при рассмотрении кассационных жалоб. Следовательно, даже вступление в законную силу первоначального решения суда, которое можно обжаловать подачей кассационной жалобы, не лишает человека права на признание его невиновности и полной реабилитации.

Вопрос о презумпции невиновности нуждается в более глубоком рассмотрении как с практической, так и с теоретической стороны. В период весомых изменений, происходящих во всех сферах современного общества, данная тема должна получить особое звучание. Однако можно констатировать, что теоретики права в своих исследованиях достаточно редко обращаются к персоноцентристской проблематике. «С точки зрения антропологизма постсовременного мировоззрения, – отмечает И.Л. Честнов, – субъект права должен трактоваться не просто как субъект правоотношений, а гораздо шире – как центр правовой системы, ее творец и постоянный деятель. Именно субъект права формирует и воспроизводит своими действиями правовую реальность» [11, с. 55].

Таким образом, презумпция невиновности представляет собой нравственно-правовой институт, облеченный в форму презумпции, принцип. Возникнув как одно из основных начал уголовного судопроизводства, идея презумпции невиновности в процессе своего развития проникла и в другие отрасли права. И сегодня значение данного принципа столь велико, что, оказывая существенное влияние на действующее право в целом, он претендует на новое качество – статус общеправового принципа.

Библиографический список

1. Цыбулевская О.И. Принципы права: нравственное измерение // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 2010.
2. Цыбулевская О.И. Принцип презумпции невиновности: антропологический подход // Российский криминологический взгляд. 2013. № 1.
3. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законовещения: репринт. изд. М., 1991.
4. Абдалати Х. Взгляд на Ислам / пер. С.И. Жемкова. Новосибирск, 1995.
5. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939.
6. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М., 1957. Т. 1.
7. Маслеев А.Г. Этика и профессиональная этика. Екатеринбург, 2007.
8. Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Этика уголовного процесса: учеб. пособие. Воронеж, 1993.
9. Захаров А.Л. Межотраслевые принципы права. М., 2004.
10. Самсонов А.П. Презумпция права в современной правовой политике России: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
11. Честнов И.Л. Человеческое измерение правовой реальности: на пути к формированию персоноцентристской теории права // Актуальные проблемы права в современной России: сб. науч. статей / под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2009. Вып. 10.

**K.A. Grinchenko
Law as a Source
of Municipal Law
in the Russian Federation**

Issues of contemporary integrative understanding of sources of the Russian municipal law are considered. It is alleged that the Law occupies the central system-forming place among the legal acts that are the legal base of local government.

Key words and word-combinations: the municipal law of Russia, legislative system, source of law.

Рассматриваются вопросы современного интегративного понимания источников муниципального права Российской Федерации. Утверждается идея о центральном, системообразующем месте закона среди правовых актов, составляющих правовую основу местного самоуправления.

Ключевые слова и словосочетания: муниципальное право России, система законодательства, источник права.

УДК 342.55
ББК 67.400.7

К.А. Гринченко

**ЗАКОН
КАК ИСТОЧНИК
МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Муниципальное право России – самостоятельная отрасль российского права, характеризующаяся особым предметом правового регулирования, наличием собственной системы законодательства, особыми субъектами правоотношений государственной и общественной потребности в отрасли и ее высокой социальной значимостью регулируемых ею общественных отношений. Современное интегративное понимание источников права выдвигает на первое место их системные свойства. Поэтому чрезвычайно важным представляется вопрос о системных иерархиях источников права, в том числе муниципального.

Статьей 76 Конституции РФ прямо закреплен приоритет федерального конституционного закона перед текущим законодательством. Федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам. В Российской Федерации отсутствуют федеральные конституционные законы, непосредственным предметом регулирования которых является местное самоуправление. В силу буквального толкования ст. 76 Конституции РФ федеральные конституционные законы могут приниматься лишь по предметам ведения Российской Федерации. По предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ. Кроме того, как известно, федеральные конституционные за-

коны принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ. Конституция не содержит указания, что по каким-либо вопросам местного самоуправления должны приниматься федеральные конституционные законы, поэтому следующим уровнем системы источников муниципального права следует считать федеральные законы.

Вместе с тем, как отмечает Н.С. Тимофеев, в некоторых федеральных конституционных законах имеются отдельные положения, регулирующие те или иные вопросы, связанные с функционированием местного самоуправления [1]. В качестве примера можно назвать федеральные конституционные законы: 2004 г. – «О референдуме Российской Федерации»; 2001 г. – «О чрезвычайном положении»; 2001 г. – «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» и другие. В связи с этим можно сделать вывод, что федеральные конституционные законы могут рассматриваться как «заимствованные» источники муниципального права.

Особое место среди федеральных законов, регулирующих вопросы местного самоуправления, занимает Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В ст. 4 (ч. 2) названного Закона содержится указание, что изменение общих принципов организации местного самоуправления, установленных данным Федеральным законом, допускается не иначе как путем внесения изменений и дополнений в него. Как отмечают комментаторы этой нормы, никакие другие федеральные законы, затрагивающие вопросы организации местного самоуправления, не должны противоречить данному Закону и должны быть приведены в соответствие с ним [2]. «Тем самым комментируемому Закону отведено центральное, системообразующее место среди правовых актов, составляющих правовую основу местного самоуправления» [3, с. 193].

Именно такой подход характерен для кодифицированных актов большинства отраслей права. Как отмечает Л.В. Андриченко, «казалось бы, такое установление не согласуется с общими представлениями о действии федеральных законов, которые не могут противоречить российской Конституции и федеральным конституционным законам. В отношении федеральных законов действует обычное правило, согласно которому позднее принятый федеральный закон имеет преимущество по сравнению с ранее принятым. Вместе с тем очевидно, что в целях обеспечения логики, последовательности и системности правового регулирования в названное общее правило не могут вписываться акты кодификационного характера, к которым можно отнести в значительной мере и Федеральный закон о местном самоуправлении» [4, с. 165].

Этот сложный вопрос был предметом рассмотрения и Конституционного Суда РФ, который, по нашему мнению, не выработал единой четкой позиции. Так, в определении Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2000 г. № 22-О [5] Суд прямо указал, что Конституцией РФ не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном случае – федеральных законов. Ни один федеральный закон в силу ст. 76 Конституции РФ не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой.

Вместе с тем в другом своем решении Конституционный Суд сделал недвусмысленный вывод, что федеральный законодатель – в целях реализации конституционных принципов правового государства, равенства и единого режима законности, обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовной юстиции, – кодифицируя нормы, регулирующие производство по уголовным делам, вправе установить приоритет Уголовно-процессуального кодекса РФ перед иными федеральными законами в регулировании уголовно-процессуальных отношений [6]. Анализируя данное решение, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин приходит к выводу, что «противоречие некодифицированных актов Кодексу искажает его предназначение в системе законодательства» [7, с. 10].

С этим выводом можно всецело согласиться с позиции его теоретической и практической обоснованности, однако нельзя не отметить, что в российском законодательстве отсутствует формально-юридическое основание приоритета кодифицированных актов. Как указывает М.В. Пресняков, кодифицированные акты в настоящий момент не имеют какого-либо особого места в системе федерального законодательства, что представляется не вполне правильным с позиции унификации действующего законодательства [8, с. 39].

С нашей точки зрения, можно выделить еще по меньшей мере две проблемы идентификации Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в системе источников муниципального права.

Во-первых, он не является кодифицированным актом, а следовательно, аргумент об особом характере кодекса как системообразующего акта отрасли права здесь неприменим. Вместе с тем данный Закон утверждает общие принципы местного самоуправления и является стержнем муниципального права, а поэтому играет особую роль в системе регулирования муниципально-правовых отношений.

В.И. Васильев выделяет в системе источников муниципального права статутные федеральные законы об общих принципах местного самоуправления, другие правовые акты [9, с. 130]. В частности, статутный закон об общих принципах местного самоуправления предусмотрен п. «н» ст. 72 и п. 2 ст. 76 Конституции РФ. По-нашему мнению, необходимо выделить статутные законы в особую категорию законодательных актов и предусмотреть их приоритет перед обычными или текущими законами.

Вторая проблема, на наш взгляд, связана с тем, что, помимо собственных источников муниципального права, муниципально-правовые отношения регулируются «субсидиарными» актами, заимствованными из других отраслей права. Если рассматривать понятие источников муниципального права в таком широком смысле слова, то возникает вопрос о приоритете Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и кодифицированных актов иных отраслей права. Например, Бюджетный кодекс РФ закрепляет правило, что федеральные законы, законы субъектов РФ, муниципальные правовые акты представительных органов муниципальных образований не могут противоречить в

части регулирования бюджетных отношений данному Кодексу. Согласно ст. 3 Гражданского кодекса РФ нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать данному Кодексу. С другой стороны, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» содержит нормы, посвященные регулированию и бюджетных и гражданско-правовых отношений. Какой акт в данном случае будет обладать приоритетом в случае возможной коллизии? Как представляется, решение данного вопроса должно базироваться на детальном разграничении компетенции между указанными актами.

В некоторых странах подобная проблема разрешается на основе принятия специального закона о нормативно-правовых актах. Например, в Республике Беларусь действует Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [10]. Согласно ст. 10 данного Закона кодексы имеют большую юридическую силу по отношению к другим законам.

В Российской Федерации Государственной Думой законопроект «О нормативных правовых актах Российской Федерации» также рассматривался [11]. Указанным законопроектom среди иных федеральных законов отдельно выделялись Основы законодательства и кодексы. При этом предусматривалось, что Основам законодательства и кодексам должны соответствовать все другие нормативные правовые акты, издаваемые в Российской Федерации в сфере общественных отношений, регулируемых Основами законодательства или кодексом. Как отмечается в специальной литературе, «издание Основ законодательства федеративным государством и принятие соответствующих кодексов федеративными субъектами являлось традиционным для Советского государства. В СССР было принято 16 Основ законодательства, которые обеспечивали дальнейшую кодификацию республиканского законодательства» [12, с. 106].

Конституцией СССР 1978 г. предусматривалось, что по вопросам совместного ведения федеральные органы государственной власти Российской Федерации издадут Основы законодательства, в соответствии с которыми органы государственной власти субъектов РФ осуществляют собственное правовое регулирование в пределах своей компетенции, принимая правовые акты. Конституция РФ 1993 г. не упоминает ни Основы законодательства, ни кодифицированные акты. В связи с этим С.В. Поленина отмечает: «Определенные нарекания вызывает фактический отказ в последние годы от такой формы федеральных законов по вопросам совместного ведения Федерации и регионов, как Основы законодательства по тем или иным отраслям. На их место приходят кодексы Российской Федерации. Такого рода замена весьма спорна и в теоретическом, и в практическом плане. Ведь переход от Основ законодательства к кодексам означает изменение не только формы, но и содержания федерального закона, не в полной мере соответствующего принципам разграничения ведения между Российской Федерацией и ее субъектами» [13, с. 364]. Многие ученые высказываются за восстановление практики принятия Основ законодательства [14].

К сожалению, названный законопроект снят с рассмотрения Государственной Думой, и вопрос о статусе Основ законодательства и кодифицированных актов остается открытым. Данный факт вызывает особую озабоченность, по-

скольку муниципальное право как самостоятельная отрасль права обладает рядом особенностей, которые обусловлены сложным комплексным предметом правового регулирования. Это, в свою очередь, создает определенные трудности в идентификации источников муниципального права, поскольку помимо собственно муниципально-правового законодательства отношения в сфере местного самоуправления регулируются нормативно-правовыми актами и иными источниками смежных отраслей российского права: гражданского, земельного, экологического, административного и других.

На наш взгляд, чрезвычайно важным представляется исследование системных характеристик источников муниципального права. Это касается не только вертикальной иерархической структуры нормативно-правовых актов в зависимости от их юридической силы (хотя, как показывает проведенное исследование, и в этом отношении система источников муниципального права обнаруживает ряд проблемных моментов), но и горизонтальной, или предметной дифференциации правового регулирования местного самоуправления в России.

Библиографический список

1. Муниципальное право России: учебник / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2009.
2. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) / Д.С. Велиева, В.В. Лысенко, Ю.В. Капитанец [и др.]. М., 2005 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. *Борисов А.Н.* Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный). М., 2010.
4. *Андриченко Л.В.* Новое о местном самоуправлении // Журнал российского права. 2005. № 11.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 3 февр. 2000 г. № 22-О по запросу Питкярантского городского суда Республики Карелия о проверке конституционности статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // СЗ РФ 2004. № 27. Ст. 2804.
7. *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд и развитие гражданского права // Российский судья. 2012. № 3.
8. *Пресняков М.В.* Правовая определенность как системное качество российского законодательства // Журнал российского права. 2009. № 5.
9. *Васильев В.И.* Муниципальное право России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
10. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 10 янв. 2000 г. № 361-З. Минск, 2000.
11. Проект Федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. *Черепанов В.А.* О проекте Федерального закона «О нормативных правовых актах Российской Федерации» // Журнал российского права. 2014. № 3.
13. *Поленина С.В.* Система законодательства // Общая теория государства и права: академ. курс: в 3 т. М., 2002. Т. 2.
14. *Чиркин В.Е.* Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М., 1998.

**A.A. Ivanov
Producer in Relations
with the Subjects of Copyright
and Neighboring Rights**

The article highlights the issues related to the legal status of producer in relations with the subjects of copyright and neighboring rights. The Russian and foreign legislation to the concept of producer is analyzed. A comparative analysis of producer and phonogram producer from the position of copyright and neighboring rights is drawn.

Key words and word-combinations: producer, producer of a phonogram, audiovisual work, phonogram.

Освещаются вопросы, связанные с правовым статусом продюсера в отношениях с субъектами авторских и смежных прав. Анализируется российское и зарубежное законодательство, предусматривающее понятие продюсера. Проводится сравнительный анализ продюсера и изготовителя фонограммы с позиций объектов авторского и смежного права.

Ключевые слова и словосочетания: продюсер, изготовитель фонограммы, аудиовизуальное произведение, фонограмма.

УДК 347.78
ББК 67.404.3

А.А. Иванов

**ПРОДЮСЕР
В ОТНОШЕНИЯХ
С СУБЪЕКТАМИ АВТОРСКИХ
И СМЕЖНЫХ ПРАВ**

В нашей стране и за рубежом проживает много талантливых людей (поэтов, писателей, музыкантов, музыкантов, режиссеров-постановщиков, актеров), чье творчество заслуживает внимания слушателей, читателей, зрителей. Через Интернет, в частности через различные социальные сети, начинающие музыканты, писатели или режиссеры могут донести до широкой публики свое искусство. Однако рано или поздно наступает такой момент, когда интеллектуальный, креативный труд должен приносить определенный доход, ведь на выступлениях в клубах и на закрытых показах много денег не зарабатываешь. У творческого человека появляется необходимость в помощи другого человека для развития своего творческого и, в дальнейшем, коммерческого потенциала – продюсера, чей правовой статус вызывает много вопросов.

Кто же такой продюсер? Субъект, решающий организационные вопросы в процессе записи альбомов, концертных выступлений (музыкальный продюсер), создающий условия для создания кинофильмов (кинопродюсер), отвечающий за творческую составляющую проекта (креативный продюсер)? Что общего у продюсера с изготовителем фонограмм?

В существующих электронных источниках бытует следующее определение: продюсер (англ. producer – производитель, товаропроизводитель, изготовитель) – это специалист, который принимает непосред-

ственное участие в производстве проекта, регулирует (или помогает регулировать) финансовые, административные, технологические, творческие или юридические аспекты деятельности, регулирует политику при выполнении какого-либо проекта [1].

К примеру, в соответствии со ст. 1 Закона Украины «Об авторском праве и смежных правах» продюсер аудиовизуального произведения – это лицо, которое организует или организует и финансирует создание аудиовизуального произведения [2]. Исследователь С.А. Слободян предлагает свое определение: продюсер – лицо, которое организует или организует и финансирует создание аудиовизуального произведения или исполнение произведения литературы или искусства [3, с. 27].

В п. 4 ст. 1263 ГК РФ [4, ст. 1263] продюсер определяется как изготовитель аудиовизуального произведения, то есть лицо, организовавшее создание такого произведения. В п. 1 той же статьи авторами аудиовизуального произведения являются: 1) режиссер-постановщик; 2) автор сценария; 3) композитор, являющийся автором музыкального произведения, специально созданного для этого аудиовизуального произведения. Таким образом, продюсер автором не является и соответственно первоначальными авторскими правами не обладает. Какими же правами обладает продюсер, организовывая создание этого произведения? Как складываются его отношения с авторами? В том же п. 4 ст. 1263 содержатся ответы на эти вопросы. Изготовитель вправе при любом использовании аудиовизуального произведения указывать свое имя или наименование либо требовать такого указания. При отсутствии доказательств иного изготовителем аудиовизуального произведения признается лицо, имя или наименование которого указано на этом произведении обычным образом. Однако это право на имя продюсера не сродни праву автора на имя. Право использовать такое произведение продюсер получает на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности. При использовании результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта лицо, организовавшее создание этого объекта, вправе указывать свое имя или наименование либо требовать такого указания.

Обратимся к положениям ГК РФ о смежных правах. Представляет интерес субъект смежных прав – изготовитель фонограммы. В соответствии со ст. 1322 ГК РФ изготовителем фонограммы признается лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за первую запись звуков исполнения или других звуков либо отображений этих звуков [4].

На первый взгляд и у продюсера как лица, организовавшего создание аудиовизуального произведения, и у изготовителя фонограммы имеется общий признак – организация создания объектов авторских и смежных прав. Однако в первом случае речь идет о создании аудиовизуального произведения, во втором – о создании записи звуков.

Исходя из легальных определений понятий «аудиовизуальное произведение» и «фонограммы», можем сделать вывод, что понятие аудиовизуального

произведения гораздо шире, чем фонограмма. Аудиовизуальное произведение подразумевает не только наличие звука, но и набор изображений. Следовательно, законодатель справедливо относит к таковым и кинематографические произведения. Фонограмма же – это только записи звуков.

Таким образом, рассматривая продюсера как лицо, организовавшее создание аудиовизуального произведения и изготовителя фонограммы через призму объектов авторского (аудиовизуальное произведение) и смежного права (фонограмма), можем логично предположить, что у продюсера по сравнению с изготовителем фонограммы более широкие организационные функции. Следовательно, организация создания аудиовизуального произведения подразумевает работу не только со звуком, но и с иными материалами, необходимыми для создания произведения. Однако нас интересует творческий вклад продюсера; организация, какой бы она ни была, творчеством не является. Следовательно, творческого элемента нельзя выделить. Возникает еще один вопрос: почему изготовителя аудиовизуального произведения называют продюсером и право использовать произведение он получает на основании договоров с авторами, а изготовителя фонограммы закон называет субъектом смежного права и наделяет его исключительным правом на фонограмму? Рассмотрим продюсера и изготовителя фонограммы с точки зрения объема их исключительных прав.

В соответствии с п. 4 ст. 1263 ГК РФ изготовителю аудиовизуального произведения принадлежит исключительное право на аудиовизуальное произведение в целом, если иное не вытекает из договоров, заключенных им с авторами аудиовизуального произведения. Изготовитель при любом использовании аудиовизуального произведения вправе указывать свое имя или наименование либо требовать такого указания. При отсутствии доказательств иного изготовителем аудиовизуального произведения признается лицо, имя или наименование которого указано на этом произведении обычным образом. Права изготовителя аудиовизуального произведения, то есть лица, организовавшего создание этого произведения (продюсера), определяются в соответствии со ст. 1240 ГК РФ.

Обратимся к п. 1 ст. 1240 ГК РФ. Лицо, организовавшее создание сложного объекта, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (кинофильма, иного аудиовизуального произведения, театрально-зрелищного представления, мультимедийного продукта, базы данных), приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности.

Таким образом, опираясь на содержание ст. 1263 и 1240 ГК РФ, можем отметить, что продюсер приобретает производное право от тех исключительных прав каждого из авторов, переданных ему по договору. Кроме того, в ст. 1240 ГК РФ не используется сам термин «продюсер», вместо него указано «лицо, организовавшее создание сложного объекта, включающего несколько

охраняемых результатов интеллектуальной деятельности». Поэтому возникают следующие вопросы: почему в ст. 1240 законодатель не применил понятие «продюсер» и можно ли свести законодательное определение продюсера к лицу, организовавшему создание сложного объекта, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности?

По смыслу ст. 1324 ГК РФ, изготовителю фонограммы принадлежит исключительное право использовать фонограмму любым, не противоречащим закону способом. В соответствии со ст. 1229 ГК РФ, к которой отсылает ст. 1324, изготовитель фонограммы может по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование фонограммы.

Таким образом, с точки зрения прав в отношении объектов интеллектуальной собственности (аудиовизуальное произведение и фонограмма) продюсер и изготовитель фонограммы наделены исключительными правами, но на разных основаниях. Изготовитель фонограммы обладает первоначальным исключительным правом. А продюсер – производным, по договору с авторами.

Подводя итог сравнительного анализа понятий «продюсер» и «изготовитель фонограммы» с позиций объектов авторского и смежного права, которые они создают, и объема их прав, мы не можем поставить между ними знак равенства. Можем отметить, что продюсер может одновременно выступать и как продюсер – организатор, и как изготовитель. Но смежным правом он будет обладать именно как изготовитель фонограммы, потому что никаких других субъектов смежных прав закон не предусматривает. Субъекты смежных прав исчерпывающе перечислены в законе, там нет продюсера, но есть изготовитель.

Остаются без ответа важные вопросы: если продюсер определяется как лицо, организовавшее создание аудиовизуального произведения, то в чем состоит организационный момент и каков его творческий вклад при создании такого произведения? Кстати, среди авторов аудиовизуального произведения, наряду с режиссером-постановщиком, автором сценария и композитором, продюсера нет. Поэтому необходимо отметить, что законодатель не стал включать продюсера в число субъектов авторского права, исходя из того что продюсер не является обладателем первоначального авторского права, а получает его по договорам, то есть является обладателем уже производных от исключительных прав.

Касаясь организации создания аудиовизуального произведения, важно проанализировать непосредственные обязанности продюсера. Специалисты, исследующие содержание договора между музыкантом и продюсером, отмечают, что в обязанности продюсера должны входить следующие виды деятельности [5]:

- привлечение к сценической работе постановщиков, сценаристов, художников, звукорежиссеров, пиротехников и иных лиц [6];
- организация репетиционного процесса, поддержание и совершенствование профессиональной формы (вокального, хореографического, исполни-

тельского и актерского мастерства, физической формы) и навыков артиста (коллектива);

– обеспечение концертной деятельности, иных публичных выступлений (участие в передачах и программах организаций эфирного и кабельного вещания, интервью СМИ); запись видеоклипа, организация фотосессии, обеспечение охраны артиста (коллектива);

– проведение записи и последующее использование фонограмм и аудиовизуальных произведений, создание и использование объектов авторских и / или смежных прав;

– реклама артиста (коллектива);

– создание музыкального коллектива (если артист не выступает сольно) и организация его деятельности как коммерческого проекта, разработка концепции такой деятельности, формулирование перспективных планов, утверждение графиков деятельности коллектива в сфере эстрады и шоу-бизнеса; формирование сценического и публичного образов музыкального коллектива и его участников;

– привлечение педагогов, гримеров, парикмахеров, стилистов и иных специалистов подобных специальностей; обеспечение мест для проживания артиста (коллектива);

– представительство интересов артиста (коллектива) и ведение переговоров на наиболее выгодных для сторон договора условиях; организация участия артиста (музыкального коллектива) в рекламных кампаниях производителей товаров, работ и услуг, с использованием его облика и (или) его произведений, исполняемых им.

На основе этого далеко не полного примерного перечня обязанностей продюсера можно сделать вывод, что конкретные обязанности продюсера могут быть самыми разнообразными, будучи прописанными в договоре.

С организацией создания аудиовизуального произведения и иного сложного объекта, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, картина ясна, но остается вопрос о творческом вкладе продюсера при создании таких произведений: как быть, если приглашенный продюсер не только создает условия для записи музыкантами песен?

Если участие продюсера не ограничивается организационно-техническими рамками создания произведения, но он вместе с музыкантами делает аранжировки, выстраивает звук, занимается сведением записанных инструментов и вокала, то, следовательно, можно с уверенностью сказать, что продюсер занимается творческой деятельностью и может считаться одним из авторов музыкального произведения. Соответственно, в данном случае продюсер будет выступать субъектом авторского права. Поэтому, как считают исследователи, в соответствии с заключаемым продюсерским договором целесообразно предусмотреть, что продюсер приобретает авторские права на использование соответствующего музыкального произведения путем заключения двусторонних авторских договоров с правообладателями, коими может быть и артист (коллектив). Однако продюсер будет обладателем уже производных авторских

или смежных прав. Таким образом, в зависимости от содержания таких договоров продюсер может оставить за собой исключительные как авторские, так и смежные права.

В. Кряжев в статье «Договор продюсера с музыкантом: на что обратить внимание» приводит примерный перечень обязанностей продюсера [5], в частности: проведение записи и последующее использование фонограмм и аудиовизуальных произведений, создание и использование объектов авторских и / или смежных прав. На наш взгляд, обязанность по созданию и использованию объектов авторских или смежных прав должна быть подробно прописана в таком договоре, поскольку возникают вопросы: кто будет создавать данный объект – продюсер или музыкант; каков творческий вклад продюсера при создании такого произведения? В связи с этим рекомендуем внести в часть четвертую ГК РФ понятие «продюсер», так как в п. 4 ст. 1263 продюсер упоминается только применительно к изготовителю и организатору аудиовизуального произведения.

Библиографический список

1. URL: <http://ru.wikipedia.org/>
2. Закон Украины «Об авторском праве и смежных правах» от 11 июля 2001 г. № 2627-III. URL: <http://www.copyright.ru/>
3. Слободян С.А. Смежные права исполнителей и их соотношение с правами авторов и продюсеров // Реклама и право. 2009. № 1. С. 26–27.
4. Гражданский кодекс РФ. Часть четвертая от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 31 дек. 2014 г.) // Рос. газ. 2006. 22 дек.
5. Кряжев В. Договор продюсера с музыкантом: на что обратить внимание // Интеллектуальная собственность: Авторское право и смежные права. 2014. № 9. С. 20–31.
6. Агентский договор об оказании продюсерских услуг (образец). URL: <http://www.artparovoz/432>

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

L.N. Maksimova, A.V. Fedorova
**New Opportunities
for Organizational Development:
Project Risks
and Social Inequality**

The bases of social inequality in the modern organizations and their interrelation with organizational and managerial risks are analyzed. Social inequality is considered as an opportunity for organizational development and for the increase of organizational activity efficiency through project risks management.

Key words and word-combinations: social inequality, organizational risks, modern organizations, project risks.

Анализируются основания социального неравенства в современных организациях и их взаимосвязь с организационно-управленческими рисками. Социальное неравенство рассматривается как возможность развития организаций и повышения эффективности организационной деятельности, в том числе и через управление проектными рисками.

Ключевые слова и словосочетания: социальное неравенство, организационные риски, современные организации, проектные риски.

УДК 316.32+316.354
ББК 60.52:60.55

**Л.Н. Максимова,
А.В. Фёдорова**

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРОЕКТНЫЕ РИСКИ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Современная ситуация, проявляя себя через кризисные формы социальных взаимодействий, предъявляет новые требования к организациям, структурам и процессам, протекающим в них. Организации становятся полями, которые конституируют процессы социального неравенства, отвечая на вызовы внешней и внутренней среды или оставляя их без внимания. Привычные практики управления организационным функционированием и развитием становятся малоэффективными, так как не решают главных проблем, связанных с жизнеспособностью современных организаций. Возникает необходимость в транспарентных исследовательских процедурах, составляющих основу социальной инженерии [1]. Одной из таких процедур может стать *организационное проектирование*, осуществляемое в границах неклассической исследовательской парадигмы. Понимание этих обстоятельств организационной

жизни и их реализация приводят к дифференциации позиций, ролей, статусов, ресурсов, то есть к социальному неравенству в организационном поле.

Под полем, согласно концепции П. Бурдьё, будем понимать «специфическую систему объективных связей между различными позициями, находящимися в альянсе или конфликте, в конкуренции или кооперации, определяемыми социально и в большей степени не зависящими от физического состояния индивидов, которые эти позиции занимают» [2, с. 18].

Важно определить факторы социального неравенства в организациях, во многом связанные с проектными рисками, и основные возможности, которые открываются перед организациями через рефлексию по отношению к социальному неравенству, аналитику и систематику проектных рисков. Риски в контексте нашей статьи рассматриваются в качестве возможностей организационного развития, повышения организационной эффективности и, как следствие, качества организационной жизни.

Риски, связанные с проектной деятельностью, проявляют себя через исследования, осуществляемые в организациях. Отметим, что процесс исследований провоцирует статусное и позиционное, ролевое, формальное и неформальное неравенство. Исследователь находится в рефлексивной плоскости по отношению к организационным рискам. Его позиция «над-ситуативна». Если исследователь обладает необходимыми компетенциями, то он присваивает и *экспертную власть* по отношению к рискам в организации. Экспертное знание является одним из факторов социального организационного неравенства. Контенты «социальная организация», «социальное взаимодействие», «социальное организационное неравенство» вызывают нарекания со стороны социологического сообщества, в частности вопрос: разве может быть «несоциальная организация»? Внесем ясность следующим методологическим замечанием. Термин «социальный» мы употребляем для того, чтобы сделать акцент на социальных сетях связей, образующих организационное поле и процессы, связанные с организационным развитием.

Одной из современных форм исследований и развития организационного поля выступает *проектирование* инноваций в организациях на основе аудита и осуществленной диагностики. На этапе аудита исследователь оценивает организацию и ее деятельность, структуры, процессы, протекающие в организациях, используя «матрицу рисков» и другие доступные ему технологии для осуществления аналитики и систематики рисков [3]. Этап диагностики включает в себя выявление организационных патологий и систематизацию этих патологий. Этап диагностики представляет собой зонирование организации: выделение зон с высокими, средними и низкими уровнем и степенью рисков. Исследования рисков показывают, что зоны высоких рисков – «слепые зоны», так как руководители акцентируют внимание на зонах низких рисков и аккумулируют ресурсы для управления ими. Редко акцент делается на средних рисках. Иллюзия подконтрольности рисков снижает эффективность организационной деятельности, в том числе экономическую.

Несколько парадигм определяют культуру исследовательских процедур. В границах неклассической парадигмы с новой силой встает вопрос об истинности полученного знания, о приемлемых основаниях его унификации. Исследователю сложно действовать в ситуации множественности субъектив-

ных истин – *интерпретаций*. Это находит отражение в постоянных поисках единственно правильной проектной идеи, единственно правильно выполненного аудита и проведенной процедуры диагностики, идеально типического конструкта исследовательской и проектной деятельности. Отметим, что проектирование, как основополагающий организационный процесс, становится *зоной с высоким уровнем и степенью риска*, поскольку предполагает *вмешательство* в сбалансированное, стабильное функционирование организации и изменение характеристик ее деятельности.

Исследователи с большим трудом, с помощью многочасовой проблематизации погружаются в ситуацию, в которой становятся возможны лишь интерпретации того или иного состояния объекта. Эти особенности создают дополнительные основания для социального неравенства в организационных полях.

Особую значимость в контексте социального неравенства приобретает *правомочность интерпретаций*. Это право заключается в доминировании, господстве одной из субъективных интерпретаций, что также вызывает социальное неравенство в исследовательском поле организаций. Субъективизм может быть усилен экспертными знаниями, экспертной позицией. Тогда возникают особого рода коммуникации, порождающие селективные фильтры и символические генерализации «Одновременно ожидается, что профессиональное экспертное знание является не жестко зафиксированным выводом нормативного характера, а “открытой рефлексией”. Оно включает в себя конкретный опыт, рефлексивное наблюдение, теоретическую концептуализацию и активное экспериментирование, восприимчивое к специфическим контекстам и ситуациям социальной практики» [4, с. 66].

Субъективизм снимается благодаря обсуждению, поискам пересечений интерпретаций как возможного (контингентного) знания о действительном положении дел в организациях. Важным условием при этом становится фиксация разнообразия и использование практик управления этим разнообразием. Эти процедуры требуют от исследователя не только знания технологий проектирования, но и владения основами *коммуникативного действия*, концепция которого была разработана Ю. Хабермасом. Следует обратить внимание на то, что «Ю. Хабермас в своей теории коммуникативного действия решительно противопоставил целерациональное и коммуникативное поведение человека... Целерациональное действие ориентировано на инструментальный успех, коммуникативное поведение – на понимание и сочувствие. Эти типы поведения имеют разные функции: целерациональные действия – это путь к адаптации, приспособлению человека к миру и мира к человеку, коммуникативное поведение – это путь к самопознанию, пониманию своего социокультурного мира, открытию смыслов жизни. В случае поведения, ориентированного на коммуникацию, складывается упорядоченная нормативная среда, устойчивые, легитимированные межличностные отношения, устойчивые личностные структуры, способные к развертыванию и самоосуществлению. Коммуникативное действие Ю. Хабермаса – это одновременно и «ситуация речи». Необходимость предполагает совместное истолкование ситуации, консенсус относительно того или иного плана действий. Этим конструируется контекст, который поддерживает коммуникативное действие» [5, с. 322]. Благодаря коммуникативному дей-

ствию формируется нормативная, договорная среда, снимается субъективизм суждений и интерпретаций. В наибольшей степени коммуникативное действие проявляет себя в командной работе, в проектной группе, когда участники проектной группы обсуждают различные видения одной и той же организации, одной и той же проблемной ситуации, инновационной идеи и пути ее реализации. С другой стороны, коммуникативное действие может стать основой для социального неравенства, так как участники проектной работы различаются по степени готовности к коммуникативному действию, по степени сформированности компетенций.

Процесс командообразования проходит сложно и сопряжен с множественными рисками и конфликтами. Как правило, исследователи проявляют низкий уровень командной работы, замотивированности на выполнение проектов проектной группой. Сказывается нежелание брать на себя ответственность за деятельность членов проектной группы, занимать лидерские позиции (это довольно энергозатратно), боязнь, что «мой», «личный» вклад будет больше, чем остальных участников процесса проектирования. Наиболее часто риск проектной деятельности сопряжен со страхом, опасениями, что результаты по проекту будут украдены и присвоены, выданы за свои проектные наработки.

Важным концептуальным достижением неклассической парадигмы является готовность работать на *горизонтах интерпретаций*. Под горизонтом понимают совокупность ценностных установок, которые определяют процессы, протекающие в современных организациях, поведенческие паттерны менеджеров и персонала в них, особенности выстраивания организационной культуры, основные тренды организационных изменений и развития. Работа по проектированию изменений в современных организациях, выстраиваемая на горизонтах интерпретаций, способствует тому, что проектируемые изменения становятся ингерентными культурному контексту страны пребывания организации. В литературе выделяют горизонт направленности на Другого, горизонт Катастрофы, горизонт менталитета, горизонт постомодерна, горизонт «вызова – ответа», горизонт модернизации [6, с. 27–36]. К этим горизонтам можно добавить горизонты темпоральности (временных особенностей) и риска.

Остановимся более подробно на двух последних горизонтах. Горизонт темпоральности открывает себя посредством временных особенностей, к которым можно отнести высокие темпы социальной жизни, ритмичность социальных процессов, особое внимание к событиям, протекающим в настоящем, вследствие этого оттягивание ресурсов от будущего, эффект палимпсеста, проявляющийся в его неотрефлексированности с позиций настоящего, попытках раздробить прошлое на мозаику слабо связанных событий и порционно переписать в ситуации индифферентности акторов социальной жизни [7].

Временные особенности экстраполируются на жизнь организаций. Социальное время – это время системно осуществляемых социальных действий в организационном поле. В нашем случае спектр социальных действий ограничен рамками организационной жизни. В современных организациях изменяется статус человека – субъекта, актора социальной жизни. Социальные акторы и сами являются организациями «нулевого» порядка. В связи с этим усиливаются

взаимосвязь и взаимозависимость социальных акторов и организаций. Современные организации поглощают человека «целиком» через контекст социального времени. В социальном времени современных социальных акторов начинает доминировать организационное время, вытесняя личное время и такую важную его составляющую, как свободное время. Организационное время в этом случае начинает играть роль принудительной структуры, которую человек вынужден принять и подчиниться, если он стремится к успеху в организации.

Горизонт риска проявляет себя через аналитику и систематику рисков и зонирование организаций. В современных организациях существует *иллюзия определенности*, сущность которой заключается в уверенности управленцев и персонала организации, что риски существуют и ими кто-то управляет (проводит мониторинг, оценку, текущее управление и стратегирование). В современных организациях существует негативное отношение к рискам, проявляющееся на уровне социальных взаимодействий как нивелирование рисков. Аспатиальность по отношению к организационным рискам и рискам управленческой деятельности имеет следующие причины: риски воспринимаются в качестве угроз, потерь, ущерба для организационной деятельности; рефлексия осуществляется по отношению к финансовым рискам; доминирует иллюзия сложного процедурного подхода к рискам.

Вместе с тем риски могут осмысливаться и как возможности для развития организационного поля, для проектной деятельности, для субъектов организационной жизни. Под рисками традиционно понимается социальное действие. Если рассматривать риски как ситуацию организационно-управленческой жизни, квинтэссенцию организационно-управленческих практик в ситуации принятия решения, риски можно исследовать более системно. Исследовательские процедуры становятся более практико-ориентированными. В их основе лежит применение такого инструментария, как матрица рисков.

Исследования организаций Саратова и Саратовской области (N = 504), проведенное в течение 2004–2013 гг., подтверждают гипотезу о том, что в современном организационном поле недостаточно внимания уделяется рискам и стратегиям управления ими. Исследования позволяют предположить, что организационно-управленческие риски локализованы в целевой картине организаций: общественной проблеме, для разрешения которой создана организация, в миссии, целях. Риски возникают там, где присутствует рассогласованность, например между проблемой и миссией, миссией и целями, целями и функциями, стабильным функционированием и управлением изменениями. При проведении исследований использовались структурированное интервью и метод экспертных оценок [8]. В результате исследований были собраны и проанализированы два типа проектов: организационно-управленческие (ОУП) и PR-проекты (PRП) (табл. 1). Они представляют собой структурированные отчеты о проделанной полевой работе на кафедре социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС. В процессе структурированного интервью на основе использования стратегии кейс-стади зафиксированы элементы управления функционированием (18 элементов) и развитием организации (14 элементов).

Таблица 1

Виды и стратегии управления рисками, 2004–2013 гг.

Показатель	ОУП	PRП	Итого	Не указаны	Всего
Виды рисков, кол-во	76	24	100	404	504
Виды рисков, %	29	10	20	80	100
Стратегии управления рисками, кол-во	7	10	17	487	504
Стратегии управления рисками, %	1,4	2	3,4	93,2	100

Данные табл. 1 подтверждают гипотезу о том, что практики управления организационными рисками не встроены в процесс общего управления организациями, что значительно повышает внутриорганизационную и внешнеорганизационную рискогенность и увеличивает социальное неравенство в современных организациях. Об этом свидетельствуют данные (выраженные в процентном соотношении) количества организационно-управленческих проектов с указанными видами рисков – 29% к общему числу организационно-управленческих проектов (N = 262). Соответственно, в 71% случаев из 262 организационно-управленческих проектов риски как виды рисков не прописаны. В ситуации количественного анализа видов риска в PR-проектах в 10% можно констатировать виды рисков из общего количества проработанных PR-проектов (N = 242). Соответственно, в 90% PR-проектов виды рисков отсутствуют как объекты управления.

Среди основных видов рисков выделяются проектные риски, связанные с организационным развитием, изменениями в организациях: 1) *недостижение консенсуса сторон в обсуждении финансовых вопросов*; 2) *отказ одной или нескольких сторон от участия в проекте учащих в процессе разрешения оперативных социальных проблем*; 3) *неприятие проектного предложения родителями и учителями* – СОШ р.п. Новые Бурасы Новобурасского района Саратовской области. Из перечисленных видов рисков непонятно, кто в организационном поле является субъектами и объектами риска, кто управляет рисками и стратегирует их.

Анализ стратегий управления организационными рисками 1,4% в ситуации с организационно-управленческими проектами (N = 262) и 2% от общего количества PR-проектов (N = 242) подтверждает гипотезу о «пассивном» отношении к организационным рискам или о существовании стратегии по управлению организационными рисками в качестве «уловки», «ловкого приема». Не используется весь диапазон взаимосвязанных стратегий по управлению рисками. В качестве примеров стратегий управления рисками используются: 1) *риск несоблюдения графика и превышение бюджета проекта / детальная проработка плана-графика проведения мероприятий с экспертами по результатам анкетирования*; 2) *формальное отношение сотрудников / разработка системы мотивации (положительной и отрицательной)*; 3) *Субъективная оценка эксперта / разработка проектов семинарских занятий совместно с*

сотрудниками банка; 4) высокие временные затраты / проведение семинаров в начале рабочего дня, когда нет загрузки клиентов; 5) неприменение сотрудниками полученных знаний в практической деятельности / обратная связь с экспертом, проводящим семинары; мониторинг и контроль со стороны руководства банка – ОАО «Сбербанк России» / № 8622/0011. В этом примере через слеш (/) указаны стратегии управления рисками. В данном случае очевидно, что стратегии носят общий формальный характер и не являются планами действий для будущих мероприятий.

В проведенных исследованиях миссия прописана в 74,4% организационно-управленческих проектов и в 2,1% PR-проектов. PR-проекты в большей степени фиксируют вектор организационных изменений, нацеленность организаций на конкретные инновации. В 97,9% при инновировании организаций не учитывается в качестве значимого условия главная цель, предназначение организации, так как миссия – это определенность ценностных установок в организации, ее имиджевых характеристик, согласованность организации, ее деятельности во внешней среде. Миссия фиксируется (74,4%) на этапе функционирования организаций и управления функционированием, а на этапе организационных изменений исчезает за горизонтом организационных инноваций.

Проблема, для разрешения которой создана организация, цели и задачи, конституирующие целевую картину организаций, не фиксируются как важные значимые условия в ситуации организационных изменений. В организационно-управленческих проектах проблема прописана в 21,8% случаев. Это, на наш взгляд, можно интерпретировать как неосознанность основного направления деятельности организаций по решению социальной проблемы, основного общественного противоречия. Это социальное неравенство в организационном поле, поскольку приводит к различному видению основных направлений деятельности в организационном поле и ставит под вопрос приверженность персонала и руководителей организаций выбранному направлению.

Обращает на себя внимание малый процент прописанных задач (16%) в организационно-управленческих проектах. Это существенный риск-фактор для организационно-управленческой и организационно-инновационной деятельности, поскольку в организационных задачах содержатся квантификаторы управленческой и структурно-функциональной деятельности. Проявляет себя рассогласованность между организационными целями и функциями.

В табл. 2 приведены показатели зафиксированных элементов управления изменениями в организациях за исследуемый период.

В рамках PR-проектов лучше всего просматриваются цели (96,3%) и задачи (94,2%) проводимых инноваций. При этом целевая картина исследуемых организаций не рассматривается как важный элемент управления организациями. Это, на наш взгляд, является одним из риск-факторов управленческой деятельности в современных организациях и указывает нам, как исследователям, на рассогласованность целевой картины управления функционированием организаций с целевой картиной проводимых организационных изменений.

Таблица 2

**Фиксированность элементов управления изменениями
в организациях, 2004–2013 гг., %**

Основные элементы	ОУП	РРП
Проблема	66,4	73,1
Цель	27,7	96,3
Задачи	19,9	94,2
План мероприятий	27,7	89,7
Стратегии управления рисками	5,3	13,6
Результаты / продукты	17,2	83,5
Результаты / эффекты	9,5	81,4

Таким образом, на наш взгляд, социальное неравенство существует в организационном поле. Оно дестабилизирует современные организации, и им можно управлять опосредованно через организационно-управленческие риски. В этом случае риски становятся интегративной стратегией организационного поля, объединяя разрозненные элементы и зонирова организации. Организационно-управленческие риски проявляют себя через согласованность целевой картины организаций (проблема – миссия – цель), управления функционированием и развитием организаций, а также посредством прописанных видов рисков и стратегий управления ими.

Частным случаем организационно-управленческих рисков являются проектные риски, связанные с исследовательским полем современных организаций, провоцируют социальное неравенство, конституированное экспертным знанием горизонтов интерпретаций (особенно горизонтов ментальности и риска), позиционированием акторами социальной жизни себя в процессах командообразования, проблематизации и интерпретаций на этапах организационного аудита, диагностики и инновирования. Социальное неравенство в современных организациях формирует зоны высокого риска, которые необходимо грамотно стратегировать и эффективно управлять ими.

Библиографический список

1. Вадим Радаев: «Возможна ли позитивная программа для российской социологии» // URL: <http://www.polit.ru>
2. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
3. Наумов С.Ю., Журавлёв П.В., Шеховцев А.Ю., Фёдорова А.В. Риски в коммуникативном пространстве социума. Саратов, 2003.
4. Слонов Н., Фокина Т., Фёдорова А. Кейс-стади «катастрофа...» и экспертное мышление // Муниципальная служба. 2006. № 1 (33). С. 66–72.
5. Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семёнов В.А. Западная социология. СПб., 1997.
6. Теория организаций и организационное проектирование: учеб. пособие / под ред. Т.П. Фокиной, Ю.А. Корсакова, Н.Н. Слонова. Саратов, 1997.
7. Хорольцева Е.Б., Фёдорова А.В. Исследование систем управления: методологический аспект // Вестник ПАГС. 2013. № 2 (35). С. 110–117.
8. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования: учеб. пособие. М., 2010.

**E.V. Shirmanov
Symbolic System of State
and Regional Identity
of Mordovia
and Ulyanovsk Region
Inhabitants
(Based on Focus Groups Records)**

Two federation subjects abutting each other, i.e. Mordovia and Ulyanovsk Region – the regions with greater number of inhabitants of different ethnic origin (Russians and Mordvians) – are studied. The authors conclude that the national level of identity prevails among other types of territorial identity and the intensity and form of regional identity vary depending on study areas.

Key words and word-combinations: national identity, ethnic identity, symbol, symbolic politics, region.

Исследуются субъекты Федерации, граничащие друг с другом: Мордовия и Ульяновская область – регионы с большой численностью жителей с разной национальной принадлежностью (русские и мордва). Делается вывод, что общенациональный уровень идентичности превалирует среди других видов территориальной идентичности, а интенсивность и конфигурация региональной идентичности различна по исследуемым территориям.

Ключевые слова и словосочетания: общенациональная идентичность, этническая идентичность, символ, символическая политика, регион.

УДК 316.334.52
ББК 60.59

Е.В. Ширманов

**СИМВОЛЬНАЯ СИСТЕМА
ГОСУДАРСТВЕННО-
ГРАЖДАНСКОЙ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
ЖИТЕЛЕЙ МОРДОВИИ
И УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
(по материалам фокус-групп)**

Символьная система – важная составляющая идентичности как общественного конструкта. Можно согласиться с М.В. Демидовой, которая отмечает, что «специфика современных социальных отношений – эпистемологическая, так как напрямую связана с социальным познанием, в котором определяющее значение имеет символический капитал как стратегия накопления кредита доверия в процессе социального взаимодействия и показатель включенности индивида в социум» [1, с. 92]. Декодирование ее элементов с помощью самого человека – своего рода возможность понять его смысловое значение, проанализировать ценностные ориентации, а также отследить реакцию на целенаправленные мероприятия по формированию того или иного уровня территориальной идентичности.

С этой целью коллективом ученых разработана и реализована программа прикладного исследования, в основу которого был положен метод фокус-групп. Группы набирались в двух регионах Поволжья: Республике Мордовия и Ульяновской области. Для детализации проблематики выбраны эти объекты, потому что они, с одной стороны, представляют собой тип небольших региональных пространств со сходной социальной, политической и культурной средой, а с другой – демонстрируют общие тенденции в форми-

ровании и развитии политической идентичности. Вместе с тем Мордовия является одной из национальных республик. Ее жители обладают разными этническими и конфессиональными идентичностями, объединяя на своей территории русских, мордву, татар, украинцев, армян. Ульяновская же область – по преимуществу этнически русская. Здесь этнический уровень, вероятно, интегрируется с общероссийским, но должна акцентироваться смысловая система региональной идентичности. Таким образом, задача исследователей – не просто расшифровать значение символов для респондентов, но и соотнести результаты по этим двум регионам.

Элементами символической системы для фокус-групп выступили различные символы государственной и гражданской сфер: от государственной атрибутики и карты страны до региональных памятников, брендов и логотипов местных производств. Все они были разбиты на блоки и демонстрировались поочередно. Перейдем к анализу полученных результатов.

1. Блок «Символы России». Наиболее часто упоминаемые символы-ассоциации «российскости» выстроились в смысловые цепочки. Набор достаточно стандартный, однако интересна сама последовательность воспроизведения ассоциаций.

В Мордовии: 1) символы властно- и персоно-идентичности (В.В. Путин, Кремль (как место локализации власти); 2) государственные символы (флаг, герб); 3) символы-клише (медведь, балалайка, водка); 4) характеристики территории (большая, холод, морозы). Для ульяновцев порядок таков: 1) символы-клише (медведи, чебурашка); 2) символы властно- и персоно-идентичности (Владимир Владимирович Путин).

Обсуждение перечня ассоциативных символов показало некоторые существенные тенденции в воззрении на самих себя и образ государства. Проводя аналогии с медведем как традиционным символом, респонденты отмечали как «добродушие», так и «ярость». Так, респондент из Ульяновска перечислил следующие черты: «...силу, напористость, направленность на победу, агрессивность по отношению к тем странам, которые против нас». Были названы также «мощь» и «единство», после чего из плоскости отождествления с Россией ассоциации перешли в политизированную плоскость: образ воспринимается и как логотип политической партии «Единая Россия», при этом приобретает специфичный оттенок восприятия.

Обсуждение официальной символики (герб, флаг и карта) выкристаллизовалось в дискурс о цивилизационной роли страны, в размышления о ее истории и территориальных модификациях. Высказывание одного из молодых респондентов фокус-группы, проведенной в Ульяновской области, явно демонстрирует определенный психологический конструкт, связанный с государственными границами: «...если бы это были контуры СССР, то было бы значительно лучше! Побольше и пообъемнее!». Высказывались мнения, что современные границы России не являются застывшими: «...это еще не предел!».

Интерес исследователей вызвали похожие комментарии участников из Мордовии, связанные с недостатками качества карты – отсутствием на ней государств-соседей: «...у нас нет окружения, вы это имеете в виду?», «...это зна-

чит, что мы в изоляции и нам никто руки не подаст?». Ответ прозвучал в самой же группе и был одобрен практически всеми участниками: «...а мы всегда так жили, и нас это никогда не смущало», явно указывающий на наличие (или включение) адаптивного механизма к сложившейся ситуации – через «возвращение» к самобытности и самоорганизации.

В продолжение поднятому вопросу завязалась дискуссия о соотношении «имперских» и «советских» элементов в официальной символике, которая перешла в плоскость оценивания наследия двух эпох. Прослеживалось отчуждение обеих символьных систем, но, скорее, как форма запроса на индивидуализацию «новой России»: «...нужно убрать какие-то имперские символы, Россия ведь демократическое государство», «...к советским символам по-разному отношение складывается, я вижу в них негатив» и т.п.

Специфическое переживание «советскости» заметно в ответах респондентов из Ульяновска. По выражению самих участников, этот феномен характерен для их региона и может быть назван «прилипание к авторитету». Именно так они охарактеризовали сохранение в имидже региона образа В.И. Ленина, а также двусоставное название города Ульяновск / Симбирск. Отношение к самому Ленину достаточно разнообразное. Одни считают его символом патриотизма и народности, другим его история позволяет идентифицировать свою территорию за ее пределами: «...когда я нахожусь в других городах и представляюсь, то говорю, что я с родины Ленина. Ну а как еще объяснить, где я живу?!». Или такой вариант: «...ну это такая фишка, которая отличает Ульяновск. То есть там природные богатства и прочее может и есть у нескольких регионов, но Ленин-то ассоциируется только с нами. Он же родился в одном месте, в двух местах же не мог родиться».

Другая часть участников присоединилась к идее, что все советское, в том числе использование фигуры Ленина, не позволяет Ульяновской области развиваться как современному региону: «...как и всё в Ульяновске, тут всё абсолютно серое! Это беспокойство и смятение вызывает!» и «...никак не отойдем от этой серости, навязчивости и тяжести!».

Несколько другое прочтение обнаруживается по отношению к историческому названию города. Практически все респонденты согласились с тем, что «Симбирск» звучит значительно интереснее, чем «Ульяновск»: «...Симбирск – значит сила! И даже, мне так кажется, название такое мощное! Для России как раз!». Однако вопрос о переименовании вызвал обратную реакцию. Очевидно, что жители Ульяновской области не готовы финансово расплачиваться за использование на официальном уровне такого символа своей идентичности. Назывались преимущественные статьи расходов, среди них, например, строительство дорог. Это в очередной раз позволяет говорить о корреляции социального самочувствия граждан и интенсивности региональной идентичности.

2. Блок «Символы Республики Мордовия / Ульяновской области». Не столь консервативные настроения сопровождали демонстрацию региональных символов – «уникального “набора” проявлений региональной идентичности в содержательном выражении и дискурсивных практик, конституирующих региональную самость» [2, с. 18].

Участники с видимым трудом узнавали некоторую символику, часть из которой они интерпретировали, опираясь не на реальные знания о ней, а на общую информацию о регионе и свои собственные ощущения. Например, на гербе Ульяновской области центральные фигуры композиции – львы (олицетворяют всю совокупность достоинств и добродетелей) считывались как *«мощные соседи, которые нас поддерживают»*, а символизирующая географическую принадлежность к великой русской реке Волге чайка – это, по мнению участников, символ *«мира и добра»*.

В Мордовии процесс распознавания национальных символов прошел значительно быстрее и с меньшим количеством вольных интерпретаций.

Интересен факт, что официальная символика в обоих регионах фиксируется в сознании и связывается с гражданственностью и патриотизмом на мероприятиях, посвященных празднованию Дню Победы. Так ответило большинство из присутствующих на фокус-группе участников.

Набор символов советского периода различен для исследуемых регионов. Легко считывался герб Саранска этого периода: *«...мы тогда были столицей света»*. Хотя стоит отметить, что раньше видели его не более трети присутствующих. Для Ульяновской области советское время однозначно ассоциируется с фигурой В.И. Ленина. Возможно, это связано еще и с тем, что официальная региональная символика в это время просто отсутствовала.

При детализации современной символики самими респондентами назывались наиболее узнаваемые и популярные знаки и образы, которые специфичны именно для их местности. Для Ульяновска таковыми являются авиастроительство, река Волга, автопромышленность, сказочные персонажи и прочее. По словам одного из участников, *«самолеты – это самая большая гордость в Ульяновске»*. Региональные проекты «Взлетная полоса» и «К взлету готов» являются как символическим обращением к жителям, мотивирующим их на личностный и областной рост, так и основой для имиджестроительства. Как и автомобильная промышленность (УАЗ) эта отрасль является своеобразной «маркой качества» для ульяновцев. Используется в конструировании региональной идентичности и образ Волги. На вопрос об ассоциациях с рекой были названы: «выгодное положение», «уникальность и историческое значение», «пропитание и плодородная земля».

Иначе воспринимаются элементы, которые позиционируются региональной элитой как части образа области, например креативные технологии (проект «Ульяновск – культурная столица»), зонтичные бренды области: Колобок или буква «ё» и другие. Высказывания по этому поводу были следующими: *«...это точно не про Ульяновск»*, *«...абсолютно такой же город, как и все»*, *«...необдуманный и бессмысленный этот памятник букве Ё»*, *«...присвоили авторство Колобка, но не понятно зачем и как это показывает наш регион»*. Принципиальное отношение к региональным брендам выразила одна из участниц фокус-группы, сказав: *«...тогда уж лучше еще один памятник Ленину, чем такой ерундой заниматься»*.

Отношение к своему колориту в Республике Мордовия складывается из внешнего и внутреннего измерения. Если вопросы касались оценки этнических сим-

волов и логотипов, содержащих их составные элементы, то ответы начинали носить характер неодобрительности излишнего размаха их демонстрации: «...ну очень сильно бросается в глаза», «...слишком какое-то аляпистое». Но если те же самые вопросы задавались в плоскости представления региона на общероссийском и международном уровне, то это «национальное» виделось «уникальным».

Для жителей обоих регионов наиболее знакомой цифровой символикой являются их автомобильные коды (13 – Республика Мордовия, 73 – Ульяновская область). Такой символ работает и наполняется смыслом только вне регионального пространства. Это своего рода тег, который позволяет определять себя и обладателя такого же цифрового значения по принципу землячества: «...а я когда нахожусь в других регионах и вижу машины 73-го региона, то у меня появляется настроение, эмоции». За этот счет нивелируется негативный образ числа «13» в Мордовии, воспринимается как «...число как число» или как «...мое личное счастливое число».

Сувенирная продукция является ключевым элементом самопрезентации региона. Она не просто отражает главные достижения территории, но и является внешнесредовым маркером и, по сути, конкурирует за уникальность с другими региональными брендами.

По мнению респондентов, презентационный сувенир из Мордовии – это мордовский («этнический») сувенир или набор продовольственных продуктов, который в принципе можно рассматривать как региональный (по виду хозяйства в регионе). Наиболее удачными сувенирами из Мордовии участники посчитали мордовский бальзам, местные конфеты и сгущенку, сырокопченые изделия. Вместе с тем, кроме продовольственных, назывались подарки, отражающие этнический колорит: паспорт мордвина, футболка с надписями на мордовском языке, мордовские куклы и шкатулки.

Жители Ульяновской области выделили из всего спектра возможных сувениров элементы, которые непосредственно связаны с главными экономическими отраслями региона: упаковка минеральной воды Ундоровского завода «Волжанка», брелок для ключей с самолетиком (презентация конструкторского бюро «Туполев»), запчасти от машин УАЗ и прочее. Следующий по популярности блок сувенирной продукции основывается на образе Ульяновска как родины В.И. Ленина. Презентующими регион названы кружки с цитатой: «Учиться, учиться и еще раз учиться», биография революционера, значки «Октябренок» и «Пионер» и т.д.

Наблюдателям удалось уловить элементы персоно-идентичности на уровне региона, сформированной вокруг фигуры экс-главы республики Н.И. Меркушкина. Меркушкина отождествляли с самым ярким представителем национальности современности, приписывая ему возрождение региона и его административного центра [3, с. 33].

Для ульяновцев губернатор подобным образом не интегрируется в систему региональных символов и образов. Представленные оценки звучали достаточно скупко: «...он человек как человек», «...да и в России он фигура такая малозначимая, даже в «Comedy Club» ни разу не приглашали», «...что про него сказать? Русский, светлые глаза и волосы, стройный».

Для исследуемых регионов широко известные символы мероприятий регионального и общероссийского уровня достаточно ограничены. Для обеих территорий это в первую очередь спортивные мероприятия. Как в Саранске, так и в Ульяновске сопутствующие мероприятиям бренды и логотипы оказались мало понятными и недостаточно самопрезентационными.

3. Блок «Поволжье». Символьно-смысловая система Поволжья оказалась малознакома участникам фокус-группы. Из представленных логотипов (Молодежный форум ПФО «iВолга», региональная экологическая фотовыставка «Среда обитания. Живая Волга», площадка молодежных субкультур Поволжья, рок-концерт «Рок над Волгой» и пр.) участники (более младшего возраста) с трудом идентифицировали только форум «iВолга». Выражения самих респондентов: «...а что, эти символы с таких серьезных мероприятий?», «...странно, мне они совсем не знакомы», «...точно с каких-то мероприятий, но не вспомню с каких». Однозначно узнавался и считывался только один образ – почтовая марка «Помощь голодающим детям Поволжья» (20-х гг. XX в.).

Посыл модератора о консолидации жителей Поволжья оказался востребованным: «*Лучше консолидировать Россию, а не Поволжье. Я не говорю про изоляцию, но чтобы была Россия. И не забывать про национальности, потому что Россия – это не только русские*».

Подведем краткий итог, настолько, насколько позволяет это сделать выбранный нами прикладной метод исследования проблематики.

Во-первых, у жителей обоих регионов наблюдалось идентичное представление о себе, обществе, стране (как внутренний, так и внешний аспект). Проявилась схожая обратная реакция на мероприятия по формированию уровня системы идентичности «мы – жители России», и она однозначно превалирует в конфигурации других видов территориальной идентичности. Судя по кодификации реакции на государственные символы, идентичность у жителей довольно устойчива, интенсивна и масштабна.

Во-вторых, констатируя особенности исследуемых регионов, подчеркнем вполне заметную линию ответов респондентов. Жители Ульяновской области более остальных демонстрируют критическое отношение к своему региону, вплоть до негативного осмысления его имиджа. Несущей основой идентификационных процессов Республики Мордовия служит общегосударственный уровень, региональный же блок остается несколько размытым. Эту нишу занимает «этническая» символьно-смысловая система. Однако отношение к национальному колориту в имидже и образе региона складывается из нескольких измерений. Общественность довольно критически оценивает излишнюю трансляцию и демонстрацию своего «этнического» на внутрирегиональном уровне, но на общероссийском и международном – оно представляется «уникальным», важнейшим в представлении региона.

В-третьих, Поволжье как более крупный регион места проживания слабо отражено в символьной системе идентичности жителей Мордовии и Ульяновской области. Ненаполненность «поволжской ниши» – это, вероятно, результат отсутствия целенаправленных шагов и мероприятий по формированию поволжской территориальной идентичности. Причиной этого может считаться

и слабая включенность регионов в общеповолжские мероприятия. С другой стороны, дискуссия, развернувшаяся вокруг этого блока символов, частично наводит на мысль об отсутствии «народного» признания за Поволжьем звания вернакулярного района.

Библиографический список

1. Демидова М.В. Модели управления символическим капиталом // Вестник ПАГС. 2015. № 1 (46). С. 91–98.
2. Назукина М.В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Регионоведение. 2011. № 4. С. 12–18.
3. Солдатова А.С., Ширманов Е.В. Соотношение общенационального, этнического и регионального в идентичности жителей Мордовии (по материалам прикладного исследования) // «Ars administrandi» (Искусство управления). 2015. № 2. С. 27–38.

A.A. Savenko
Motivation of Labor Activity
as a Complex Sociological
Phenomenon

The main groups of sociological concepts of labor activity motivation are considered. The author's integrated approach revealing motivation of employees' labor activity in the context of the complex methodological doctrine is presented.

Key words and word-combinations: motivation, labor activity, labor requirements, labor potential, innovation.

Рассмотрены и проанализированы основные группы социологических концепций мотивации трудовой активности работников. Представлен авторский интегрированный подход, раскрывающий мотивацию трудовой активности работников в контексте комплексной методологической доктрины.

Ключевые слова и словосочетания: мотивация, трудовая активность, трудовые потребности, трудовой потенциал, новаторство.

УДК 331+316.33
ББК 65.24:60.560

А.А. Савенко

МОТИВАЦИЯ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ КАК КОМПЛЕКСНОЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

В новых условиях мотивация трудовой активности изучается различными группами исследователей. Социологи рассматривают мотивацию трудовой активности не только как показатель человеческого капитала тружеников, но и как фактор повышения эффективности деятельности организации, инструмент формирования инновационных механизмов саморазвития. Мотивацию трудовой активности все чаще стали отождествлять с двигательным механизмом развития всякого социального и социально-трудового действия [1].

Научные теории, осуществляющие исследование различных проявлений мотивации трудовой активности, можно условно ран-

жировать, исходя из специфики их методологической базы: универсальные междисциплинарные концепции, социально-процессные теории, факторно-социокультурные парадигмы. Каждая из представленных групп исследователей со своих позиций рассматривает проявление мотивации трудовой активности. На наш взгляд, любой подход имеет свои преимущества и недостатки и не может в целом отвергаться или применяться в современных условиях без определенной доработки и обновления. Рассмотрим данные методологические подходы, уточним их сущностные характеристики, выявим преимущества и недостатки, разработаем собственную систему взглядов на проявление мотивации трудовой активности как социального явления.

Универсальные междисциплинарные концепции строятся на общих принципах теории мотивации труда. Представители данного подхода разрабатывают общие теоретические модели мотивации, характеризующиеся в контексте процессов развития трудового потенциала работника. При исследовании теоретических моделей мотивации учитываются такие переменные, как уровень развития ее переменных, мотивация труда и трудовых действий как функция потребностей [2, с. 52]. Потребительские теории мотивации трудовой активности основываются на общих принципах мотивации труда. Важнейшим механизмом реализации мотивации является процесс удовлетворения потребности как нужды в определенных, объективно необходимых для человеческой жизнедеятельности материальных и духовных благах. В определенных условиях потребность также может рассматриваться как механизм роста трудовой активизации. Условно можно представить сложную цепочку социальной взаимосвязи: рост потребления, совершенствование мотивации, рост трудовой активности. Каждый мотив ориентирует и побуждает человека на необходимость выбора трудового действия. Комплекс мотивов зависит от внешней и внутренней среды функционирования трудовых групп [3, с. 11]. На основе анализа универсальных междисциплинарных концепций можно выделить ряд потребностей, наиболее важных в формировании трудовой активности. Базовый, первый блок: биологические или физиологические нужды. Второй блок: потребности в безопасности, дефицитные социальные нужды. Третий блок: потребности в уважении, самоуважении, а также самореализации, социальная необходимость в трудовой активности, в социальном росте, развитии и саморазвитии работников, отдельных профессиональных коллективов.

Таким образом, универсальные междисциплинарные концепции мотивации трудовой активности основываются на общих принципах теории мотивации. Уточняется сущность явления мотивации как системы внутренних побуждений человека к реализации всякой деятельности, а также повышения деятельной активности человека, в том числе и в трудовой сфере. Уже в рамках универсального междисциплинарного подхода проявляется попытка авторов ранжировать систему мотивации труда на традиционно трудовую мотивацию (мотивацию четко выполнять конкретные трудовые операции), а также мотивацию трудовой активности работников (мотивацию активности и творчества в труде, изобретательства и рационализаторства в процессе трудовой деятельности работника).

Универсальный междисциплинарный подход имеет некоторые недостатки. Во-первых, в рамках междисциплинарного подхода не уточняется специфика проявления и реализации процессов мотивации трудовой активности, а только обосновывается наличие процесса мотивации трудовой активности в рамках общего комплекса мотивации труда. Авторы не рассматривают общие и отличительные характеристики общего процесса трудовой мотивации и их отдельной формы – мотивации трудовой активности работников. Во-вторых, исследователи не раскрывают сущностные черты процесса мотивации трудовой активности, не выявляют этапы, формы и факторы проявления данного социологического явления.

Частично данные пробелы устранены в социально-процессных теориях мотивации трудовой активности, в рамках которых раскрываются социальные формы проявления процесса мотивации, определяется роль и место мотивации трудовой активности в системе мотивации труда в целом, уточняются типы трудовой мотивации и их динамика [4, с. 44]. Исследователи рассматривают мотивацию прежде всего как процесс воздействия определенного субъекта «на поведение человека для достижения личных, групповых и общественных целей» [5, с. 116]. Процессный подход к мотивации предусматривает исследование мотивации на уровне различных этапов внешнего и внутреннего процесса, а также форм экономического и социального воздействия, направленного на рост трудовой активизации всех тружеников и каждого отдельного «работающего в организации и побудить их эффективно трудиться для выполнения целей, сформулированных в планах» [6, с. 204].

Таким образом, в рамках социально-процессного подхода мотивация – это внешнее и внутреннее, а также экономическое и социальное воздействие на человека, направленное на повышение эффективности труда, рост трудовой активизации работников. В этом процессе имеются две формы: мотивация общих аспектов труда, а также мотивация трудовой активности работников.

Процесс мотивации трудовой активности реализуется в общей системе мотивации труда организации и имеет общие направления осуществления, связанные с административно-управленческим принуждением, моральными поощрениями, технологиями роста самоутверждения и активности. При реализации административно-управленческого принуждения применяются: социальные принудительные технологии взыскания (замечание, выговор, строгий выговор); социальные технологии кадровой мобильности (приостановка действия контракта, карьерные перемещения, трансформация отпускных графиков, увольнение). В рамках моральных поощрений применяются: объявление благодарности, награждение почетными грамотами, званиями, размещение на доске почета, представление публикаций в прессе, радио- и телепередачах, выдвижение на различные формы и виды наград и поощрений. Технологии роста самоутверждения и активности следующие: использование профессиональных рейтинговых оценок организации, предоставление возможности применения собственного потенциала личности, формирование кружков профессионального качества, структур развития творчества, инициативы, внедренческой профессио-

нальной деятельности акторов труда. Необходимо согласиться с исследователями в том, что мотивация может и должна рассматриваться с практических позиций как процесс реализации комплекса мероприятий, стимулирующих тружеников не только к повышению эффективности традиционных форм труда (за которые осуществляется оплата), но и к особой трудовой активности. Мотивация в современных условиях все более направлена на активизацию труда, повышение старательности, поощрение стремления к «активному желанию работать именно в этой организации, к получению высоких и высочайших результатов своей деятельности, к лояльности по отношению к руководству» [7, с. 10].

Процессуальные теории мотивации трудовой активности имеют некоторые недостатки. Важнейшие из них следующие:

1. В рамках социально-процессного подхода процессы мотивации и их этапы раскрываются в общей форме. Авторы не конкретизируют и не уточняют эффективность факторов мотивационных процессов; не раскрываются взаимосвязи данных факторов, отсутствует система социальной оценки факторов мотивационных процессов.

2. Исследование процессов мотивации осуществляется вне серьезного анализа потребности труду, а также социально-трудовых отношений организации; не рассматриваются пути мотивационной мобильности через достижение удовлетворенности трудом, совершенствование организации и содержания трудового взаимодействия работников организации.

Некоторые из данных пробелов устранены в рамках факторно-социокультурных парадигм, где предполагается выявление и анализ различных внешних факторов стимулирования в экономическом, социальном, социокультурном аспектах. Мотивация здесь проявляется как комплексный набор социальных факторных механизмов. Последние представляют собой субъект и объект мотивации. Мотивация в данном случае – это факторное стимулирующее воздействие на человека, «детерминирующее социальные действия индивида и поддерживающее поведенческую активность» [8, с. 32]. Поэтому мотивацию в контексте факторно-социокультурного подхода можно рассматривать как расширенный или суженный набор факторов стимулирования, направленных на побуждение членов организации к определенным параметрам труда, достижению собственных, а также организационных целей [1]. Следовательно, к культурно-мотивационным факторам необходимо подходить как к сложной системе и исследовать на нескольких уровнях. Первый – материальные факторы удовлетворения трудовых потребностей, формирования культурных ценностей, идеалов трудового взаимодействия работников. Второй – материальные и духовные факторы формирования основных трудовых ценностей, принципов, стратегий, представлений, лежащих в основе непосредственной деятельности работников.

Таким образом, факторно-социокультурные теории мотивации трудовой активности изучают мотивацию как результат деятельности двух или трех факторных механизмов. Эффективность мотивации трудовой активности обес-

печивается за счет оптимизации материальных и нематериальных факторов стимулирования трудовой активности. В рамках данных подходов исследуются факторные процессы удовлетворения потребности в уважении, самоуважении, самоактуализации, активности. Рассматривается также процесс разработки и реализации социальных программ «обогащения» и целевого развития активного труда.

Одновременно факторно-социокультурные теории мотивации трудовой активности имеют и определенные недостатки. Основные из них следующие:

1. Социологи в рамках данного подхода сосредотачивают внимание на механизмах, определяющих внешнее стимулирующее воздействие на актора труда. При этом внутренние аспекты мотивации только намечаются, этапы процессов реализации как на внешнем, так и на внутреннем уровне не рассматриваются и не анализируются.

2. Используются упрощенные методы установления самочувствия работников, что не может в полной мере дать комплексную характеристику факторам мотивации. Исследователи традиционно отказываются от комплексного анализа целостных трудовых отношений организации, ограничивая исследование процессами удовлетворенности или неудовлетворенности трудом работников.

3. При данном подходе ограничены возможности проектирования изменений в системе мотивационных факторов, поскольку исследователи не предпринимают попыток оценки факторной системы, не предлагают разработку общих тенденций ее развития относительно изменений внешней и внутренней социальной среды организации.

Таким образом, рассмотрев некоторые группы исследователей мотивации, можно обобщить данные подходы, резюмировать взгляды представителей различных школ и сформулировать собственную точку зрения на проблему мотивации трудовой активности работников. В абстрактной форме мотивация трудовой активности – одна из форм процесса мотивации трудовой деятельности работников организации. При этом важно отметить, что мотивация трудовой деятельности – более широкая категория социологии. Она включает в себя кроме мотивации трудовой активности еще и мотивацию непосредственного труда, мотивацию образовательного развития, мотивацию самоконтроля и т.д.

Мотивация трудовой активности представляет собой одновременно процесс, систему факторов и результат потребительного внутримотивационного развития. Конкретизируя принципы данных подходов, можно сделать вывод о том, что повышение потребности в «самоактуализации» взаимосвязано и взаимозависимо с развитием потребности к познанию, поиску новых знаний, пониманию окружающей действительности.

Рост групп высших социальных потребностей основывается на ряде факторов. Тяга человека к поиску и обработке знания опирается: 1) на удовлетворение физических потребностей, а также потребностей к «самоактуализации»; 2) на социальную неопределенность трудового функционирования, проявление

детерминанты тревоги и страха за свое трудовое будущее (как результат, зарождается нужда в поиске нового знания); 3) на положительные импульсы и мотивы, связанные с внутренним желанием человека, касающимся познания, истолкования, понимания, образовательного любопытства.

Развитие потребности в «самоактуализации», а также потребности к познанию, поиску новых знаний, пониманию окружающей действительности представляет собой высший уровень мотивации. Последняя проявляется в контексте общих показателей достижения человеком трех важнейших изменений (в рамках некоторых групп в целом или по отдельности): 1) реализации карьеры, образования, профессионализма; 2) роста предпочтений активной самостоятельной трудовой деятельности и самоуправления; 3) развития мотива творить, вести рационализаторскую деятельность, изобретать.

На наш взгляд, в современных условиях необходима разработка комплексного (интегрированного) подхода при исследовании сущности и процессов мотивации трудовой активности. В контексте интегрированного подхода комплексная мотивация трудовой активности – это процесс внешнего воздействия на человека в результате реализации материальных и нематериальных факторов, определяющих рост потребностей, трудового потенциала, способностей к труду, а также формирования мотива активного отношения к физическому и интеллектуальному труду, становления и совершенствования активных новаторских форм реализации трудовых действий.

Комплексная мотивация трудовой активности нацелена на следующие результаты: становление разных форм мотива активного трудового поведения различных профессиональных групп работников организации; интеграцию явления в рамках оценочных действий отдельных профессиональных групп организации; создание предпосылок эффективного прогнозирования активности поведенческих трудовых практик работников организации; реализацию конкретной инновационной трудовой деятельности работников; оптимальное накопление человеческого капитала тружеников.

Библиографический список

1. *Круглов С.В.* Совершенствование факторов мотивации трудовой деятельности работников // Новые тенденции и закономерности социально-экономического развития России: сб. науч. тр. Саратов, 2006. Ч. 1. С. 30–38.
2. *Шаталова Н.И.* Система трудового потенциала работника // Социологические исследования. 1999. № 3.
3. *Жданов С.А.* Механизм мотивации промышленных предприятий: производство, безопасность, риски. Саратов, 2002.
4. *Сарно А.А.* Типы трудовой мотивации и их динамика // Социологические исследования. 1999. № 3.
5. *Генкин Б.* Экономика и социология труда. М., 2000.
6. *Маренков Н.Л., Алимарина Е.А.* Управление трудовыми ресурсами. М.; Ростов н/Д., 2004.
7. *Самоукина Н.* Эффективная мотивация персонала при минимальных финансовых затратах М.; СПб., 2006.
8. *Горбунова М.Ю.* Социокультурная мотивация в структуре социальной работы. Саратов, 2004.

**A.V. Kudaev
The Integrated Assessment
of Social Guarantees
Implementation**

Basic forms of Russian population social guarantees assessment are presented. It is proved that in modern conditions the introduction of an integrated system of social guarantees implementation assessment is necessary: social and socio-economic one.

Key words and word-combinations: social guarantees, a social estimation, income, education, culture institutions, public health services.

Представляются базовые формы оценки социальных гарантий населения России. Доказывается, что в современных условиях необходимо внедрение интегрированной системы оценки реализации социальных гарантий: социальной и социально-экономической.

Ключевые слова и словосочетания: социальные гарантии, социальная оценка, доход, образование, институты культуры, здравоохранение.

УДК 349.3+364:369
ББК 67.405.2:65.272

А.В. Кудяев

**ИНТЕГРИРОВАННАЯ
ОЦЕНКА РЕАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ
ГАРАНТИЙ**

Система социальных гарантий представляет собой важный регулятор общественных отношений, применяемый на различных уровнях социальной политики. Социальные гарантии как инструмент социальной политики фиксируются на законодательном уровне общества, региона, в системе административных положений организационных структур. Формирование системы социальных гарантий – сложный, многонаправленный процесс, включающий разработку социальных стандартов жизнедеятельности; уточнение социальных гарантий населения, социальных групп регионов, профессиональных сообществ; реализацию социальных гарантий; оценку социальных гарантий. Оценка реализации социальных гарантий на уровне общества, региона, отдельной организации должна осуществляться в контексте рассмотрения процессов реализации социальной политики и достижения конечных социальных результатов. Реализация социальных гарантий осуществляется путем активизации механизма социальной политики на общественном, региональном, организационном уровнях. Данная реализация имеет двойственную целевую направленность: достижение повышения эффективности социального развития в целом и оптимизация процесса воспроизводства трудового потенциала, практик «преодоления кризиса социальной сферы» [1, с. 48].

Несложно заметить, что социальная политика представляет собой комплекс обще-

ственного, регионального, организационного механизмов и включает в себя все процессы формирования системы социальных гарантий от разработки социальных стандартов жизнедеятельности до реализации социальных гарантий и оценки социальных результатов реализации. Результаты реализации социальных стандартов проявляются не только на уровне социальной защиты, количественных и качественных показателей удовлетворения базовых потребностей, в консенсусе социальных интересов, но и на уровне кругооборота трудового потенциала населения. Поэтому социальные гарантии необходимо оценивать, исходя как из их способности обеспечения поддержки и помощи социально и экономически не защищенным слоям населения [2, с. 21], так и из достижения цели, связанной с обеспечением базовых условий восстановления и воспроизводства трудового потенциала работников.

В связи с этим важно уточнить основные формы социальных гарантий, в рамках которых и необходимо осуществлять оценку и их законодательной основы, и практик социального проявления и реализации. Если социальные гарантии формируются на основе государственных, отраслевых, организационных минимальных социальных стандартов, то и практики их реализации осуществляются по направлениям общей системы минимальных социальных стандартов. Ведь установленный «законом Российской Федерации минимально необходимый уровень обеспечения социальных гарантий» [1, с. 49] выражается прежде всего в социальных нормах по системе минимальных социальных стандартов населения в целом или его отдельных групп.

Основываясь на изложенных принципах, рассмотрим основные формы оценки социальной защиты населения в рамках базовых компонентов системы минимальных социальных стандартов жизнедеятельности.

1. Социальные гарантии дохода, уровня материального обеспечения граждан. В рамках данного комплекса государство, отдельные организационные объединения формируют системы социальных стандартов, определяющие социальные гарантии жизнедеятельности отдельных профессиональных групп, а также населения в целом. Доход и уровень материального обеспечения представляет собой базовую форму социальных гарантий. Формирование необходимого дохода акторов создает условия соблюдения базовых социальных прав граждан и обеспечивает социально необходимый уровень удовлетворения потребностей, направленный на восстановление физического и интеллектуального трудового потенциала акторов. При этом минимально необходимый уровень удовлетворения биологических нужд может оцениваться через анализ уровня обеспечения гарантий по перечню минимальных социальных стандартов по питанию, одежде, жилью. Минимально необходимый уровень удовлетворения социальных нужд может оцениваться через систему удовлетворения следующих потребностей: «1) потребности отстаивать свои личные права; 2) потребности выполнять свои социальные, экономические, политические обязанности по отношению к обществу, социальным общностям, отдельным группам людей; 3) потребности в социальной безопасности, независимости и свободе, борьбы с агрессором, достижения мира; 4) потребности в труде» [3, с. 99].

Таким образом, оценка социальных гарантий по доходу, уровню материального обеспечения граждан может и должна осуществляться путем уточнения тенденции роста (падения) дохода, как на уровне законодательно закрепленных гарантий, так и на уровне организационных гарантий отдельным профессиональным группам. В рамках дополнительного анализа необходимо уточнение реальных изменений материального обеспечения различных категорий акторов, а также динамики изменения как биологических, так и социальных базовых потребностей личностей. По сути, гарантии дохода могут оцениваться по узкой системе показателей анализа практик достижения социально необходимого уровня дохода (законодательно закрепленные гарантии дохода, реальное получение дохода, социально-субъективные оценки количественных и качественных показатели дохода и материального обеспечения акторов). Может применяться и расширенная система показателей, характеризующих процессы изменения биологических и социальных базовых потребностей личностей, удовлетворение базовых потребностей в питании, одежде, жилье, физического восстановления и саморазвития трудового потенциала различных профессиональных групп населения.

2. *Социальные гарантии образования, доступа к получению начального, общего, специального образования.* Социальные гарантии доступа к образованию могут проявляться в двух формах: первая – законодательно закрепленные гарантии на получение того или иного вида образовательных услуг; вторая – реальное получение образовательных услуг, социально-субъективные оценки количественных и качественных показателей данных услуг. Гарантии доступа к образовательным услугам осуществляются в результате анализа практик наращивания знаний, профессиональных умений, навыков, а также способностей применять трудовой потенциал в деятельных практиках человека [4]. Внешне данные процессы проявляются в формализации образовательных услуг в виде получения человеком признаков роста образовательного потенциала, таких как получение дипломов, сертификатов, ученых званий и степеней [5, р. 42]. П. Бурдые отмечает, что реальная оценка гарантии доступа к образовательным услугам должна осуществляться по показателям формального получения образования тех или иных групп населения [6, р. 60]. Общая оценка гарантий доступа к образовательным услугам не может ограничиваться только анализом практик получаемой услуги (обеспечением социальных прав на образование). Она должна строиться еще и на исследовании тенденций развития образовательного трудового потенциала, оценки фактов развития ценностей, обновления образовательных и культурных предпочтений индивидов, населения в целом, а также отдельных социальных групп общества.

Таким образом, оценка социальных гарантий доступа к образовательным услугам может осуществляться как по узкой системе показателей (законодательно закрепленные гарантии на получение образовательных услуг, реальное получение образовательных услуг, социально-субъективные оценки количественных и качественных показателей данных услуг), так и по анализу расширенно-

го комплекса оценочных показателей, характеризующих процессы образовательного развития трудового потенциала различных профессиональных групп населения.

3. *Социальные гарантии на получение услуг здравоохранения, обеспечивающих условия восстановления, профилактики и саморазвития здоровья.* Данный комплекс социальных гарантий призван регулировать профилактические мероприятия, направленные не только на предотвращение заболеваний населения, но и на создание условий улучшения физического самочувствия человека, обеспечение благоприятных условий рождения и саморазвития детей. В связи с этим можно констатировать, что социальные гарантии сохранения и саморазвития здоровья являются основой формирования физических способностей в целом и физического трудового потенциала в частности. Государство, отдельные организационные структуры общества должны гарантировать возможность человеку восстанавливать и сохранять здоровье. Важно учесть, что представление о «здоровом» или «нездоровом» (больном) индивиде проявляется как определенный социальный стандарт, на который ориентируется действующая система социальных гарантий. Данный социальный стандарт, как и государственная система социальных гарантий на получение услуг здравоохранения, постоянно трансформируется и обновляется вместе с развитием общества, его культуры, трудового потенциала.

Социальный стандарт, гарантирующий возможность индивиду воспроизводить здоровье, строится на принципе ценности человека, общепринятом в социально-культурном пространстве общества [7, с. 14]. Здоровье человека определяется множеством факторов общественной жизни. Частные характеристики человеческой жизнедеятельности дают представление об отдельных сторонах здоровья населения [8]. В целом социальные гарантии воспроизводства здоровья проявляются в ряде системных показателей, которые характеризуются многомерностью и иерархичностью. Поэтому социальные гарантии, призванные обеспечить возможность воспроизводства здоровья, принято оценивать по уровню достижения конечных результатов. На индивидуальном уровне могут применяться следующие показатели: оценка отсутствия заболевания; оценка групп населения с хорошим состоянием здоровья; оптимальная приспособленность к окружающей среде; целостность здоровья (отсутствие повреждений); социальное благополучие [9]. Социальные гарантии на получение услуг здравоохранения имеют отличительные черты в рамках различных регионов общества, а также применительно к различным профессиональным группам населения, поэтому характеристики социальных гарантий «устойчиво и закономерно повторяются в регионах со сходными социально-экономическими условиями» [10, с. 63].

Таким образом, система социальных гарантий на получение услуг здравоохранения в абстрактной форме может оцениваться через исследование параметров ее конечной эффективности. В центре внимания должны быть прежде всего следующие показатели: 1) сокращение заболеваемости; 2) сокращение роста нетрудоспособности; 3) предотвращение роста инвалидности;

4) сокращение смертности. Данные характеристики должны объединяться на определенном (макро- или микро-) уровне и обобщаться в рамках единого показателя предотвращения роста «глобального бремени болезней», который может рассматриваться в абстрактном виде двойственно. С одной стороны, это показатель эффективности системы социальных гарантий на получение услуг здравоохранения и обеспечения базового права граждан на сохранение здоровья (законодательно закрепленные гарантии на получение услуг системы здравоохранения, реальное получение медицинских услуг, социально-субъективные оценки количественных и качественных показателей данных услуг), а с другой – показатель обеспечения воспроизводства физического трудового потенциала индивидов. В связи с этим важно уточнить периоды жизни, сопряженные с болезнями и вызывающие потери личности и общества (по причине временной или постоянной болезни и нетрудоспособности).

4. *Социальные гарантии на получение услуг институтов культуры, социального обслуживания населения.* Данный комплекс гарантий условно может быть разделен на две подсистемы: 1) гарантии услуг культуры, доступ к получению общественно значимого минимального уровня культурного обслуживания населения и 2) гарантии по обеспечению социального обслуживания населения, социальной защиты в области жилищно-коммунального хозяйства, обеспечения права на передвижение.

Данный комплекс социальных гарантий должен не только регулировать процессы предоставления услуг культуры, оптимизировать условия обеспечения социального обслуживания населения, но и совершенствовать развитие культурного капитала, создавать благоприятную среду жизнедеятельности человека в целом. Следовательно, социальные гарантии оказания услуг институтов культуры, социального обслуживания населения являются стержневой основой формирования культурного потенциала. Эффективность системы социальных гарантий на получение услуг институтов культуры, социального обслуживания населения принято оценивать по показателям поддержания общей системы жизнедеятельности человека, уровня социального развития населения в целом. Социокультурный комплекс системы социальных гарантий может рассматриваться в абстрактном виде двойственно: с одной стороны, через призму эффективности обеспечения базового права граждан на потребление услуг культуры, а с другой – как показатель обеспечения воспроизводства культурного трудового потенциала индивидов. Реализация функции данного комплекса социальных гарантий должна оцениваться не только на основе уточнения базовых социокультурных потребностей групп населения и обеспечения условий их удовлетворения, но и на основе выявления факторов, причин и характеристик групп населения, не способных самостоятельно оплачивать коммунальные и культурные услуги [11, с. 160].

Важно уточнить формы проявления социального эффекта от реализации данного комплекса социальных гарантий. Современные социологи доказывают, что проявление социального эффекта от реализации данного вида гаран-

тий может оцениваться в рамках широкого комплекса показателей, в частности через восстановление интеллектуальной культуры (интеллектуального потенциала), морально-нравственной культуры (морально-нравственного потенциала), символической культуры (символического потенциала), социальной культуры (социального потенциала) [12, с. 2]. Данную систему можно ограничить одним универсальным показателем оценки результативности социальных гарантий получения услуг институтов культуры: воспроизводство ценностных приоритетов групп населения, а также воспроизводством практик развития культурного трудового потенциала личности [13, р. 8]. Необходимо согласиться с М. Рокичем в том, что система оценки социальных гарантий в целом может быть сосредоточена на гарантируемых параметрах воспроизводства потенциальных деятельных способностей человека, групп людей, населения в целом.

Таким образом, социальные гарантии на получение услуг институтов культуры, социального обслуживания населения – это две взаимосвязанные и взаимозависимые системы. Первая характеризует гарантии доступа к получению общественно значимого минимального уровня культурного обслуживания населения. Она определяет уровень обеспечения социальных прав на удовлетворение культурных потребностей, а также практик развития культурного трудового потенциала индивидов, профессиональных групп, населения в целом. Вторая характеризует гарантии доступа к социальному обслуживанию населения, определяет обеспечение социальных прав на достойные условия жизнедеятельности, поддержку реализации услуг системы ЖКХ, возможность получения достойных жилищных условий и необходимых передвижений граждан.

Обобщая изложенное, можно констатировать, что оценка социальных гарантий населения базируется на анализе объективных процессов, конкретных практик реализации социальных гарантий обслуживания, а также на исследовании социально-субъективных суждений, количественно и качественно характеризующих процесс гарантий по получаемым услугам.

Оценка социальных гарантий в целом осуществляется в рамках рассмотрения законодательного предоставления социальных прав гражданам и отдельным профессиональным группам. Одновременно социальные гарантии оцениваются через анализ конкретных практик предоставления гарантий, достижение социальной эффективности данного процесса. В контексте выявления социальной эффективности гарантий важно уточнить характер и достижения восстановления, а также воспроизводства трудового потенциала трудоспособной части населения в целом или ее отдельных профессиональных групп. Реализация социальных гарантий предусматривает двойственный комплекс их оценки. С одной стороны, это социальная оценка, выявление уровня обеспечения социальных прав, таких как минимальный уровень дохода; минимальный набор образовательных, здравоохранительных, культурных, социальных услуг; социально значимый уровень возможностей восстановления, саморазвития, удовлетворения базовых потребностей. С другой стороны – это социально-эконо-

мическая оценка, выявление обеспечения минимально необходимого уровня восстановления и воспроизводства трудового потенциала определенной профессиональной группы населения.

Библиографический список

1. Шаронов А. Ильин И. Формирование системы государственных минимальных социальных стандартов // Экономист. 1999. № 1.
2. Тихонова Н.Е., Шкаратан О.И. Российская социальная политика: выбор без альтернативы? // Социологические исследования. 2001. № 3.
3. Еришов Д.О. Формы проявления социальных потребностей и способы их оценки // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 4 (43).
4. Вознесенская Е.Д., Черодниченко Г.А. Социальная мобильность и образовательные траектории молодежи со средним образованием // Образование и наука в процессе реформ: социологический анализ / ред.-сост. Д.П. Константиновский, Л.П. Веревкин. М., 2003. С. 55–81.
5. Bourdieu P. The Education System and the Economy: Titles and Jobs // French Sociology: Rupture and Renewal since 1968. N.Y., 1981.
6. Bourdieu P. The Forms of Capital. N.Y., 1986.
7. Баранов А.В. О социальной парадигме здоровья // Петербургская социология. 1997. № 1.
8. Быченко Ю.Г., Долгова Е.М., Шабанов В.Л. Система сельского здравоохранения как фактор развития демографических ресурсов сельского сообщества // Вестник Сарат. гос. социал.-эконом. ун-та. 2013. № 2. С. 122–126.
9. Быченко Ю.Г., Баландина Т.М. Экономическая социология. Саратов, 2013.
10. Корчагин В. Здоровье населения и здравоохранение России // Российский экономический журнал. 1995. № 4.
11. Барулина Е.В. Социальные стандарты как механизм реализации «концепции предложения» // Институциональные и социальные факторы экономического развития России: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., 15–16 февр. 2005 г. Саратов, 2005.
12. Быченко Ю.Г. Культурный капитал // Человеческие ресурсы. 2001. № 2.
13. Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y., 1973.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

A.V. Ryazanov, M.V. Demidova
Discursive and Recursive Models
of Symbolic Capital Management
in Socio-Economic Systems

The specifics of functioning of the modern socio-economic systems at the institutional and habitus levels are analyzed. The increasing manipulative potential of the society management organization is revealed. The article suggests discursive and recursive models of symbolic capital management as mutually complementary models.

Key words and word-combinations:
P. Bourdieu, symbolic capital, discourse, recursive management model, habitus, institution.

Проанализирована специфика функционирования современных социально-экономических систем на институциональном и габитусном уровнях. Выявлен увеличивающийся манипулятивный потенциал организации управления социумом. Предложены модели дискурсивного и рекурсивного управления символическим капиталом в качестве взаимодополняющих.

Ключевые слова и словосочетания:
П. Бурдьё, символический капитал, дискурс, рекурсивная модель управления, габитус, институция.

УДК 316.334.2
ББК 60.561.2

А.В. Рязанов,
М.В. Демидова

МОДЕЛИ ДИСКУРСИВНОГО И РЕКУРСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СИМВОЛИЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ В СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Современная социальная динамика основана на совершенствовании информационно-коммуникативных технологий, изменяющих социальное пространство, социальную стратификацию, принципы мобильности. Это в свою очередь ведет к поиску новых способов организации общества. Без учета такого феномена, как «символический капитал», понимаемого его автором П. Бурдьё как «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы, в той же мере, в какой сам производится ей» [1, с. 231], сегодня невозможна организация и управление социально-экономическими системами. Клиентелой П. Бурдьё назвал «социальные отношения зависимости» [2, с. 272], строящиеся на основе стратегии накопления до-

верия, чести, направляемые и регулируемые габитусом как образом жизни социальной группы. Чем большее доверие вызывают репутация и имидж субъектов социума как главные способы не только материального производства, но и шоу-бизнеса и производства услуг в целом, тем большими будут «выгоды не только экономические, но и политические, культурные и другие» [3, с. 122]. Спонсорство, франшиза как техники управления имиджем организации – привычные явления современности, в которой экономические процессы отличаются преобладанием и оценкой их символично-капиталистической составляющей, а не только материальным производством.

Сегодня вопросы управления символическим капиталом в социально-экономических системах остаются малоизученными, что чревато социальными, экономическими, организационными и другими рисками. В целях их профилактики, минимизации и локализации, а также для повышения эффективности управления требуется разработка новых возможных методологических подходов и моделей управления символическим капиталом. Для достижения этой цели проясним особенности современных социально-экономических систем.

Специфика современного социального взаимодействия состоит в том, что оно строится исходя из «опыта, зафиксированного в знании, содержащем оценки воспринимаемых единиц социума; на основании этих оценок делаются выводы о количестве и качестве символического капитала» [4, с. 92]. В социальной стратификации такого общества выделяются «два базовых класса: *символические капиталисты* (те, кто уже имеет символический капитал) и *символические рабочие* (те, кто его только начинает зарабатывать)» [5, с. 77]. Богатство символических капиталистов не обязательно измеряется в денежном эквиваленте, а «в первую очередь наличием у них символического капитала как кредита доверия и спецификой его реализации» [6, с. 18].

Ключевым понятием для понимания специфики символического капитала является понятие «доверие» как «установка личности на то, чтобы поручить себя кому-то или признать что-то без процедуры убеждения, например, доказательства. ...Это особый вид подчинения – подчинение авторитету» [7, с. 5]. В философском смысле доверие может быть нереплексивным и рефлексивным. Рефлексия выступает в качестве деятельности самопознания, она есть осознание окружающего мира. Основной сферой функционирования *рефлексивной формы символического капитала* является институциональный уровень социума, где в качестве главного регулятора социального взаимодействия выступают формальные нормы, зафиксированные в правовой системе. По определению П. Бурдьё, «институция, понимаемая как то, что уже институировано, эксплицировано, производит одновременно эффект содействия и подтверждения законности и в то же время – ограничения и лишения прав» [2, с. 182]. *Нереплексивная форма символического капитала* является «социальной стратегией на уровне габитуса, где главным условием отношений выступают ценности, выраженные в традициях, обычаях, ритуалах в качестве нереплексивных индивидуальных и коллективных

социальных практик» [8, с. 91]. «Принципом функционирования габитуса выступает *наличие социального доверия*, а принципом функционирования институции – *наличие контроля*, то есть *принцип социального недоверия*» [4, с. 94].

С этих позиций очевидна эпистемологическая специфика современных социальных отношений; она напрямую связана с социальным познанием, в котором определяющее значение имеет символический капитал как стратегия накопления кредита доверия в процессе социального взаимодействия. В качестве коммуникативного посредника между членами социума выступает язык, позволяющий реализовывать стратегию символического капитала, а также выполнять функции социализации, трансляции знаний и человеческого опыта в целом, в связи с чем сферой действия символического капитала выступает информационное социальное пространство. Следовательно, модели управления символическим капиталом полностью или аспектно будут иметь информационные характеристики.

В современной философии управления понятие «управление» интерпретируется как «преобразующая и направляющая деятельность, осуществляемая субъектом по отношению к объекту управления, обеспечивающая достижение поставленной цели» [9, с. 60]. Следовательно, основными структурообразующими элементами процесса управления являются «объект, субъект, цели, средства, результаты, условия» [9] и контекст. Исходя из приведенных рассуждений, М.В. Демидова ранее схематично предложила три типа моделей управления символическим капиталом: габитусные, институциональные и смешанную [4]. Такая типология моделей основана на принципах функционирования двух уровней социума – габитуса и институции. Главным отличием габитусных моделей управления символическим капиталом выступает их неинституциональное воспроизводство. В рамках данной работы обратимся к более подробному объяснению функционирования двух моделей, входящих в число габитусных, – *дискурсивной и рекурсивной*.

Модель дискурсивного управления символическим капиталом. Проблема дискурсивного управления в настоящее время составляет предмет интереса многих гуманитарных наук, поэтому сложились разные подходы к определению понятия «дискурс». Применительно к нашему случаю в рамках коммуникативного подхода данное понятие может быть определено как «запечатленный в вербальных и невербальных знаках процесс взаимодействия людей» [10, с. 13]. При таком подходе хорошо видна связь между речью и последующим взаимодействием людей.

По мнению О.Л. Михалевой, «дискурс – это одновременно и процесс и результат (в виде сложившихся способов, правил и логики обсуждения чего-либо)... Дискурс рассматривается как отложившийся и закрепившийся в языке способ упорядочения действительности, способ видения мира, реализуемый в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но проектирующий и сотворяющий его» [11, с. 21]. Классические социальные конструктивисты П. Бергер и Т. Лукман

подтверждают эту точку зрения, отмечая, что язык «реализует мир в двойном смысле слова, он его постигает, и он его производит» [12, с. 104]. По аналогии с понятием «социальное конструирование» С.Н. Плотникова вводит понятие «дискурсивное конструирование», «базирующееся на положении о том, что в процессе конструирования мир создается говорящим или пишущим как «мир-со-мной...» [13]. Таким образом, дискурс связывает язык с социальной деятельностью, которая не может быть реализована без предварительного ее «проговора» в виде определенного дискурса или их взаимодействия.

На первых этапах существования человека, в рамках первобытных коллективов, дискурс организовывал людей, заставлял их мыслить и действовать в соответствии с ним. Связанная с ним «понятийная сетка» ориентировала людей в физическом и социальном пространстве, задавала цели и тем самым оказывала существенное влияние на жизнь человека и коллектива. По мере накопления изменений в обществе дискурсы дробились, некоторые из них становились более развитыми, совершенствовались. В их рамках фиксировалось усложнение социальной организации общества и формировались модели будущего развития. Если говорить о современности, то дискурс создает определенный настрой, способствует агрегации интересов и консолидации социальных групп через формирование особого языка понимания и описания происходящего и через обоснование места группы в структуре того или иного социума.

Функционирование символического капитала как культурного феномена можно проследить с древнейших времен, со времен становления человека современного вида. В ранний период символический капитал складывался стихийно, никто специально не работал над его созданием. Он помогал выживать социуму, так как связывал его членов кругами доверия и взаимных обязательств. Поскольку владение им давало индивидам определенные преимущества, то постепенно возникло осознание необходимости сознательного его конструирования. Одним из возможных средств такого конструирования является распространение или фабрикация доверия как необходимого элемента его функционирования с помощью развития и продвижения того или иного дискурса. Именно дискурс выступал тем средством, которое позволяло оказывать на соплеменников убеждающее (иногда суггестивное) воздействие и вызывать доверие. Особенно эффективно это получалось в случае с магами, шаманами, деятелями культа. Владение разными дискурсами и соответствующими социальными практиками повышало адаптивность индивида. Сама принадлежность к группе может быть связана с использованием определенного дискурса, служащего в таком случае своеобразным паролем, помогающим отличать своих от чужих. И в истории, и в современности дискурс нацелен на осуществление социального контроля в рамках определенного коллектива, участвуя в распределении и перераспределении власти и являясь средством легитимации социального порядка.

Дискурс зависит от многих факторов-обстоятельств и сам оказывает обратное воздействие на эти факторы. Он задает «возможность его формирования и

последующего развития, и одновременно дискурс создает определенный настрой, способствует агрегации интересов и консолидации социальных групп через формирование особого языка для описания происходящего и через обоснование места группы в структуре того или иного социума» [14]. Появление или развитие новых дискурсов переконфигурирует дискурсивное пространство, что через какое-то время может вызвать изменения в пространстве социальном.

Как модель управления, дискурсивная модель представляется наиболее распространенным и эффективным способом воздействия на управляемых, так как коммуникация подразумевает обмен сообщениями, а без этого невозможно ни одно коллективное действие. Дискурсивное управление может быть нацеленным на реципиента как на конечную цель либо как на средство для достижения какой-либо цели. В последнем случае управление будет манипулятивным.

Дискурсивное управление символическим капиталом подразумевает целенаправленное влияние на сознание и восприятие потенциальных управляемых, потенциальных потому, что они об этом могут не догадываться. В условиях распространения технологий такого влияния, символический капитал может достаточно долго симулироваться, искусственно накапливаться, отодвигая носителей реального символического капитала от должного положения в обществе, шире – от власти.

С распространением современных средств массовой коммуникации, появлением новых гуманитарных технологий опасность перехода к манипулятивным технологиям управления становится весьма вероятной. В результате происходит систематическое нарушение эквивалентности информационного (дискурсивного) и реального пространств. Ранее устоявшиеся индивидуальные и коллективные габитусы начинают быть подвижными и видоизменяются [1, с. 105]. Симулятивный символический капитал представляет собой не что иное, как обманку, которая помогает индивиду пользоваться незаслуженным символическим капиталом ради достижения тех или иных целей.

Таким образом, дискурсивное управление в социальной сфере означает, что «действия порождаются сознанием и воспроизводятся социальными структурами. Новое интеллектуальное поле дает начало социальным изменениям, которые в свою очередь ведут к изменениям в экономической, политической и других системах» [4, с. 95]. Можно выделить два вида дискурса: 1) институциональный, апеллирующий к формальным общесоциальным нормам, выраженным в правовой системе, и 2) габитусный, отличающийся ориентацией на достижение личных целей, обусловленных соответствующими ценностями, и имеющий большой манипулятивный потенциал. Так как социум – это совокупность индивидов, то их личные интересы могут реализовываться и на институциональном уровне, а поэтому дискурсивное манипулирование нацелено, как правило, на конструирование доверия, осуществляемого и с помощью институционального дискурса, и с помощью габитусного. *Такое управление тем успешнее, чем большее доверие вызывает дискурс.*

Модель рекурсивного управления символическим капиталом. Данная модель управления символическим капиталом более эффективна. Она обратна дискурсивной, поскольку при таком управлении не действия порождаются сознанием, а, наоборот, мышление и поведение возможны благодаря воспроизводству условий их осуществления, то есть благодаря фактической деятельности индивидов. Это уменьшает вероятность социального манипулирования.

Понятие «рекурсия» (от лат. *recursio* – возвращение) будем использовать в значении, предложенном современным английским социологом А. Гидденсом. Он заимствовал его из математики и впервые применил в качестве методологического принципа к исследованию социальных процессов. Причина такого заимствования – функциональное понимание сути математических и социальных действий что, в свою очередь, связано, на наш взгляд, с попыткой объяснения А. Гидденсом социальных действий в качестве фактов [15], что ранее предпринималось также социологом Э. Дюркгеймом. Нельзя исключить большую вероятность влияния на А. Гидденса и идей Э. Кассирера (их современника), который отводил понятию «функция» ключевую роль в понимании деятельности индивидов; он отождествил понятия «знак» и «символ», сведя их к функции, то есть к пониманию в качестве мыслительных посредников, «конструирующих предметы через отношения» [16, с. 89]. Считаем, что понятие «функция» (от лат. *functio* – исполнение, осуществление), по сути, обозначает процесс. Она может быть либо идеальной, либо физической; либо фиктивной, либо фактической. Данные характеристики функции зависят от контекста ее применения.

«Рекурсивный принцип – это принцип самовоспроизведения и одновременного усложнения системы» [17, с. 23]. Понимание движения рекурсивности в социальных системах позволяет понять процессы смыслообразования социальных действий, то есть фактов. В современной науке понятие «факт» имеет несколько значений: «1) объективное событие, результат, относящийся к объективной деятельности (факт действительности) либо к сфере знания и познания (факт сознания); 2) знание о каком-либо событии, явлении, достоверность которого доказана (истинна); 3) предложение, фиксирующее знание, полученное в ходе наблюдений и экспериментов» [18, с. 122–123]. Но, несмотря на справедливость данной классификации, любые «факты всегда даны в свете теоретических понятий, которые преобразуют экспериментальные данные в неиндуктивные символические конструкции» [19, с. 159]. Поэтому ключевым принципом управления с помощью рекурсии как самовоспроизведения реальности социальной системы является соответствие знания о факте наличию самого факта, удостоверяющего в своей реалистичности. Механизмом, на наш взгляд позволяющим достичь подобного доказательства, является фактофиксация.

Исторически фактофиксация представлена в виде документа, снабженного для доказательства своей подлинности обязательными маркерами: подписью, печатью, оттисками предметов на бумаге или другом материальном носителе, а

также прочими знаковыми способами доказательства причастности участников к социальному факту. Сегодня под официальным документом понимается «информация, зафиксированная на материальном носителе, с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать» [20]. Документированная информация, «помимо общих функций, таких как информационная, коммуникативная и социальная, реализует правовую функцию» [21, с. 46]. Поэтому существуют еще и неофициальные документы, в качестве которых, например, для юридической науки и практики выступают любые результаты фактофиксации вне зависимости от наличия или отсутствия реквизитов, позволяющих идентифицировать документ: записки, предметы и прочее. С этих позиций очевидно разделение социальных фактов на официальные и неофициальные, то есть зафиксированные в официальном или неофициальном документе как источнике информации. Официальная информация, согласно законодательству Российской Федерации, трактуется как «информация (в том числе документированная), созданная в пределах своих полномочий государственными органами, органами местного самоуправления... либо поступившая в указанные органы» [22].

В контексте нашего исследования официальная информация воплощается в институции. По определению П. Бурдьё, «институция, понимаемая как то, что уже институировано, эксплицировано, производит одновременно эффект действия и подтверждения законности и в то же время – ограничения и лишения прав» [2, с. 182]. Например, факт заключения брака как социального института фиксируется в официальном документе «Свидетельство о браке», факт рождения ребенка – в «Свидетельстве о рождении», достижение ребенком взросления на определенном этапе фиксируется получением паспорта. Придание социальным единицам того или иного документально зафиксированного статуса означает закрепление за гражданином определенных социальных норм и обязанностей. Институализация социальных фактов позволяет регулировать их посредством социальных норм, выраженных в праве и других институциональных регуляторах. Отсутствие документа, фиксирующего социальный факт, в рамках такой системы может свидетельствовать и об отсутствии факта, а соответственно, о невозможности его институционального регулирования.

Данные рассуждения показывают взаимосвязь моделей дискурсивного и рекурсивного управления. Это обусловлено тем, что главная функция документа – информирование о факте. Оно осуществляется в знаково-символической форме. Придание социальной значимости информации осуществляется людьми, ее воспринимающими и взаимодействующими и на институциональном, и на габитусном уровнях общества. Поэтому социальная информация может быть рефлексивной и нерефлексивной. Более того, она может фиксироваться рефлексивно и нерефлексивно.

Нерефлексивная фактофиксация осуществляется посредством личного участия человека в процессе фактофиксации и отличается в большей степени субъективной оценкой социальных фактов. В связи с этим она обладает манипулятивным потенциалом: распространением слухов о событии или даже его придумыв-

ванием, намеренным или ненамеренным субъективным искажением информации о факте для достижения определенной цели.

Рефлексивная фактофиксация максимально объективна в том случае, если осуществляется безлично (например, компьютерными программами), поэтому не содержит субъективных оценок, мнений. Безличная фактофиксация в большей степени обеспечивает подлинность представляемой информации. Для обеспечения максимальной подлинности представления информации дополнительно рекомендуем усилить контроль за процессами обеспечения безличной фактофиксации; он будет более объективным, если использовать безличные средства контроля, а лучше – их сети. Такая система минимизирует возможности осуществления коррупционных действий, дезинформации, манипуляций информацией и, соответственно, повысит уровень доверия к владельцу информации.

Таким образом, в отличие от модели дискурсивного управления символическим капиталом, чреватой неоднозначностью понимания интерпретируемых событий по причине пренебрежения опорой на факты и доказательства реальности событий, явлений и процессов, модель рекурсивного управления символическим капиталом в первую очередь основана на социальной реальности. Главный инструмент реализации такой модели – фактофиксация, представленная в виде документирования явлений, событий, процессов. Применение данной модели управления символическим капиталом в социально-экономических системах позволяет повысить эффективность управления, нивелировав риски социальной симуляции, манипулирования информацией посредством повышения уровня доверия к организации управления социально-экономическими процессами.

Проведенное исследование выявило увеличивающийся манипулятивный потенциал организации современных социально-экономических процессов. Его причина – слабый контроль, обусловленный недостаточной опорой на фактические аспекты организации социально-экономических процессов. Применение новых моделей управления символическим капиталом – дискурсивной и рекурсивной – может способствовать повышению эффективности управления.

Сама по себе модель дискурсивного управления символическим капиталом квалифицирована как габитусная, так как ее воспроизводство обеспечивается посредством личного участия человека в процессе институализации и отличается в большей степени субъективной оценкой социальных фактов, обусловленной габитусными ценностями. Но она также может осуществляться и на институциональном уровне функционирования социума в том случае, если дополняется моделью рекурсивного управления, строящейся на принципе безличного, а поэтому более объективного фактического обоснования дискурса. Модель рекурсивного управления символическим капиталом в чистом виде пока не получила широкого развития на институциональном уровне социума. Осуществляются лишь некоторые попытки, например разработка системы электронного документооборота, максимально соотношенного с реальными социальными процессами. Сегодня она чаще применяется на уровне габитуса. Модели дискурсивного и рекурсивного управления символическим капиталом взаимо-

дополняют друг друга. Приоритет в управлении принадлежит все же модели рекурсивного управления, уменьшающей возможности манипулирования информацией и социального симулирования посредством соотнесения с реальностью, что способствует повышению уровня доверия к организации управления социально-экономическими процессами и воспроизводству социальной системы.

Библиографический список

1. Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.
2. Бурдьё П. Социология социального пространства. М., 2007.
3. Демидова М.В. Единицы измерения и ликвидность символического капитала: социально-философский подход // Вестник ПАГС. 2014. № 2 (41). С. 117–124.
4. Демидова М.В. Модели управления символическим капиталом // Вестник ПАГС. 2015. № 1 (46). С. 91–98.
5. Демидова М.В. Социальная стратификация в условиях символического капитализма: социально-философский подход // Известия Томского политех. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные технологии. 2014. Т. 325, № 6. С. 75–80.
6. Демидова М.В. Социально-философские аспекты управления символическим капиталом // Инновации в науке: мат-лы XVI междунар. заоч. науч.-практ. конф. Ч. 2. Новосибирск, 2013. С. 15–25.
7. Невважай И.Д. Знание, вера, доверие и научное образование // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2010. № 3. С. 3–6.
8. Демидова М.В. Социальные риски в условиях символического капитализма: философия и методология исследования // Вестник ПАГС. 2014. № 5 (44). С. 87–92.
9. Диев В.С. Философия управления: область исследований и учебная дисциплина // Вестник Томского гос. ун-та. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2012. № 2 (18). С. 59–66.
10. Седов К.Ф. Дискурс как суггестия: иррациональное воздействие в межличностном общении. М., 2011.
11. Михалева О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.
13. Плотникова С.Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия ВГПУ. 2014. № 5. С. 41–46.
14. Рязанов А.В., Фролова С.М. Дискурс и повседневность // Власть. 2014. № 6. С. 63–68.
15. Giddens A. The Constitution of Society: The Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984.
16. Демидова М.В. Теория человека Э. Кассирера // Власть. 2007. № 1. С. 88–91.
17. Зайченко М.А. К проблеме присутствия рекурсивного принципа в феноменах-конструктах философии // Вестник Вятского гос. гум. ун-та. 2010. Т. 4, № 4. С. 23–26.
18. Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д, 1999.
19. Мартынович С.Ф. Структура научного знания // Темы философии науки. Саратов, 2010. С. 153–169.
20. ГОСТ 51141–98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (утв. постановлением Госстандарта РФ от 27 февр. 1998 г. № 28). М., 1998.
21. Ермолаева А.В. Документирование деятельности органов государственной власти (традиционные и современные технологии) // Власть. 2010. № 1. С. 46–49.
22. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федер. закон от 9 февр. 2009 г. № 8-ФЗ (в ред. от 11 июля 2011 г. № 200-ФЗ) // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776; 2011. № 29. Ст. 4291).

E.A. Pilipenko
Political Time:
Nontrivial Ontology,
Nonlinearity, Chaos

The ontological significance of political time is defined. It is shown, that political time is anthropic, intersubjective, having specific ontological features, not the universal ones. It is claimed, that political time has a number of features, which distinguish it from other types of time.

Key words and word-combinations: political time, nonlinearity, chaos.

Определяется онтологическая значимость политического времени. Показано, что политическое время – это антропное, интерсубъективное время, обладающее специфическими, а не универсальными онтологическими свойствами. Утверждается, что политическое время имеет ряд особенностей, которые существенно отличают его от других видов времени.

Ключевые слова и словосочетания: политическое время, нелинейность, хаос.

УДК 321.01
ББК 66.01

Е.А. Пилипенко

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ: НЕТРИВИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ, НЕЛИНЕЙНОСТЬ, ХАОС

Познание времени представляет собой одну из фундаментальных философских проблем, а развитие цивилизации в немалой степени происходило благодаря обретению человечеством идеи времени. Философское осмысление времени имеет долгую историю, в результате которой возникли множественные, иногда противоречащие друг другу концепции времени: время объявлялось и природным феноменом с разными свойствами, и атрибутом человеческого сознания, и способом переживания человеком мира. Однако сегодня не вызывает сомнения тот факт, что существуют онтологически разные времена: мировое время, характеристики которого определяются фундаментальными физическими законами, и многочисленные антропные, «человекомерные» времена, существование и свойства которых связаны с проживающими их субъектами или человеческими сообществами [1]. Среди последних принято выделять историческое, социальное, культурное, экономическое, психологическое, личное, экзистенциальное время. Можно говорить также об объективном (мировом, физическом) времени, субъективных (психологических, личностных, экзистенциальных) и интерсубъективных (историческом, социальном, культурном и т.д.) временах [1].

Всякое антропное время не является внешней формой по отношению к происходящим в обществе процессам, оно создается, творится самими этими процессами и практи-

кующими людьми и выражает соответствующие свойства социальных взаимодействий. На каждом этапе истории и развития культуры антропные времена раскрываются особенно, приобретая новые специфические свойства. И хотя всякое общественное время является объективной формой социального бытия, но его «наполнение», восприятие и оценка носят интерсубъективный характер и детерминируются социальным субъектом. В свою очередь, всякое антропное время выступает и субъектом воздействия на социальные, исторические, культурные, экономические отношения, становится активным фактором социальных процессов, так что можно говорить об определенной обратной связи между временем и социальными практиками. Качественная специфика различных цивилизаций, культур, обществ, стран, социальных групп, их уникальность и неповторимость порождают исторические особенности человекомерных времен. Эта специфика делает историческое, культурное, социальное времена неоднородными, их неравнозначность для общественного развития зависит от смысловой и ценностной наполненности происходящего в ту или иную эпоху.

С точки зрения влияния на общественное развитие значительный интерес вызывает политическое время, обладающее, на наш взгляд, особыми онтологическими свойствами и играющее важную роль в социальной деятельности. В самом деле, политическое время в большей степени, чем многие другие человекомерные времена, характеризуется повседневными практиками, определяется политическими процессами и событиями, которые наполняют жизнь человека и общества в определенный момент его развития. Это интерсубъективное время, создаваемое человеческими сообществами, коллективным социальным субъектом, но в отличие от других интерсубъективных времен оно в большей степени определяется волей и замыслами политических лидеров и политических элит, имеет ярко выраженное ценностное содержание. Цель данной работы – выявить основные онтологические свойства политического времени: выяснить возможный характер его изменений, исследовать его масштабы, установить его отличия от других антропных времен.

Политическое время изменчиво, динамично, может иметь разные длительности, темпы, ритмы. Суть политического времени определяется прежде всего последовательностью и длительностью взаимодействия объектов и субъектов политических процессов [2]. В зависимости от того, какие это процессы и события, оно может обладать разными скоростями протекания, ускоряясь и замедляясь («медленные» и «быстрые» политические времена). «Быстрые» политические времена соответствуют радикальным политическим трансформациям, революционным этапам общественного развития, политическим кризисам, метаморфозам социальных ценностей. «Медленные» политические времена – это в периоды политической стабильности, государственного застоя, даже стагнации. Можно говорить и о различных масштабах политического времени: существует общемировое политическое время, задающее универсальный тренд развития цивилизации, а также политические времена отдельных стран и регионов. Неоднозначен и характер динамики политического времени: оно может

двигаться скачкообразно или протекать равномерно, плавно. Все это позволяет говорить о «многомерности» политического времени, о сложности и многообразии его восприятия, о невозможности однозначной оценки в рамках какой-либо единой шкалы.

Анализируя связь политического времени с другими антропными временами, можно говорить о том, что настоящее в нем более значимо, чем, например, в историческом или экономическом времени. В самом деле, политические процессы представляются более мобильными, динамичными, кратковременными, чем исторические, их изменения, повороты чаще определяются конкретными ситуациями и событиями. Политическое время событийно, нередко его дальнейший ход задается единственным событием, которое мгновенно его изменяет. Но политическое время зависит и от прошлого и в полной мере определяет будущее, задает перспективы и тренды общественного развития. Политическое время характеризуется и значительной степенью собственного осознания и переживания его человеком или социальным сообществом. Если социальное, экономическое, историческое время определяется объективными факторами (развитием экономики, состоянием права, исторической ситуацией), то политическое время во многом задается ментальными конструктами: ценностями, идеалами, идейными установками творящих его субъектов.

Уместно, на наш взгляд, вспомнить древнегреческое деление времени на «хронос», формальное время, и «кайрос», подлинное время, исполненное содержанием и смыслом. Политическое время – это «кайрос», которое символизирует эпохальные моменты истории [3]. Дух этого времени можно почувствовать во многих общественных событиях: на митингах, манифестациях, политических собраниях, партийных съездах. При этом важно помнить, что политическое время нельзя формально декларировать, демонстрировать, искусственно созидать и навязать, оно свободно, подлинно, уникально.

Если подробнее исследовать характер динамики политического времени, то можно говорить о его цикличности либо линейности. Различия между циклическим и линейным типами времени хорошо известны и в полной мере проявляются в политическом времени. Циклическое время «вращается по кругу», повторяется и считается характерным для цивилизаций Востока с их плавным движением вперед, с неизменным сохранением традиций, укладов и устоев, с перманентным возвратом к прошлому. Линейное время соответствует быстрому росту, накоплению прогрессивных показателей в экономике, политике, социальной сфере, стремительному развитию производства и технологий, оно характерно для западной цивилизации, формирующей его благодаря «инструментальному» отношению к миру. Однако в случае политического времени его цикличность допускает и совершенно иную интерпретацию, и тогда циклическое политическое время представляется временем революционных трансформаций, драматических политических взлетов и падений, выступает в роли маятника политических часов, отсчитывающих резкие, не всегда прогрессивные изменения. В этом смысле Россия –

страна циклического политического времени, предполагающего постоянные смены политических курсов и непременные возвраты к прошлым состояниям, идеалам, ценностям.

Отметим следующий важный факт. Непрерывная эволюция, постоянный рост социальных показателей, сопровождающие всякое линейное время, неизбежно приводят к накоплению социальной, экономической, культурной «усталости». Значимым примером подобной усталости являются экономические, культурные, экологический кризисы, когда ресурсы общества или природы исчерпываются, а цивилизация не выдерживает набранных темпов развития. Еще одним негативным следствием линейного протекания времени является моральная усталость, когда благодаря огромным социальным скоростям нивелируются традиционные идеалы, эталоны жизни. Как результат, наступает декаданс, а вера в прогресс кажется иллюзией настоящего и утопией будущего.

Важным представляется также следующее: *линейность* способна придавать «ускорение» и политическому времени. Тогда политическое время начинает нестись вперед, постоянно рождая политические новшества, множа политические феномены. Результатом этого становится политическая усталость и, как следствие этого, обесценивание политических идеалов, умаление ценностей и свобод.

Если продолжать анализ возможного характера изменений политического времени, то следует вспомнить, что во второй половине XX в. постнеклассическая наука обнаружила, что большинство природных процессов являются нелинейными, а линейные процессы в природном мире аномальны из-за своей разрушительности, бесполезны природным объектам. Чуть позже эти результаты были транслированы и на социальные системы, стало ясно, что многие социальные, экономические, культурные, политические системы являются в принципе нелинейными. Это означает, что любые волюнтаристские попытки «ускориться» или совершить утопический «скачок» являются губительными, разрушительными для общественного развития, что не раз подтверждала и история, особенно в XX в.

Подобные представления позволяют отказаться от рассмотрения темпоральной линейности как необходимой и единственно полезной для социального развития. Анализ же разнообразных циклов и ритмов истории с очевидностью подкрепляет представления о колебательном, циклическом, волновом характере исторического и социального времени [4]. Время при таком рассмотрении прекращает восприниматься только как фактор, инициирующий и демонстрирующий общественный прогресс, становится особым, специфическим, содержательным, играет различные роли в общественной динамике, которая больше не оценивается как однозначно прогрессивная. Напомним, что нелинейность связана с пониманием особенности, уникальности и необходимости любых режимов развития, феноменов, событий, а это значит, что можно и следует говорить об особых антропных временах, о временах со специфическими свойствами, о временах, содержание которых задается конкретными

историческими, культурными, экономическими, политическими условиями. Тогда имеет смысл ввести представление о нелинейном политическом времени. Нелинейное политическое время – весьма эвристичный концепт, позволяющий описывать многочисленные и быстрые политические изменения, политические взлеты и падения, политические повороты, метаморфозы и кризисы, столь характерные для Новейшего времени. Это время, в котором сочетаются, чередуются этапы линейного роста с поворотами вспять, время сложного общественного развития. Двадцатый век в политике, особенно в российской, убедительно продемонстрировал именно такую политическую динамику, вот почему современное политическое время, на наш взгляд, является сугубо нелинейным.

В рамках постнеклассической парадигмы можно говорить не только о нелинейном социуме, но и о социальном детерминированном хаосе [5]. Сегодня известно, что детерминированный хаос в социуме возникает на определенном уровне общественного развития, когда социальная, экономическая, политическая системы достигают значительной сложности: это неизбежный и закономерный этап общественного развития, характеризующийся сложным сочетанием строго детерминированного социального порядка и многочисленных хаотических свобод и возможностей. Одним из важнейших проявлений социального хаоса являются экономические, политические культурные кризисы и всевозможные социальные бифуркации, которые в современной науке оцениваются как закономерные, неизбежные и даже полезные феномены, дающие новые возможности и открывающие новые направления развития социальных систем. Поскольку детерминированные хаотические процессы характеризуются принципиальной непериодичностью, неповторяемостью своих характеристик, при их описании нельзя говорить о линейности или цикличности различных антропных времен. На наш взгляд, для описания хаотических социальных процессов имеет смысл ввести представление и о хаотических социальных временах, в том числе о хаотическом политическом времени. Полагая подобную идею продуктивной, мы оставим разработку концепта хаотического политического времени на будущее, здесь же скажем лишь то, что временной хаос может характеризовать такие политические феномены, как революции, перевороты, политические кризисы, непредсказуемую смену власти, внезапные повороты политического курса, войны, межнациональные конфликты и прочее.

В контексте проводимого исследования имеет смысл рассмотреть взаимовлияние политического и социального времени [6]. Это разные времена, и одни и те же события общественной жизни могут по-разному в них проявляться. Социальное время отражает ритмы совокупных коллективных действий каждой цивилизации, политическое время – ритмы именно политической жизни. Разумеется, социальное время гораздо более разнообразно, и политическое время является только одной из его составляющих: социальное время определяется деятельностью всех общественных слоев и групп, социальными, экономическими, культурными факторами; политическое время, как отмечено ранее, пре-

имущественно зависит от социальной группы, господствующей на политической арене. И, как и полагается в сложных системах, социальное время как целое может по-разному взаимодействовать с политическим как его частью. Нередко возникают ситуации, когда ритмы социального и политического времени совпадают – наступают социально-политические «резонансы» и, как следствие этого, небывалый подъем человеческого развития. Но возможны и обратные ситуации: ритм социального времени не совпадает с ритмом политического времени, они не резонируют, а противодействуют, существуют в противофазе, «гасят» друг друга. Так происходит всякий раз, когда темпы политического времени опережают темпы социального времени, когда политические события не поддерживаются экономическими, культурными, правовыми изменениями. На наш взгляд, именно подобная ситуация сложилась в нынешней России, в которой многие политические процессы не подкреплены реальными экономическими и социальными условиями. Значит, политическим элитам, которые задают темпы и характер изменений политического времени, следует учитывать социальные и экономические реалии. Поэтому вопрос о взаимовлиянии социального и политического времени сводится к вопросу о том, насколько политические процессы детерминированы социальным основанием.

Как уже отмечалось, политическое время – это во многом время настоящего. Но превалирование значимости настоящего – это уход от действительной природы времени, уход от реальности, в которой существует прошлое и предполагается будущее. Нарастание тенденции жить только настоящим чрезвычайно опасно и связано с потерей сакральной идеи бессмертия, которая изначально выводилась из представлений о вечности, атемпоральности, конституируемых традиционными культурами. Конечно, политическая современность далека от этих традиционных представлений, но деятельность только ради и во благо настоящего чревата окончательной десакрализацией, утратой ценностей, нивелированием культурных смыслов и кодов. Политика, которая ориентирована только на сиюминутное, политическое время, не имеющее тренда в будущее и не выходящее из прошлого, обречена на исчезновение. Вот почему политическое время должно создаваться как долгосрочное время, совпадающее с ритмами национальной культуры и учитывающее национальные корни и традиции.

Однако существуют неустранимые социальные законы, которые не могут не влиять на ход любого антропного времени, в том числе и политического. Вся человеческая история в целом проходит под знаком ускорения, каждый следующий период, каждый следующий шаг делается человечеством все быстрее и быстрее. Ускоряются и человекомерные времена – личное, социальное, экономическое. Ускорение всякого антропного времени убыстряет процессы в той или иной социальной сфере, и это влечет за собой увеличение скорости процессов во всех смежных областях. Скорость приводит к эффекту конвейера и упрощения, и это действует на человека подавляюще, он теряется в многочисленных и быстрых социальных процессах, становится не уверенным в своих

действиях, оказывается в стрессовой ситуации. Ускорение времени заставляет социальные события очень быстро «мелькать», создавая иллюзию целостности, в то время как действительность оказывается фрагментарной, мозаичной, клиповой. Ускорение времени приводит и к боязни будущего: человек опасается не успеть за быстрым ходом времени, начинает бояться слишком динамичной реальности и в итоге останавливается. Ускорение времени, с одновременной потерей его осязаемости, разрушает его традиционные модусы, оставляет только настоящее. Политическое время, одно из самых быстрых времен, всецело способствует подобному положению дел: именно быстрые политические изменения приводят к человеческой неуверенности, а в итоге – и к социальной неустроенности.

Но современный нелинейный социум чрезвычайно разнообразен, в нем существуют и разные по темпам и ритмам политические времена, как быстрые, так и медленные. Уже отмечалось, что скорость политического времени в первую очередь определяется скоростью политических процессов. Современные же политические процессы могут не только ускорять политическое время, но и замедлять его. Действительно, в современном мире очевиден разрыв между странами, которые обладают ускоренными темпами развития, в том числе политического, и медленно развивающимися или даже находящимися в состоянии застоя странами. К последним с большим основанием можно отнести, например, Северную Корею, темпы социального и политического развития которой представляются настолько низкими, что можно говорить даже о том, что политическое время в ней остановилось. Вообще медленное течение политического оказывается характерным для стран с традиционной культурой. Конечно, существование современного глобального социума не может не предполагать внешних воздействий: быстрое течение политического времени в развитых странах влияет на политическое время отсталых, постепенно убыстряет его. Однако, как и полагается в сложном нелинейном социуме, связь уровня общественного развития и течения различных социальных времен оказывается неоднозначной. Так, нельзя утверждать, что в развитых странах течение политического времени всегда ускоренное; достаточно вспомнить, например, страны Западной Европы, в которых высокий уровень экономического развития не сопровождается слишком быстрым течением политического времени. Изложенное позволяет ввести представление о дисперсии политического времени – его распределении по темпам в зависимости от уровня социального и экономического развития различных стран и регионов. Кроме того, можно говорить о глобальном политическом времени – быстром времени, определяющем развитие политических процессов в мировом сообществе в целом, и о множестве сосуществующих локальных политических времен разной длительности, в которых реально живут те или иные государства.

Подводя итоги, заметим, что политическое время – это антропное, интерсубъективное время: оно отличается от физического и географического и коллективно создается политическими персонами и политическими субъек-

тами, а значит, имеет специфические, а не универсальные онтологические свойства. Политическое время событийно, это время рождения и исчезновения, метаморфоз, динамики, и в этом смысле оно чрезвычайно онтологично, поскольку определяет и хронологически фиксирует основные вехи общественного развития (время появления и разрушения государств, воцарения монархов, периоды революций, государственных переворотов, вооруженных конфликтов и т.д.). Политическое время может иметь различные скорости протекания, определяемые историческими, социальными, экономическими, культурными условиями; обладает множеством специфических масштабов, длительностей, ритмов, темпов, зависящих от скорости социальных, экономических, политических процессов; оно может ускоряться и замедляться. Чаще всего ускорение и замедление политического времени наблюдаются на начальных и конечных этапах развития того или иного политического субъекта. Ускоряясь, политическое время может стать «мобилизующим» временем, рождающим многочисленные политические инновации и высокие ритмы политического развития. Политическое время необратимо, поскольку политические процессы не синхронизированы в изменяющейся внешней среде. Политическое время может протекать в разных динамических режимах, быть линейным, циклическим, нелинейным и даже хаотическим, характер его динамики определяется уровнем социального, экономического, культурного, политического развития политического субъекта. В современном глобальном социуме существует единое ускоренное политическое время и множество локальных политических времен с различными ритмами и темпами, настолько сильно отличающимися от страны к стране, что можно даже говорить о дисперсии политического времени. Все особенности политического времени обусловлены, с одной стороны, тем, что политическое время – один из видов социального времени, а с другой – спецификой самой политической реальности, всегда личностной, ценностно окрашенной, ориентированной на достижение вечных идеалов. Дальнейшее исследование политического времени, на наш взгляд, должно быть устремлено в область анализа связи его возможных нелинейности и хаотичности с современной сложной социальной динамикой, и на этом пути может дать множество практически значимых результатов.

Библиографический список

1. *Афанасьева В.В., Пилипенко Е.А.* Онтология времени // Вестник ВолГУ. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 4 (24). С. 6–14.
2. *Венгеров А.Б.* Политическое пространство и политическое время (опыт структурирования понятий) // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 49–63.
3. *Василенко И.А.* Политическая глобализация. М., 2000.
4. *Пантин В.И.* Циклы и ритмы истории. М., 1996.
5. *Анисимов Н.С., Афанасьева В.В.* Нелинейное развитие социума // Власть. 2013. Вып. 1. С. 68–72.
6. *Пилипенко Е.А.* Социальное время: онтологический аспект // Вестник ПАГС. 2014. № 5 (44). С. 99–106.

E.A. Revutskaya
Sociocultural Process:
Factors and Dynamics

The article is devoted to the analysis of factors of sociocultural process and its dynamics. The author pays attention to the importance of a factor of communication during the modern period of sociocultural changes both at the level of the person, and at the level of society. Modern problems of collective identities are revealed.

Key words and word-combinations: sociocultural process, communication, collective identities.

Анализируются факторы социокультурного процесса и его динамика. Обращается внимание на значимость фактора коммуникации в современный период социокультурных изменений, как на уровне человека, так и на уровне социума. Выявляются современные проблемы коллективных идентичностей.

Ключевые слова и словосочетания: социокультурный процесс, коммуникация, коллективные идентичности.

УДК 316.32
ББК 60.52

Е.А. Ревуцкая

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА

В течение длительного времени динамика социокультурного изменения была относительно медленной: она представляла собой «некоторую стационарную, почти застывшую систему, которая оставалась одинаковой для многих поколений. Основные культурообразующие компоненты были стабильны. Их смена осуществлялась настолько медленно и постепенно, что оценить изменения можно было только по прошествии очень длинного временного интервала» [1, с. 32]. Социокультурное изменение в таких обществах было малозаметным, в них была сильно развита сила инерции. «Инерция показатель целостности. Для того чтобы система имела способность к сохранению и воспроизведению, кроме однозначно прямолинейного выполнения определенных функций нужны способность и возможность носителей данных функций их выполнять, прочные и определенные социальные связи. С этих позиций инерцию следует определить не как продолжение ненужного функционирования или сохранения отжившей структуры, а как показатель устойчивости социальной системы, способность к продолжению развития» [2, с. 15].

Поскольку уровень экономического развития первобытных и рабовладельческих обществ был крайне низок, то и развитие шло медленно, исходя из внутренних ресурсов. Динамика социокультурных процессов резко возрастает в Новое время, после буржуазных революций в Голландии и Англии, когда в некоторых европейских странах постепен-

но появлялись условия для частного предпринимательства и развития по капиталистическому пути. Для этого характерна неравномерность развития, сохраняющаяся до настоящего времени. Содержание социокультурного процесса составляют социокультурные изменения, находящие выражение в росте степени индивидуализации, приводящей к кризису коллективных форм существования и изменениям в трансляции обычаев и традиций, перестройке ценностных ориентаций на личностном уровне, росте влияния государственных институтов на процессы социализации новых поколений и много еще в чем. Социокультурные процессы происходят в некотором локусе, поэтому они имеют пространственное измерение.

По мнению Э. Гидденса, «динамизм современности проистекает из разделения времени и пространства и их воссоединения в формах, допускающих точное пространственно-временное “зонирование” социальной жизни, высвобождение социальных систем... и рефлексивного упорядочивания и перегруппировки социальных отношений на основе непрерывно входящего потока знаний, оказывающего влияние на действия индивидов и групп» [3, с. 130].

Крайне важное значение в данном отношении имеет коммуникационная составляющая, от возможностей которой зависит проницаемость физического пространства. Социальное пространство конфигурируется коммуникационными каналами, по которым происходит обмен информацией между его элементами, и отделить социальные взаимодействия от операций информационного обмена нельзя [4, с. 57]. При этом исключительную важность получают скорость и средства передачи информации. «Информация существует в общении людей, а изменения информационного поля отражаются на группировании людей, особенно если эти изменения закрепляются, становятся традицией. Происходит образование новых коллективов и их типов – социальных институтов, характеризующихся отдельным видом обращающейся информации (или набором видов), своим механизмом воспроизводства. Такие образования могут рассматриваться в качестве относительно самостоятельной биосоциальной системы, со своей информацией, плотностью поля...» [5, с. 45].

Сильно возросшая скорость коммуникаций и появление различных ее каналов в современности естественным образом ускоряет возможность передачи информации и проведения экономических транзакций, а значит, стимулирует социокультурный процесс и делает новые явления, образцы товаров и социокультурных практик достоянием многих.

З. Бауман писал об изменяющемся соотношении между пространством и временем: «Современность начинается, когда пространство и время отделены от жизненной практики и друг друга, и поэтому их можно понимать как различные и взаимно независимые категории стратегии и действий, когда они уже не являются, как это было в течение долгих столетий, тесно связанными между собой и поэтому едва различимыми аспектами жизненного опыта, скрепленными устойчивым, очевидным и неразрушимым взаимно однозначным соответствием» [6, с. 15]. Однако резко возросшие коммуникационные возможности (и доступ к ним) при экономической стагнации, при которой ухудшаются положение значительных слоев населения, будут объективно пре-

пятствовать социокультурному развитию, затрудняя выход за пределы физиологических потребностей этих социальных слоев и фиксируя внимание именно на их достижении.

В более ранний исторический период большое значение имел и продолжает иметь до настоящего момента географический фактор, как фактор доступности той или иной территории, удобства проникновения на нее и последующего освоения. Труднодоступные в силу разных причин территории до настоящего момента остаются проблемными в смысле развития социокультурных процессов. Так, на них в значительно большей степени требуются усилия даже для самого элементарного выживания. Например, крайние районы Севера и отдаленные районы со сложными климатическими условиями ставили барьеры для социокультурного развития этносов, проживающих в них. Причиной этому часто служил тот факт, что слишком много сил уходило как раз на адаптацию к окружающим условиям. К тому же сложные условия затрудняли проникновение достижений других народов и культур, самих представителей этих культур, а также препятствовали закреплению среди местного населения новых культурных новаций.

Фактором, который явно усилил свое значение применительно к теме данной статьи, является конфессиональный. Конфессиональный фактор может как способствовать, так и ставить преграды развитию стран и народов. В частности, он (в форме протестантизма) способствовал успеху развития европейских стран в Новое время. Однако это происходило не само по себе, в чистом виде, а при взаимодействии этого фактора с факторами иного происхождения. С ним связан фактор степени индивидуальной свободы, который обуславливает возможные социальные притязания или их уровень и значимость в том или ином социуме.

Конфессия определенным образом программирует развитие народа или общества и на уровне индивидуума, прививая ему ту или иную картину мира, способствуя проявлению определенного рода активности, расставляя ценностные приоритеты. Конфессиональный фактор может делать государство и общество открытыми инновациям и всему новому, а может препятствовать движению и развитию по пути модернизации. Конфессии, взаимодействуя с обществом в данный исторический период, могут обеспечивать идеологическое обоснование рассматриваемому развитию и стимулировать, таким образом, поступательное движение социокультурного процесса.

Социокультурный процесс находит свое выражение в разных сферах деятельности, развитии социального капитала. Процесс накопления социального капитала по-разному протекает в различных обществах, в различных географических условиях.

В XX в. коренным образом изменяется роль и активность информационных процессов, что «заставляет подчинить себе традиционные элементы культуры и прежде всего изменяет традиционную систему культурной коммуникации. В результате начинается разрушение локального характера культуры. Происходит становление некоего общего коммуникационного пространства, которое как бы пронизывает все культуры, навязывая им общепринятые стереотипы коммуни-

кации» [1, с. 35–36]. Эти стереотипы формируются и предлагаются господствующей культурой для культурреципиентов. В результате последние постепенно разрушаются, так как нарушаются механизмы и условия их воспроизводства.

Ускоренное разворачивание социокультурного процесса совпадает по времени с развитием процессов глобализации, которые расщепляют культуры, прежде бывшие локальными. Сама культура, имеющая достаточно четко выраженную структуру и опирающаяся на нормативно-ценностные основания, размывается в процессе распространения массовой культуры и появления субкультур. В процессе этих изменений не может не меняться повседневность. Современные «глобализационные процессы снижают значимость национальной и культурной идентичностей, способствуют развенчиванию прежних идеалов, идеология же постепенно трансформируется в имагологию (создание имиджей), которая, согласно мнению современных исследователей, постепенно вытесняет идеологию и “стоящие за ней реальности”» [7, с. 137].

Таким образом, динамика социокультурных изменений не только существенно возросла за последнее время, но и в значительной степени переконфигурирует само социокультурное пространство в целом, придавая ему новые характеристики и выявляя в нем ранее неизвестные качества и эффекты. З. Бауман пишет о «текучей современности», в которой нет ничего устойчивого, все максимально релятивизировано и индивидуализировано и непрерывно потребляется. «“Твердая” современность была эрой взаимных обязательств. “Жидкая” современность – это эпоха разъединения, неуловимости, легкого бегства и безнадежного преследования. В “жидкой” современности правят те, кто наиболее неуловим и свободен передвигаться без предупреждения» [6, с. 131].

Социокультурный процесс оказывает обратное воздействие на сами факторы, влияющие на него. Они существенно меняют свое содержание. Этнические культуры в рамках современных государств вытесняются и все больше замещаются продукцией массовой культуры, происходит массивная миграция человека, в рамках которой он теряет личностные черты, сформированные в рамках модерна. Происходит профессионализация сферы досуга и освоение институтами массовой культуры культурного материала прежних эпох. Получающие новую оболочку достижения прежней эпохи транслируются новыми средствами коммуникации, что позволяет новому продукту получить широкое распространение и возможное признание у потребителей. «...На современное состояние культуры стал оказывать колоссальное влияние научно-технический прогресс, особенно в сфере коммуникации, который изменил сами формы общения между людьми, а некоторые из них, например, письма как особые формы общения на наших глазах просто исчезают из жизни» [1, с. 37].

Социализация в современном мире происходит главным образом с помощью новых средств коммуникации, транслирующих дискурс, идеи в форме продуктов для потребления и замещающих культурные достижения прежних эпох вместе с их носителями. В процессе новой социализации меняется и сам человек, он менее связан с прежними коллективными идентичностями. Свободный от коллективных идентичностей человек не становится менее манипулируемым. В процессе его высвобождения формируются новые социальные

технологии, позволяющие делать его поведение предсказуемым и управляемым. Современному человеку в процессе жизни приходится переживать несколько ресоциализаций, потенциально позволяющих ему успешно адаптироваться к изменяющимся условиям.

Социокультурный процесс в российских условиях догоняющей модернизации характеризуется особым сочетанием полярных характеристик социокультурной сферы. Для него характерны разные скорость, плотность и масштаб разворачивания преобразований. «Порой это процесс укладывается в рамки жизни одного человека или того меньше. В результате почти “мгновенно” происходит разрушение старых систем ценностей и традиций, которые господствовали в течение столетий. Символы и образы старой культуры исчезают или меняют свой смысл и значение. Новые ценности настолько расходятся с традиционными, что их культурообразующий смысл остается не всегда ясным и открытым» [1, с. 37].

Таким образом, революционные изменения в сфере коммуникаций, в свою очередь, оказывают обратное воздействие на факторы, двигающие социокультурный процесс, придавая им невиданный ранее динамизм и порождая новые феномены. Социокультурное пространство в таких социумах представляет собой конгломерат культурных проявлений, характеризующихся одновременно архаичными, традиционными и модернизационными чертами. Соответственно, в подобных обществах резко возрастает рискогенность в виде рефлексивных и нерефлексивных социальных рисков [8, с. 92]. Социокультурная сфера испытывает кризис идентичностей, происходит их переформатирование на личностном и межличностном уровне. По мнению С.М. Фроловой, «рискогенность повседневности усиливается через религиозные и культурные конфликты, которые усугубляют взаимную отчужденность людей, провоцирует межличностные и культурные противостояния, что обуславливает культурный концепт риска, провоцируемый уходом от традиций, принятием навязанных аксиологических норм и образцов поведения» [7, с. 100].

Представляется, что в современный период наиболее значимым фактором социокультурного процесса является все же коммуникационный, позволяющий резко увеличить скорость информационных обменов и дающий стимул развитию социальных технологий. Эти технологии получили широкое развитие во второй половине XX в. и изменили сам строй жизни обществ и государств. Резко увеличилась динамика социокультурного процесса, видоизменившая условия существования человека и самого человека. На наших глазах происходит конфликтное «высвобождение» человека из коллективных идентичностей, происходящее с разной скоростью и результатом в разных регионах, на разных материках.

Современный социокультурный процесс представляет собой динамичное образование, состоящее из множества пластов самого разнообразного происхождения, взаимодействующих и конкурирующих друг с другом. В этом симбиозе, возможно, отбираются и взаимно притираются составные элементы будущего.

Библиографический список

1. Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 27–43.
2. Матвеева Н.А. Социальная инерция: к определению понятия // Социс. 2004. № 4. С. 15–23.
3. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2005.
4. Печенкин В.В. Информационные технологии в социальной структуре общества. Саратов, 2001.
5. Гиренко Н.М. Динамика биосоциальной системы в естественноисторическом процессе // Africana: Африканский этнографический сборник. Ленинград, 1991. XV. С. 4–61.
6. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. Ю.С. Асочакова. СПб., 2008.
7. Фролова С.М. Институализация и рискогенность повседневной жизни общества / под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2013.
8. Демидова М.В. Социальные риски в условиях символического капитализма: философия и методология исследования // Вестник ПАГС. 2014. № 5 (44). С. 87–92.

M.V. Shcherbakova
Features of Formation
of World View Problem
in German Classical Philosophy

The article considers the problem of worldview beginning with the origins of its formation. The formation of the worldview concept in German classical philosophy is analyzed. The conclusion is that the problem of worldview had crisis origins.

Key words and word-combinations: the problem of worldview, worldview crisis, German classical philosophy.

Рассматривается проблема мировоззрения начиная с истоков ее формирования. Анализируется становление понятия мировоззрения в немецкой классической философии. Делается вывод о том, что проблема мировоззрения имела кризисные истоки.

Ключевые слова и словосочетания: проблема мировоззрения, кризис мировоззрения, немецкая классическая философия.

УДК 1(09)(430)
ББК 87.3(4Гем)

М.В. Щербакова

**ОСОБЕННОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ
ПРОБЛЕМАТИКИ
В НЕМЕЦКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ**

Первые представления о мировоззрении стали складываться еще в Античности, однако проблема мировоззрения как таковая начала формироваться лишь в XVIII в. Решающую роль сыграл Ф. Шлейермахер, который впервые ввел само понятие «мировоззрение», с целью фиксации единства бытия и мышления, человека и мира в «акте слитного бытия» [1, с. 89]. Иными словами, под мировоззрением мыслитель понимал исходящий от субъекта творческий способ осмысления человеческого бытия, при котором достигается целостность осознания индивидом себя, природы и общества в совокупности

мышления, чувства, воли и действия. При этом высшее единство бытия и мышления, согласно Ф. Шлейермахеру, возможно было только в Боге или в верховном бытии.

Кроме того, Ф. Шлейермахер, который был не только философом, но и протестантским теологом, истолковывает понятие «мировоззрение» в рамках установки на примирение религии и философского знания. Религия для него является той формой, в которой «знание» и «действие», духовное и практическое соединяются, образуя единство. Стремление религии к целостному мирозданию человека, в котором связывается духовное и практическое, обуславливается, по его мнению, собственной целостностью религии.

Рассматривая религиозное мировоззрение, Ф. Шлейермахер выделяет общие черты, присущие любому мировоззрению. С.Л. Франк, характеризуя взгляды Ф. Шлейермахера на религию как мировоззрение, писал: «...из анализа явлений, подводимых под понятие религии, следует, что религия не вмещается ни в одну из признанных сфер или деятельности духа: она есть ни теоретическое знание, ни нравственное учение, ни искусство, ни практическая деятельность. Мы встречаем в ней элементы, присущие каждой из этих областей; но она не исчерпывается ни одним из них в отдельности и не может быть простой механической смесью из них... в господствующей классификации отношений человека к миру, таким образом, не остается места для религии; однако борьба против нее, чувство антипатии или презрения к ней сами по себе все же свидетельствуют, что религия есть, во всяком случае, не призрак, а некоторая самобытная реальность» [2, с. 18–19]. Данная реальность и есть мировоззрение.

Анализируя становление понятия мировоззрения в немецкой классической философии, следует отметить, что один из первых и важных шагов в его исследовании сделал И. Кант в работе «Критика способности суждения». Наряду с этим тема мировоззрения в учении И. Канта, по мнению О.Г. Дробницкого, уже присутствует в изложении трансцендентальной диалектики, представляя собой сферу «предельных» мировоззренческих вопросов философии. Следует отметить, что проблема мировоззрения в постановке Канта трактуется О.Г. Дробницким как проблема мироистолкования, и он констатирует начало этической проблематики уже в сфере чистого разума. Кант первым в истории философии обозначил границу между познанием и мироистолкованием и попытался доказать неизбежность выхождения любой системы мировоззрения за границы опытного и логически доказуемого. С помощью «трансцендентальных идей» разум завершает процесс познания, что придает внутреннюю целостность и осмысленность формирующимся представлениям человека о мире [3, с. 108–109].

В «Критике способности суждения» поднимается вопрос: «Обладает ли способность суждения... своими априорными принципами, конструктивны ли они или только регулятивны... И предписывает ли она чувству удовольствия и неудовольствия как промежуточному звену между способностью познания и способностью желания априорные правила» [4, с. 7]. «Способность суждения» в понимании И. Канта составляет промежуточное звено в ряду познавательных способностей человека между рассудком и разумом. Можно полагать,

что «Критика способности суждения» только дополняет «Критику чистого разума», а принципы «Критики способности суждения» только при необходимости могут быть присоединены к теоретической и практической философии. Данное присоединение по своей сути характеризует механизм построения метафизики, в котором прослеживаются очертания строения мировоззрения [5, с. 47–49]. При этом И. Кант полагал, что сознание с помощью трансцендентального метода выражает индивидуальность и самостоятельность своего суждения. В последнем суждении, согласно В. Библеру, «сходятся своими вершинами два бесконечно расходящихся конуса. <...> С одной стороны, в суждении человека неизбежно для него фокусируется все его мировоззрение, мирозерцание, а с другой стороны, сам предмет, о котором высказывается даже мимолетное суждение всегда оказывается фокусом расходящегося в бесконечность предметного мира в его бесчисленных связях, переходах и опосредованиях» [6, с. 4].

Дальнейшее уточнение понятия «мировоззрение» было проделано в работах Г. Гегеля, посвященных абсолютному духу. В рамках системы Гегеля мировоззрение представляет собой самосознание абсолютной идеи, которое воплощается в различных формах на разных ступенях развития абсолютного духа. Кроме того, по его мнению, философия является ядром всех наук и всякой истины, а вследствие того что в основании этих наук лежит один и тот же принцип, вся философия едина, ее составные части образуют общую философскую систему, которая представляет собой мировоззрение [7, с. 40–41]. Таким образом, можно полагать, что Г. Гегель отождествляет философию и мировоззрение. Более того, основной чертой подлинного мировоззрения, по его мнению, является возможность возникновения в его рамках философской системы и наличие самостоятельного субъекта.

Основным условием научности мировоззрения Г. Гегель считал его системность. Он утверждал: «Философствование без системы не может иметь в себе ничего научного; помимо того что такое философствование само по себе выражает скорее субъективное умонастроение, оно еще и случайно по своему содержанию. Всякое содержание получает оправдание лишь как момент целого...» [8, с. 100]. Следовательно, Г. Гегель отождествлял системность мировоззрения с целостностью философии, то есть ставил научность в зависимость от системности.

Обратившись вслед за Г. Гегелем к этой проблеме, К. Маркс считал, что возможно единственное философское мировоззрение и характеризовал его как «живую душу культуры», которая, соприкасаясь с действительностью, перестает быть малопонятной системой и становится философией современного мира [9, с. 105]. Ф. Энгельсом сформулировано положение о борьбе мировоззрений, которая ведется различными способами как между представителями разных классов, так и внутри одного класса, но между людьми, которые придерживаются разных мировоззренческих позиций. «Борьба обоих мировоззрений, само собой разумеется, еще продолжается, и не только между пролетариатом и буржуазией, но и между свободно мыслящими рабочими и рабочими, находящимися еще во власти старых традиций» [10, с. 498].

Кроме того, рассматривая понятие «мировоззрение», К. Маркс и Ф. Энгельс стремились показать особенности исторических и классовых форм мировоззре-

ния, раскрыть их социально-историческую обусловленность и показать их роль в общественной жизни. В результате возникло предположение о том, что удалось «впервые создать подлинную научную концепцию мировоззрения, создать учение о научно-философском, диалектико-материалистическом мировоззрении как самосознании пролетариата...» [11, с. 32].

Однако в дальнейшем утверждение о существовании и создании научного мировоззрения было подвергнуто критике. Высказывались суждения, что «знание составляет лишь один из компонентов мировоззрения. Наряду со знаниями в мировоззрение входят и представления о должном, и суждения вкуса и вера, которые никогда не могут целиком быть редуцированы к знаниям. Если такая редукция имеет место, то по вине самого обычного сознания; ему как бы врождена сциентистская тенденция...» [12, с. 247].

Тенденции, сформировавшиеся в XVIII в., при ближайшем рассмотрении оказываются генетически связаны с кризисом рационалистического мировоззрения и формированием нового образа мира на рубеже XIX–XX вв.

Для кризисного сознания было характерно переживание бессмысленности и бесцельности бытия, разочарование в сложившихся ценностях и их глобальная переоценка, трансформация прежних взглядов и убеждений, а также стремление как к разрушению прежних форм и отношений, так и одновременно к восстановлению целостности, стабильности, преодолению понятийной неоднозначности и обновлению понятийного аппарата. Все это сыграло свою роль в том, что «мировоззрение» постепенно стало осознаваться как одно из главных и основных понятий философии, вытеснив «миросозерцание» и «мироощущение» на периферию.

На рубеже XIX–XX вв. мировоззренческая проблематика зазвучала по-новому. Кризисные процессы и противоречия, происходившие в бытии в данный период, не могли не отразиться на мировоззрении.

Согласно синергетической концепции, любое развитие, в том числе развитие мировоззрения, происходит по схеме: устойчивость – кризис – новая устойчивость (в том случае, если кризис не привел к деструкции системы). Изучение мировоззренческого кризиса, показало, что кризис отмечается в тех случаях, когда мировоззрение вследствие некоторых причин больше не могло существовать в том виде, в котором оно было до кризиса. Так, в любом обществе со временем накапливаются определенные проблемы и противоречия, которые могут быть решены только в результате переоценки ценностей, разрушения прежнего мировоззрения и создания нового, основанного на других правилах и принципах, способного решить существующие противоречия. Поэтому кризис мировоззрения часто рассматривается как поворотный момент, необходимый этап в развитии общества, который характеризуется состоянием неустойчивости и требует переструктурирования системы [13, с. 80–82].

Подобная кризисная ситуация отмечалась в западной философии на рубеже XIX–XX вв. Для данного периода были характерны кризисные ощущения тревоги, опустошения, бессмысленности и несостоятельности. Происходило крушение идеалов, изменение основных жизненных оценок, утрачивалось стабильность, в результате чего человечество оказалось полностью дезориентированным.

Более того, в этот период отмечался глубокий духовный кризис вследствие обесценивания духовных устоев и идеалов, потери нравственных ориентиров. В связи с этим все более ясно осознавалась неизбежность кардинальных перемен как в жизни общества, так и в самом мировоззрении. Условный образ мира, выстроенный еще в философских системах Нового времени на основе безграничной веры в человеческий разум, мало соответствовал реальному миру. Происходило разочарование в идеалах и ценностях классического рационализма, переосмысление рационалистической концепции отношения человека к окружающей действительности, которые привели к возникновению кризиса и разрушению рационального мировоззрения и формированию новых взглядов на сущность бытия – иррационализма, что способствовало формированию нового иррационального мировоззрения.

Проведенный анализ становления мировоззренческой проблематики в немецкой классической философии показал, что изначально она понималась как проблема мироистолкования, позже отмечалось отождествление мировоззрения и философии, а также высказывались суждения о существовании научного мировоззрения. Вместе с тем на рубеже XIX–XX вв. проблема мировоззрения приобрела особое, новое звучание. В данный исторический период в связи с кризисом и разрушением существующего рационального образа мира, а также с формированием не только принципиально новой иррациональной картины мира, но и нового понятийного аппарата «мировоззрение» впервые стало одним из важнейших понятий в философии, отодвинув «миросозерцание» и «мироощущение» на второй план. Следовательно, можно полагать, что процесс становления мировоззренческой проблематики в немецкой классической философии был достаточно сложным и имел кризисные истоки.

Библиографический список

1. Шлейермахер Ф. Речи о религии. М., 1994.
2. Франк С.Л. Личность и мировоззрение Фр. Шлейермахера // Шлейермахер Ф.Д. Речи о религии к образованным людям, ее презирающим. Монологи. СПб., 1994. С. 7–34.
3. Дробницкий О.Г. Теоретические основы этики Канта // Философия Канта и современность. М., 1974. С. 103–151.
4. Кант И. Критика способности суждения // Собр. соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 5.
5. Арутюнян М.П. Мировоззрение: онтологический и методологический подходы: дис. ... д-ра филос. наук. Хабаровск, 2006.
6. Библер В.С. Век просвещения и критика способности суждения: Дидро и Кант. М., 1977.
7. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: в 3 кн. Кн. 1: Введение. История греческой философии. СПб., 1994.
8. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 3: Философия духа. М., 1977.
9. Маркс К. Капитал. Т. 3, ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. 2.
10. Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. С. 495–516.
11. Арцишевский Р.А. Мировоззрение: сущность, специфика, развитие. Львов, 1989.
12. Соловьев Э.Ю. Критико-верификационная функция философии // Философское сознание: драматизм обновления. М., 1991. С. 241–270.
13. Рудкевич Е.Ю., Глуховцев В.О. Кризис современного мировоззрения: аксиологические и онтологические аспекты. Уфа, 2011.

V.I. Shishkina
Political Opposition
in Modern Russia:
Development Strategies
in the Regional Space

The strategy used by the political opposition as part of the protest behavior at the regional level is considered. Regional case studies are analyzed by the example of the Saratov Region. Development patterns of opposition actors' behavior regional protest strategies are distinguished.

Key words and word-combinations: political opposition, the strategy of protest behavior in the regions.

Рассматриваются стратегии, применяемые политической оппозицией в рамках протестного поведения на уровне региона. Анализируются региональные кейсы на примере Саратовской области. Выделяются закономерности развития региональных протестных стратегий поведения оппозиционных акторов.

Ключевые слова и словосочетания: политическая оппозиция, стратегии протестного поведения в регионах.

УДК 32.01
ББК 66.04

В.И. Шишкина

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОППОЗИЦИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ
В РЕГИОНАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

На современном этапе развития политической системы в России актуальным остается изучение явлений политического протеста. Ведущие политики, аналитики, эксперты страны в своих выступлениях делают акцент на современные протестные явления, уделяя значительное внимание политической оппозиции. Она в свою очередь, являясь одним из базовых компонентов политической структуры общества, оказывает опосредованное влияние на развитие внутренних процессов в государстве.

Если исходить из предположения, что действия институциональных политических акторов и формируемые ими правила игры (институты) задают вектор массовых предпочтений и обуславливают динамику развития политического процесса и присущих ему оппозиций [1, с. 54], то выделение организационно оформленной, обладающей соот-

ветствующими юридическим статусом и конституционными гарантиями, ответственной в своих действиях оппозиции – это своего рода тест на ее приверженность основополагающим принципам демократии. Отсутствие же дееспособной оппозиции в условиях демократии, как правило, приводит к росту социальной нестабильности или же вызывает политическую апатию масс [2, с. 36].

В 2011–2012 гг. стало очевидным, что население резко осознало несправедливость того, что продолжалось десятилетиями, начиная с советских времен, – игру в выборы органов власти. Новые коммуникационные возможности создали новые технологии самоорганизации и самовыражения [3, с. 79]. Это подводит нас к следующему немаловажному аспекту. По своей природе оппозиция неоднородна по составу, что, несомненно, дает возможности оппозиционерам расширять линейку политических практик и стратегий борьбы за электоральный ресурс. Использование новых технологий позволило вовлекать к политической активности те слои населения, которые до некоторых пор оставались инертными и достаточно маргинально настроенными к политическим институтам в целом.

Исходя из традиционной классификации, выделяют системную (парламентскую) оппозицию и несистемную. Конструктивная (системная) оппозиция заостряет внимание на парламентских формах деятельности, внесистемная – отдает приоритет внепарламентским методам политической борьбы, что и было активно продемонстрировано в последнем федеральном избирательном цикле. Формальное определение сводится к следующему: системная оппозиция – партия или группа, выступающая против господствующей партии или мнения, поддерживаемого большинством. Деятельность находится в рамках сложившейся политической системы и не направлена на подрыв ее устоев, хотя переход власти от одной партии (или коалиции партий) к другой в результате выборов в данном случае вовсе не гарантирует абсолютной преемственности политического курса. Помимо этого, в России различают «внепарламентскую системную оппозицию», в которую входят зарегистрированные Министерством юстиции РФ партии, но не вошедшие в парламент, и «внесистемную оппозицию» (или «несистемную оппозицию») состоящую из незарегистрированных партий и движений.

За последние годы четко выделились векторы изучения федерального кластера внепарламентской системной и внесистемной «федеральной» оппозиции. На наш взгляд, интересно проследить за тем, как реализуют на практике свои стратегии региональные отделения тех же партий. Перед российской оппозицией стоит вопрос: до какой степени быть оппозиционной и какими средствами при этом пользоваться, так как возникает двойная зависимость административных институтов и оппозиции. «Если оппозиция не противопоставляет себя существующему режиму – не предлагает альтернатив... политические институты остаются слабыми. Если же оппозиционные силы действуют слишком решительно, то под угрозой может оказаться демократия как таковая» [4, с. 132–133].

А. Хиршман описал несколько основных стратегий развития оппозиции: «ухода» (exit), или «малых дел»; «протеста» (voice) – массовой мобилизации

(не только электоральной); «лояльности» (loyalty) – «торга» с правящей группой и последующей кооптацией в нее («врастание во власть»). По мнению В.Я. Гельмана, традиционные стратегии оказывались не просто неэффективными, но и проигрышными. «Уход» способствует маргинализации и утрате влияния, «протест» затруднен из-за сокращения ресурсной базы и угрозы силового воздействия со стороны правящей группы, а «лояльность» ведет к потере идентичности и кооптации в правящую группу [1, с. 57–58].

Одним из основных ресурсов любой оппозиции является поддержка со стороны граждан. Согласно данным крупнейших полстерских агентств, уровень поддержки политической оппозиции постепенно снижается. Важно отметить, что в глазах общественного мнения в последние годы очень нечетко выделяется оппозиция системная / внесистемная, дается некая общая оценка деятельности этих политических акторов. Анализируя данные «Левада-центра», можно увидеть, что за последние два года число россиян, считающих, что сейчас в России есть политическая оппозиция, сократилось с 66 до 50% [5]. Если в 2012 г. 72% опрошенных рассматривали оппозицию как необходимый элемент российского общества, то в 2014 г. их количество сократилось до 57%.

С одной стороны, в целом необходимость оппозиции обществом признается, с другой – реальная оппозиционная риторика в СМИ практически отсутствует, а представители непарламентской оппозиции россиянам малознакомы. Учитывая внешнеполитические факторы, влияющие на современную российскую действительность и подъем патриотических настроений, а также отсутствие альтернативных каналов получения информации (особенно в «провинции») вопрос о необходимости оппозиции действующей власти вызывает скорее недоумение у опрошенных респондентов.

Общий понижающий тренд также отмечают исследователи ФОМ: в 2014 г. только 36% ответивших уверены, что в России существует политическая оппозиция [6]. Этот показатель очень близок данным исследования на начало 2011 г. Еще до парламентских выборов и подъема политического протеста эта цифра составляла 37%. Прослеживается также тенденция на снижение уверенности, что у оппозиции есть возможности оказывать влияние на положение дел в России: всего 6 из 36% уверены, что такая возможность у оппозиции есть; 13% высказали мнение, что эта возможность очень слаба. При этом указание на положительный эффект от этого влияния постепенно уменьшается уже в долгосрочной перспективе с середины 2004 г.

Респонденты также отметили снижение роста числа сторонников оппозиции в России. Особенно это заметно в сравнении с показателями февраля 2012 г., когда на волне протестов «за честные выборы» 20% опрошенных считали, что у оппозиции увеличивается количество сторонников. Сейчас только 6% ответивших согласны с такой точкой зрения; 13% сказали, что количество сторонников не меняется.

Как отмечают некоторые исследователи, перспективы оппозиции зависят не столько от ее собственных действий, сколько от набора внешних условий, которые задают структуру политических возможностей. Проследить за тем, как используются политические возможности региональной оппозицией, можно

на примере стратегий, избранных саратовскими отделениями партий на волне протестных настроений 2011–2012 гг., а также сравнив их со стратегиями вне выборного цикла.

За основу взяты результаты небольшого регионального исследования, проведенного нами в 2012 г. Был проанализирован массив информационных сообщений региональных СМИ об акциях протеста с участием политической оппозиции. В выборку попало 161 сообщение за период с декабря 2011 г. по март 2012 г. В структуре этих сообщений нами выделено 8 основных тем, содержащих 642 смысловые единицы счета. Нас заинтересовало, как артикулировали протестную повестку дня представители системной (парламентской) и внепарламентской оппозиции Саратовской области после выборов в Государственную Думу 4 декабря 2011 г. В частности, прослеживалось, на какие конкретно темы делали упор партии, какие ресурсы пытались задействовать активнее всего в своих информационных стратегиях.

КПРФ. Наиболее значимыми для партии закономерно оказались тематика выборов (29%) в связи с электоральным периодом, а также самоактуализация оппозиционного статуса (29,5%). Третьей по информационной наполняемости стала тема недоверия к власти (11,9% единиц счета). Существенное внимание при освещении выборов уделялось в информационных сообщениях теме фальсификации на выборах в Государственную Думу и президентских выборах, при этом прослеживается усиление внимания партии к этому направлению (декабрь 2011 г. – показатель равен 5,4%, март 2012 г. – 11,9%). Относительно вектора «настроений граждан» выделяются такие смысловые конструкты, как «чувство унижения» – 25% (март 2012 г.); «Мы не рабы!» – 12,5% (декабрь 2011 г. и март 2012 г.); народный гнев – 8,3%.

Явный упор на свою «оппозиционность» можно увидеть в сообщениях марта 2012 г. (около 39% от всех сообщений за четыре месяца). Усиление информационного позиционирования по вектору «недоверие к власти» произошло в феврале 2012 г. – (54,8% лексических единиц от всего массива внутри этого тематического блока). Основная цель КПРФ – задействовать в риторике ценности морально-этического / политического характера.

Региональное отделение партии при формировании протестной повестки дня задействовало традиционные для себя методы и приемы. Даже в условиях сложившейся в России, и в Саратовской области в частности, ситуации в декабре 2011 г. партия использовала ситуацию с протестами, чтобы укрепить свои позиции перед выборами Президента РФ и привлечь к себе дополнительный электорат.

ЛДПР. Она демонстрировала тренд на «оппозиционность». Для этой партии была характерна ориентация на самоактуализацию своего оппозиционного статуса. Подчеркивалось в первую очередь участие партии в санкционированных протестных акциях, стремление к консолидации с другими участниками системной оппозиции в регионе. Отличительной чертой является то, что региональное отделение ЛДПР изначально стремилось транслировать свой «оппозиционный» статус через демонстрацию объединения всех протестующих сил в Саратове. Партия стала одним из инициаторов создания СОИ – Саратовского объединения избирателей, но постепенно интерес к этому проекту со стороны

либерал-демократов пошел на спад (январь 2012 г. – 15,7%, март 2012 г. – 3,9%). Появляются сообщения о деконсолидации ЛДПР с другими оппозиционными силами (январь – март 2012 г.). В отношении вектора «настроений граждан» прослеживается посыл на «ожидание перемен» (5%). ЛДПР в основном поднимает тему гражданских / политических ценностей. В информационном поле со стороны ЛДПР было мало заявлений о фальсификациях на выборах. Это можно рассматривать как согласие с результатами выборов и нежелание ввязываться в дискуссионную риторику с партией власти.

Партия «Справедливая Россия». Для этой партии также наиболее популярными при формировании повестки дня стала категория «выборы» (21,1%) и самоактуализация себя как системной оппозиции (26,6%). Основной информационный отклик по этим направлениям у партии произошел в декабре 2011 г. и по истечении избирательного цикла практически свелся к нулю. Наибольший интерес партия уделяла месседжам: «фальсификация» – 37,8%; «кража голосов на выборах», «За честные выборы!» – по 21,6%. Выражение недоверия к властям составило 13,8%, из них наибольшее количество информационных сообщений содержали обращение с претензиями к партии власти, представителям ЦИК. «Справедливая Россия» в категории «транслируемые ценности» делала акцент на гражданские / морально-этические аспекты. Пик интереса к консолидации региональной системной оппозиции пришелся на февраль 2012 г.

Партия «Яблоко». Как и у других участников, для нее актуальны выборная тематика (26,7% от общего количества партийных месседжей) и подтверждение своего оппозиционного статуса (25,7%). Отличительным от других участников является то, что категория «ценности» находится в повестке дня на третьем месте (16,8%), актуализируются гражданские (10,8%) и морально-этические (3,9%) ценности. Месседжи выборной тематики сосредоточены вокруг фальсификации выборов (5,9%), призывов «За честные выборы!» (9,9%), отмена результатов выборов и заявления о «краже голосов» набирают по 5%. Заметно, что «Яблоко» достаточно обширно в своей риторике отражало «настроения граждан». Несмотря на «запугивание» властей, люди выражают свое возмущение, недовольство, злость. Превалирующими ценностями в обращениях стали гражданские / морально-этические аспекты. К тому же по частотности распределения протестных месседжей видно, что основной накал яблочников пришелся на декабрь 2011 г.

Прослеживается полулояльная позиция в применяемых средствах борьбы за власть над электоральным полем, общественным мнением. Все исследуемые акторы использовали на волне общественного интереса стратегию протеста как наиболее эффективную. В дальнейшем у ЛДПР прослеживается переход от стратегии протеста к стратегии лояльности. «Справедливая Россия» в дальнейшем вернулась в свою нишу «ухода», направленную на реализацию малых дел. КПРФ и «Яблоко» продолжили эксплуатировать стратегию протеста. Обе партии за счет длительного следования данной стратегии еще до выборов 2011–2012 гг. постепенно все больше приобретают черты маргинальных образований. Если коммунисты еще могут противостоять маргинальным трендам за счет привязки к общефедеральным партийным стратегиям КПРФ, то «Яблоко» не имеет подобной поддержки на федеральном уровне.

В это же время (декабрь 2011 – март 2012 г.) активизировались традиционные участники оппозиционного движения: КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Яблоко». Появились и новые протестные группы, такие как Саратовское объединение избирателей (далее – СОИ), гражданские сетевые активисты (создатели и участники группы «ВКонтакте» Р. Сергеев и С. Вилков, участник «Российского социалистического движения»). Анализируя протестную активность этих субъектов, можно отметить, что налицо была явная несогласованность и расщепленность протестных акторов. Попытки скоординировать протестные действия путем создания консолидированного субъекта протеста в регионе не принесли ожидаемого результата.

Традиционные участники, мы бы назвали их наиболее устойчивым протестным активом региона, КПРФ и ЛДПР, поддерживая волну гражданского политического протеста на начальном этапе, сохранили свою самоидентичность и функционировали как традиционные институциональные субъекты политики. В дальнейшем наблюдалось объективное истощение поствыборного протестного потенциала, для поддержания которого у региональной оппозиции не было материального и кадрового ресурса. Поэтому, на наш взгляд, закономерной для оппозиции в регионе стала стратегия «ухода» в сферу малых дел, активность за счет эксплуатации гражданских инициатив, которые включаются в более широкую общеполитическую протестную повестку (присутствуют элементы стратегии «торга»).

В конце 2014 г. начинает проявляться тенденция на трансформацию традиционной стратегии оппозиционных акторов. Проявляется частичная консолидация и солидарность оппозиционных сил. В основном это касается вопросов, затрагивающих внешнеполитические интересы страны, а также проявлений экономического кризиса (рост цен, снижение зарплат, проблема трудоустройства населения и т.д.). В этой части подобное «слияние» можно расценивать не как согласованность и межпартийную консолидацию, а скорее как мимикрирование под существующую социально-политическую и экономическую ситуацию – реализацию стратегии «кооптации» в общегосударственный тренд, провозглашенный официальными властями. В то же время деятельность гражданских активистов с 2012 г. постепенно теряла уровень напряжения, выполнив свою роль ретранслятора протестного недовольства людей.

Еще один новообразовавшийся субъект – СОИ – институционально закрепился в регионе, но, по сути, на волне народного возмущения результатами выборов 2011–2012 гг. он свою миссию «моста» между гражданами и оппозиционными акторами не реализовал полностью. За последние несколько лет в организации стал проявляться закономерный процесс перетягивания ресурсов между руководителями структуры. Со временем, уточнив свой основной функционал по наблюдению за проведением выборов и подготовке наблюдателей, СОИ ушло с нивы активного политического позиционирования, сместившись в нишу защиты гражданских прав. Теперь, когда стартовали волны переизбрания губернаторов и активно заговорили о возможности более раннего переизбрания губернатора Саратовской области, СОИ как статусный ресурс вновь постепенно становится востребованным, в частности для несистемной оппозиции.

Таким образом, очевидна готовность граждан координировать свои действия по действительно важным и значимым для них вопросам, но она не всегда совпадает с целями институциональных акторов от оппозиции. Региональные политические партии, относящие себя к оппозиции, могут включать в свою протестную повестку «болезненные» для региона и сложные для быстрого эффективного устранения местными властями проблемы граждан (расселение из аварийного жилья, обманутые дольщики, переселение владельцев лодочных баз, отчисления за капитальный ремонт и пр.). Привлекая такие «долгоиграющие» темы в свою риторику с властями, оппозиционеры эксплуатируют практику малых дел, при этом в нужный момент перестраиваясь на более лояльное отношение к представителям региональной власти. Однако они не используют по максимуму все возможности новых информационных технологий, как это делают представители несистемной оппозиции. Можно сказать, что на современном этапе оппозиционные партии системной парламентской и внепарламентской направленности балансируют одновременно на грани нескольких стратегий.

Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением Д. Волкова о том, что отсутствие четкой программы действий является одной из главных проблем протестного движения. Пока нет лидеров или партий, у которых есть четкий план. Требуется не программа, которую планируется осуществить после прихода к власти, но «дорожная карта» поэтапных изменений, в которой были бы прописаны конкретные цели и задачи, к осуществлению которых можно приступать сразу, а также взаимные обязательства лидеров и рядовых участников движения [7].

Рассмотренный материал показателен в этом отношении: как только системная оппозиция почувствовала отклик масс, подталкивавших ее к применению стратегии протеста, оппозиционеры стали сворачивать лозунги, касающиеся частных интересов, чтобы усилить свой репутационный капитал, так как реальное следование стратегии протеста для российских системных оппозиционных сил нерентабельно.

Относительно внесистемной оппозиции в регионе можно сделать вывод, что, несмотря на периодические подъемы поддержки населением, она по своей структуре достаточно рыхлая, часто не закреплённая в сознании граждан как отдельная сила. При этом сам импульс мобилизации внесистемной оппозиции во многом произведен не от идеи изменения общественно-политического строя / конкретного плана действий, а от нарушения властью принципов справедливости и законности, а также гарантий защиты этих принципов. Поэтому на данном этапе в России существуют оппозиционные силы, которые по факту реагируют на решения властей, либо силы, борющиеся за власть и встроенные в эти государственно-властные отношения, но не заинтересованные в их кардинальной смене.

Библиографический список

1. Гельман В.Я. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. 2004. № 4. С. 53–67.
2. Поршаков С. Политическая оппозиция в странах Запада (некоторые закономерности и особенности функционирования) // МЭ и МО. 1998. № 3. С. 36–48.

3. Фомин О.Н. Столкновение электоральных групп в пространстве российской политической культуры // Вестник ПАГС. 2012. № 1. С. 78–85.

4. Пиеворский А. Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 1999.

5. Россияне о политической оппозиции. URL: <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiyane-o-politicheskoi-oppozitsii>

6. Политическая оппозиция. Влиятельна ли в России политическая оппозиция? 27 октября 2014 г. URL: <http://fom.ru/Politika/11785>

7. Волков Д. Российское протестное движение в зеркале социологии. URL: <http://www.levada.ru/18-10-2012/rossiiskoe-protestnoe-dvizhenie-v-zerkale-sotsiologii-d-volkov>

I.I. Bryantsev
The Role of Holding Companies
in the Establishment
of Regional Industrial Clusters

The strategy of large holding companies development, associated with providing technological process control, is analyzed. It is proved that the development of these trends leads to the creation of preconditions for integration processes aimed at the formation of regional industrial clusters.

Key words and word-combinations: holdings, investment strategy, systems analysis, production cluster.

Анализируется стратегия развития крупных холдинговых компаний, связанная с обеспечением контроля технологического процесса. Обосновывается, что развитие этих тенденций приводит к созданию предпосылок для интеграционных процессов, направленных на формирование региональных производственных кластеров.

Ключевые слова и словосочетания: холдинги, инвестиционная стратегия, системный анализ, производственный кластер.

УДК 658.114

ББК 65.292

И.И. Брянцев

РОЛЬ
ХОЛДИНГОВЫХ
КОМПАНИЙ В СОЗДАНИИ
РЕГИОНАЛЬНЫХ
ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
КЛАСТЕРОВ

В рамках методологического подхода пространственно-временной типологии системных объектов, разработанного Г.Б. Клейнером [1], сформулирована рабочая гипотеза о том, что применение ее к исследованию холдинга позволит рассмотреть его как сложную социально-экономическую систему, которая будет иметь набор собственных характеристик его локализации и объединять в себе в определенных долях те или иные типы систем, одна из которых будет иметь преобладающее значение и влияние [2].

Холдинг как экономическая система представляет собой устойчивую в пространстве и во времени целостную и внутренне единую часть глобального социально-экономического пространства, выделяемого исследователем по пространственным и функциональным признакам. Эта система находится в посто-

янном взаимодействии с внешней средой. Динамично изменяющиеся внешние факторы воздействия актуализируют для холдинга задачу формирования механизмов устойчивого развития и повышения его конкурентоспособности. В качестве одного из аспектов повышения конкурентоспособности может быть рассмотрен характер интеграционных процессов, в которых он участвует. Особое значение интеграционные процессы приобретают, когда конкурентоспособность холдинга зависит от конкурентоспособности его производственных дивизионов, выпускающих конечную потребительскую продукцию. Деятельность холдинга обуславливает консолидацию всей технологической производственной цепи от производства и получения сырья до выпуска готовой продукции. При этом интеграционные процессы внутри холдинга обеспечивают повышение технологического уровня производства.

Развитие крупных холдинговых компаний определяет необходимость активного воздействия как на его сегмент, связанный с получением и производством сырья, так и на инфраструктуру, обеспечивающую сбыт готовой продукции. Реализация холдингами такой стратегии создает предпосылки для развития инновационных управленческих технологий, связанных с интеграцией в рамках кластера. При этом крупные холдинги, контролирующие всю цепочку от производства сырья, выпуска и сбыта готовой продукции, становятся инициаторами и своеобразными центрами, инициирующими процесс формирования кластеров.

Исследование холдинга в зависимости от характера его локализации во времени и пространстве позволяет выявить особенности и степень соотнесенности с типами систем. Во-первых, холдинг, как система объектного типа, имеет четкие границы в пространстве, безотносительно его временных границ. В качестве таких границ могут выступать границы расположения его ресурсообеспечивающих (сырьевых), производственных и сбытовых дивизионов. Во-вторых, средовая специфика системы не имеет локализации ни во времени, ни в пространстве, и для холдинга, как экономической системы, она характеризуется степенью специализации его дивизионов и условиями конкуренции. В-третьих, процессные особенности системы связаны с локализацией во времени и нелокализovanностью в пространстве, и для холдинга их можно соотнести с приоритетами сбыта продукции и уровнем спроса. Четвертый проектный аспект системы, связанный с локализацией в пространственном и временном масштабе, характеризуется возможностями региона расположения холдинговых дивизионов и факторами производственных процессов в них.

Холдинг как экономическая система осуществляет свою деятельность в сфере производства, потребления, распределения и обмена в конкретных пространственных границах. В соответствии с методологическим подходом Клейнера он относится к системам объектного типа [3].

Объектная сущность холдинга определяется через параметры, которые отвечают за устойчивое и стабильное функционирование в границах его деятельности. Определение проектных параметров позволяет характеризовать возможности холдинга, привносить локальные изменения и инновации. Регистрация процессных параметров показывает возможности решать задачи по распределению

потоков благ. Параметры, характеризующие средовые аспекты, позволяют оценить возможности холдинга по консолидации социально-экономического пространства. Совокупность этих параметров способна максимально проявиться при анализе роли холдинговой компании в интеграционных процессах создания и функционирования региональных производственных кластеров.

Характерной особенностью современного этапа развития экономики России в целом и региональных экономик ее субъектов является создание и функционирование промышленных кластеров. Субъекты, которые создают благоприятные условия для формирования кластеров, выходят на ведущие позиции в экономическом развитии территорий, а для страны в целом способны обеспечить повышение уровня ее конкурентоспособности. Для экономики России это особенно актуально в связи с тем, что она вошла в систему межстрановых экономических отношений по стандартам ВТО.

Основоположник кластерной модели анализа индустриально-производственных процессов в экономических системах М. Портер обозначает и характеризует непосредственную взаимообусловленность кластерных интеграционных процессов с конкурентоспособностью бизнес-структур и целых отраслевых промышленных комплексов. М. Портер дал определение кластера как «сконцентрированной группы взаимосвязанных компаний в соответствии с географическим признаком, а также специализированных поставщиков, поставщиков услуг, предприятий в соответствующих отраслях и вовлеченных в их деятельность учреждений в определенных областях, на основе свободной конкуренции в рамках совместной деятельности» [4]. Следовательно, кластер можно рассматривать как систему объектного типа.

Для дальнейшего анализа деятельности холдинга как экономической системы по инициированию процессов формирования кластера необходимо обозначить принципы и подходы к оценке факторов внешней среды. В качестве факторов внешней среды рассмотрим так называемые «внешние экономики» в виде доступности квалифицированной рабочей силы, динамичного развития сопутствующих отраслей и наличия специализации у внешних предприятий в соответствии со стадиями и сегментами производственных процессов [5].

Применение данной методики позволяет отслеживать процессы, связанные с производственной специализацией в рамках локально обособленных экономических пространств, и выявлять намечающиеся тенденции по определению процессов, имеющих между собой социально-экономические взаимосвязи, влияющие на процессы регионального развития.

Матрица параметров, которая способна устанавливать возможности холдинга как экономической системы, и инициировать процессы формирования региональных производственных кластеров, таким образом, будет состоять как из параметров, характеризующих сам экономический объект, так из параметров, характеризующих внешнюю среду.

К параметрам матрицы, характеризующим объект, можно отнести: уровень управленческой корпоративной культуры (система внутреннего регламентирования и принятая деловая практика); стратегию холдинга; затраты на рабочую силу и ресурсы; возможность удовлетворять запросы местных потребителей;

возможности по развитию партнерских отношений с предприятиями родственного производственно-сбытового профиля и ресурсообеспечения.

К параметрам внешней среды принадлежат: гражданско-правовые отношения; набор показателей, определяющих уровень конкурентных отношений; рыночная стоимость рабочей силы и ресурсов; наличие потребительского спроса на местном уровне; наличие предприятий родственного производственно-сбытового профиля и ресурсообеспечения.

Холдинг, инициируя процесс создания кластера, запускает процессы, обуславливающие формирование и развитие в рамках экономического пространства системы вертикальных связей. К вертикальным связям можно отнести приобретение необходимых ресурсов и сбыт готовой продукции посредством механизма купли-продажи, а к горизонтальным – связи, возникающие на уровне предприятий исходя из специфики их производственной взаимовыгодной специализации и использования технологий. Эти взаимосвязи будут в рамках используемой методологии регистрироваться набором процессных параметров, характеризующих возможности системы решать задачи распределения потоков благ. В качестве таких параметров выступают социальные отношения и сетевые взаимодействия предприятий.

Применим рассмотренную методологию к анализу деятельности конкретной холдинговой системы. Одним из таких субъектов экономики региона является холдинговая компания «Солнечные продукты». В структурно-организационном плане этот холдинг представляет собой вертикально интегрированную компанию, которая реализует свою бизнес-активность в различных секторах экономики. Основные направления деятельности: производство майонезов и соусов; производство специализированных промышленных маргаринов и жиров; производство фасованных маргаринов; производство мыла и технической продукции; фасовка бутилированного растительного масла; производство подсолнечного масла для промышленных переработчиков; приемка-хранение-отгрузка семян подсолнечника и зерновых; зернотрейдинг.

В холдинговую компанию «Солнечные продукты» входят: Саратовский жировой комбинат, Московский жировой комбинат, Новосибирский жировой комбинат, Аткарский маслоэкстракционный завод, МЖК «Армавирский», Элеваторхолдинг, троллейбусный завод «Тролза» в г. Энгельсе и кондитерский дом «Конфэшн». Холдинг занимает второе место по объему переработки подсолнечника в стране, является первым по производству хозяйственного мыла в СНГ и вторым по производству маргариновой продукции в России. В компании работают около пяти тысяч сотрудников [6].

Анализируя стратегию развития компании, следует отметить, что основной вектор управленческих действий определялся курсом на адаптацию входящих в нее бизнес-единиц к постоянно изменяющимся условиям внешней среды. При этом ставка делалась на постоянное обновление и модернизацию производственных мощностей, удовлетворяющих современному мировому уровню, на повышение эффективности и рентабельности как отдельных бизнес-единиц холдинга, так и всей системы в целом. Эффективность менеджмента в рамках созданного интеграционного объединения можно оценить по уровню эконо-

мического состояния отдельных производств до и после их вхождения в холдинговую компанию. Так, в 1998 г. Саратовский жировой комбинат как самостоятельное производство пребывал в кризисном экономическом состоянии, выпуск продукции составлял 300 тонн маргарина и 600 тонн майонеза в месяц. После вхождения его в состав холдинга стала активно проводиться модернизация производства и расширяться география сбыта его продукции. В настоящее время Саратовский жировой комбинат как бизнес-единица холдинга «Солнечные продукты» производит до 26 тыс. тонн маргарина, 3200 тонн майонеза и 2900 тонн мыла в месяц. Такой объем выпуска продукции вывел его на второе место по производству масложировой продукции в России [7].

Данное направление деятельности холдинга способствовало процессу его успешной интеграции в мировое экономическое пространство. Рынок сбыта продукции представлен такими странами, как Германия, США, Израиль, Китай, Литва и Грузия. Стратегия на реализацию инновационных технологий на основе постоянной модернизации производственного процесса, увеличения производственных линий и оптимизации управленческого процесса дает позитивные результаты в повышении авторитета холдинговой компании на региональном, общероссийском и международном уровнях.

Обновление и модернизация производства в рамках созданного холдинга имели системный характер и коснулись всех его бизнес-единиц. Например, суточная производственная мощность Аткарского маслоэкстракционного завода в 2001 г. находилась на уровне 350 тонн маслосемян в сутки, а после проведенных в рамках холдинга преобразований (инвестиции, оптимизация менеджмента) эта бизнес-единица холдинга стала занимать второе место в России по показателю перерабатываемого сырья, выйдя в настоящее время на уровень в 1800 тонн маслосемян в сутки. Рассматривая деятельность этого структурного элемента холдинга во внешнем пространстве его социально-экономического существования, следует отметить, что устойчивое и динамичное развитие позволило ему стать градообразующим предприятием на территории своего функционирования.

Еще одно предприятие, троллейбусный завод «Тролза», действует на территории Саратовской области в г. Энгельсе. До интеграции в качестве бизнес-единицы холдинга оно находилось в кризисном экономическом состоянии, несмотря на то что руководством предприятия прилагались усилия по активизации производственной деятельности: расширился перечень выпускаемых товаров, непрофильных для данного предприятия, в надежде получить устойчивый рынок сбыта за счет товаров народного потребления (ведра, столы, автомобильные принадлежности и т.д.), но это не смогло решить проблему устойчивого экономического развития предприятия. После вхождения завода в состав холдинга в 2003 г. у него как бизнес-единицы появились новые финансовые и организационные возможности: проведена модернизация производства и начат выпуск новых моделей профильной продукции, которые сразу же стали востребованными на рынке. Новые модели изначально были ориентированы на соответствие жестким стандартам и современным требованиям международного рынка, особенно в части экологии и социальной значимости (повышенная вместимость и доступность для людей с ограниченными физическими возможно-

стями). В результате проведенной модернизации предприятия в настоящее время его доля на российском рынке производства троллейбусов стала составлять 63%.

Таким образом, все предприятия, вошедшие в холдинг, получили новые возможности по производству, сбыту и расширению географии размещения своей продукции, особенно на международном рынке, за счет оптимизации и повышения качества менеджмента в рамках холдинговой компании.

Поиск новых организационных форм управления бизнес-процессами является отличительной чертой холдинговых компаний, которые ориентированы на оптимизацию управленческих расходов и привлечение дополнительных финансовых ресурсов. В качестве еще одного примера, иллюстрирующего это направление деятельности, можно рассмотреть проект, разработанный анализируемой холдинговой компанией, создания на территории Саратовской области частного индустриального парка с частичным финансированием при поддержке со стороны государства. Такое решение было озвучено на заседании Совета по инвестициям при губернаторе Саратовской области. Спецификой предложенного холдингом проекта также является его международная интеграционная составляющая, так как над реализацией проекта работают уже шесть крупных предприятий, а в 2015 г. количество участников дополнится четырьмя предприятиями, среди которых будут международные компании [8].

Анализируя возможности холдинговых компаний по активизации интеграционных процессов как на региональном, так и на международном уровне, интересно рассмотреть самооценку, которую делают руководители холдингов: «Крупные холдинги, такие как «Солнечные продукты», полностью готовы к условиям ВТО. Благодаря программам поддержки крупных перерабатывающих компаний в последнее время заметно выросла и конкурентоспособность фермерских хозяйств. Например, холдинг «Солнечные продукты» активно развивает сельхозпроизводителей Саратовской области» [9].

Оценивая роль холдинга в инициировании формирования регионального отраслевого кластера, отметим, что перспективы отрасли, связанной с производством масложировой продукции, напрямую обусловлены развитием системы обеспечивающих и родственных отраслей в агропромышленном комплексе региона в пределах единого регионального производственного кластера.

Региональные кластерные системы позволяют обеспечивать внедрение инновационных управленческих моделей, способных повысить эффективное использование существующих ресурсов и сглаживать негативные факторы внешней среды. Что касается приведенного примера деятельности масложирового холдинга и формирования соответствующего кластера, то наметившиеся тенденции свидетельствуют о формировании в отрасли системы экономических отношений, благоприятно влияющих как на производителей сырья, так и на предприятия, занимающиеся его переработкой. Кластерный подход, реализуемый в данной отрасли на основе интеграционных процессов, позволяет осуществить единую инвестиционную стратегию, что, как отмечалось в рамках рассмотренной модели, будет выступать одной из важных объектных характеристик кластерной системы, позволяющих оценивать уровень конкурентоспособности отраслевых предприятий агропромышленного комплекса региона и его инвестиционную привлекательность.

Библиографический список

1. Клейнер Г.Б. Системная парадигма и экономическая политика / Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 141–149.
2. Бряцнев И.И. Предпосылки создания холдинговых структур: анализ теоретико-методологических подходов // Вестник ПАГС. 2015. № 1 (46). С. 115–121.
3. Клейнер Г.Б. Системная организация экономики и концепция российской модернизации // Экономика образования. 2011. № 3. С. 34–40.
4. Портер М. Конкуренция / пер. с англ. М., 2000.
5. Маршалл А. Принципы экономической науки / пер. с англ. М., 1993. Т. 1–3.
6. О холдинге. URL: <http://solpro.ru>
7. Антонов С. «Букет» признанных достоинств // МК в Саратове. 2013. 18–25 дек.
8. Орлов А. Предмет для глубоких дискуссий. URL: <http://www.stroysar.ru/predmet-dlja-glubokih-diskussij/>
9. Вступление России в ВТО: перспективы масложировой отрасли. URL: nkoarmp.org/vstuplenie-rossii-v-vto-perspektivy-maslozhirovoj-otrasli/

T.V. Bakhareva
New Resources of a Company
in Today's Economy

The author analyzes the implicit knowledge and informal networks as new resources of modern firms. It is proved that modern companies use them as an economic resource to reduce transaction costs, transform the information assets into knowledge assets, and raise the professional quality of staff.

Key words and word-combinations: company, informal institutions, memocomplexes, implicit knowledge, informal networks.

Анализируются новые ресурсы современной фирмы, в качестве которых рассматриваются неявное знание и неформальные сети. Доказывается, что современные фирмы используют их в качестве экономического ресурса, обеспечивающего снижение транзакционных издержек, редукцию информационных активов в знаниях, повышающие профессиональные качества персонала.

Ключевые слова и словосочетания: фирма, неформальные институты, мемокомплексы, неявное знание, неформальные сети.

УДК 658.152
ББК 65.291.5

Т.В. Бахарева

НОВЫЕ РЕСУРСЫ ФИРМЫ
В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Современная экономика, трактуемая как экономика постиндустриального типа и характерная для более высокой стадии развития общества, обуславливает иные условия деятельности хозяйствующих субъектов, и прежде всего фирмы. Постиндустриализация, первой ступенью которой является информационная экономика, а затем базирующаяся на ней экономика, основанная на знаниях, объективно связана с переориентацией на иные ресурсные направления и приоритеты. Расширение ресурсных возможностей такого субъекта экономики как фирма, позволяет ей использовать в хозяйственной деятельности уникальные новые ресурсы, в качестве которых, на наш взгляд, могут выступать неявные знания и неформальные сети.

Новые ресурсы фирмы – это особые специфические активы, которые являются результатом специализированных инвестиций и не могут быть перепрофилированы для использования в альтернативных целях или альтернативными пользователями без потерь в их производственном потенциале. Эти ресурсы обладают особыми качествами: они являются неосязаемыми, невидимыми, но при этом приносящими реальные выгоды и прибыли.

По нашему мнению, структуры, генерирующие и аккумулирующие корпоративное неявное знание и неформальные сети как неформальные институты фирмы, имеют природу институциональных мемокомплексов. Речь идет о совокупности таких нормообразующих установок, как экономические правила, социокультурные навыки, доктрины, поведенческие образцы, которые являются уникальным генетическим набором и существуют на протяжении достаточно длительного времени, сохраняясь не только в памяти своих создателей, но и в корпоративной памяти фирмы.

Раскроем природу рассматриваемых неформальных институтов как новых ресурсов фирмы. Неявное знание, как таковое, амбивалентно с точки зрения эффективности, поскольку в одних случаях оно позволяет экономить на издержках обдумывания и взаимодействия, а в других – мешает перестроить восприятие, действие, поведение и взаимодействие в соответствии с изменившимися обстоятельствами. Особенность неявного знания вообще заключается в следующем: до известного момента его не замечают, а как только оно становится знанием явным, оказывается, что его обоснование проблематично. Неявное знание с трудом поддается не только алгоритмизации, но и простейшей вербализации, оно лично, многослойно и неоднородно, строго индивидуально, может агрегироваться в неявное корпоративное знание в рамках конкретной фирмы в соответствующих институциональных формах. Именно эти особенности и обуславливают уникальность, ценность и незаменимость его как экономического ресурса фирмы.

Обоснуем и рассмотрим основные формы институционализации неявного знания в фирме.

1. Наставничество. Наставничество, или менторство, менторинг (от лат. mentor – воспитатель, руководитель), – один из процессов институционализации. Оно в действительности достаточно распространено, и поэтому его можно отнести к «хорошо забытому старому». Отметим, что в условиях командной (плановой) экономики во многих сферах, например на промышленных предприятиях, в школах, училищах, техникумах, было развернуто наставничество, приносящее реальные результаты. В самом общем виде наставничество можно определить как способ передачи знаний, навыков и установок от более опытного человека менее опытному, начинающему свой профессиональный путь. Обучение на рабочем месте – подход к обучению персонала, объединяющий разные способы обучения и развития, которые могут применяться в отношении сотрудника без отрыва его от рабочей деятельности. К этим способам, в частности, относится и наставничество, и **коучинг**. Понятия наставничества и коучинга регулярно используются как синонимы, но не вполне правомерно, так как это не совсем одно и то же. Разница между наставничеством и коучингом

определяется тем, есть или нет у наставника (коуча) однозначно правильное решение стоящей перед подопечным задачи. Если такое решение есть, речь идет о наставничестве. Если такого решения нет, применяется коучинг. Этот водораздел определяет и сферу применения наставничества и коучинга как методов развития персонала: наставничество, как правило, используется для решения стандартных производственных задач, коучинг – применительно к многовариантной управленческой деятельности.

2. Сторителлинг. Данная форма институционализации неявных знаний достаточно проста и эффективна. Это подробные рассказы о прошлых действиях руководства, взаимодействии сотрудников или о каких-то событиях, которые обычно передаются в организации неофициально. С помощью сторителлинга можно передавать нормы, ценности и культуру, знания о системах управления. В условиях командной (плановой) экономики функции сторителлинга весьма плодотворно осуществляли наставники и руководители структурных подразделений на производственных совещаниях, конференциях по обмену опытом. В современных условиях эту функцию могут выполнять специальные структуры, например организованные внутрифирменные коммуникации с привлечением опытного персонала, работников собственного музея. Так, большинство крупнейших корпораций и в России, и за рубежом имеют собственные музеи истории создания и развития. Использование сторителлинга как неформального канала передачи и распространения богатейшего опыта каждой фирмы позволяет наращивать ее интеллектуальный капитал и соответственно получать интеллектуальную ренту.

3. Краудсорсинг. Одним из гуру краудсорсинга принято считать Джеффа Хау, автора одноименного труда «Краудсорсинг» [1]. Он определяет краудсорсинг как способ решения задач при помощи «коллективного разума» через Интернет. Дж. Хау считает, что «толпа» мудра, креативна и потрясающе продуктивна, идеально меритократична – возраст, пол, раса, образование, карьера не имеют значения. В рамках краудсорсинга приоритетно только качество работы, и если индивид способен предоставить сервис, разработать дизайн продукта или решить проблему, то у него есть все шансы получить работу, причем в любой точке мира. Краудсорсинг в современных зарубежных фирмах рассматривается как самый перспективный способ извлечения неявных знаний. В российской практике первой корпорацией, которая строит свою деятельность на основе вовлечения большого количества людей, всех сотрудников в процесс создания ежедневной ценности, стал Сбербанк, где разработаны эффективные методики организации краудсорсинга [2, с. 58]. Краудсорсинг обеспечивает участнику сопричастность с будущим данной фирмы, воплощение его идей в жизнь, в деятельность фирмы, работу в команде единомышленников, формирование высокоинтеллектуального корпоративного капитала, реальный шанс заявить о себе и доказать, реализовать в возрастающем доходе свои компетенции. Краудсорсинг является одним из ключевых понятий управления знаниями.

Существуют специализированные компании с опытом работы в данной области. Одна из них – Witology, молодая российская компания, специализирующаяся на разработке краудсорсинговых решений. Работа с компанией

Witology позволила фирме IBS (группа компаний IBS – ведущий поставщик программного обеспечения и ИТ-услуг в Восточной Европе) открыть новые горизонты рекрутинга с помощью краудсорсинга компании [3]. Witology предлагает своим клиентам краудсорсинговые операции, предполагающие формирование относительно небольшого хорошо подобранного и сработавшегося деятельного сообщества, способного решать аналогичные задачи. В компании Witology деятельные сообщества формируются, работают и развиваются в специально созданной для этих целей интеллектуальной среде, максимально приспособленной и оснащенной для коллективного решения сложных творческих и обычно междисциплинарных задач. Witology в феврале 2015 г. создала первый центр компетенций по краудсорсингу для мэрии Москвы [4]. Формирование собственного центра стало логичным продолжением серии совместных краудсорсинг-проектов Правительства Москвы и Witology. В проекте приняли участие более 7000 москвичей, предложивших более 5000 решений поставленных задач, лучшие из которых лягут в основу нового московского стандарта детского отдыха – документа, обязательного к исполнению для всех детских лагерей, сотрудничающих с Правительством Москвы.

Рассмотрим неформальные сети как новый ресурс фирмы. Неформальные сети представляют собой одну из разновидностей интегрированных сетей, включающих эндогенные (внутренние) сети и экзогенные (сети во внешней среде), и имеют все имманентные признаки сети как таковой. Разработчик сетевого подхода Х. Хакансон раскрыл основные характеристики сети индустриального типа [5]. Сети имеют особую природу и представляют собой «живые» структуры, непрерывно связывающие различных субъектов рынка, их ресурсы, виды производства, обмен друг с другом. Сети очень динамичны и постоянно изменяются, они неравновесные, открытые и не имеют завершенной конфигурации. Вместе с тем сети достаточно архаичны, такие радикальные изменения, как замена одного партнера другим партнером, полная реструктуризация сети в сравнении с другими структурами, редки.

Х. Хакансон считал, что две последние особенности сети дистанцируют ее от рыночных и от традиционно иерархических структур, в отличие от которых сети обладают более высокой гибкостью и быстрой реакцией на изменение правил игры ее участников, доминированием личных связей участников на основе высокого взаимного доверия к друг другу, что оптимизирует достижение договоренностей и повышает эффективность принятых решений. Очевидно, данные характеристики относятся и к неформальным сетям фирмы как разновидности неформальных институтов.

Под *неформальным институтом*, на наш взгляд, понимается устойчивая конструкция взаимосвязанных, при этом не фиксированных в знаковой форме, не кодифицированных, не узаконенных в привычном смысле слова правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы деятельности общества, субъектов, их поведение, механизмы принятия решений, мотивации, интересы, предпочтения, систему ценностей, ментальность и определяющих их (субъектов) систему ролей и статусов в общественной (социально-экономической) системе [6, с. 15]. Анализируя неформальные сети фирмы как определенную целостную систему взаимосвязей между участниками (индивидами –

работниками фирмы), влияющую на хозяйственную деятельность фирмы, приходим к заключению, что они обладают всеми указанными признаками неформальных институтов.

В рамках отдельной фирмы может существовать не одна неформальная сеть, а несколько, даже целая система неформальных сетей, при этом вовсе не исключен их выход за пределы данной фирмы для достижения соответствующих целей. Большинство из неформальных сетей фирмы свободно интегрируются в другие сети, например в социальные. В спонтанно возникших, называемых эмерджентными, неформальных сетях фирмы также имеются неписанные правила, неформальные нормы, служащие для участников сети своего рода ориентирами и эталонами поведения. Здесь все персонифицировано, при этом сравнительно мягко (не жестко) регулируется неформальными установками, нормами, традициями и системой ценностей данного сетевого сообщества. Принятие и исполнение этих норм подкрепляется соответствующей системой поощрений и санкций. В неформальной сети фирмы, как самоорганизующейся системе, нет центра, то есть единственного организующего начала, и нет единого лидера. Вместо него есть совокупность групп интересов участников со своими «локальными» лидерами.

Неформальная сеть фирмы не создается преднамеренно для достижения цели, четко вербализуемой и документально закрепляемой, как в формальных отношениях; она не имеет иерархической управленческой структуры со своими статусами, ролями и формальными инструментами единого контроля. Феномен неформальной сети фирмы весьма трудно наблюдать в силу его латентной природы, при этом отношения участников данной сети нередко сводят к неформальным связям самой фирмы как организации, к семейным и дружеским связям. Уточним, что неформальные сети фирмы, обладающие устойчивостью и эффективностью самоорганизующихся систем, достаточно закрыты и в качестве участников включают только персонал данной фирмы – работников, менеджеров, собственников, тесно взаимодействующих между собой в направлении достижения целей, связанных с деятельностью данной фирмы. Эти сети – самогенерируемые системы, способные поддерживать свою целостность спонтанных связей, отношений без внешнего контроля.

Выделим основные причины создания неформальных сетей в фирме, которые многообразны и обусловлены факторами не только собственно экономического порядка, но и неэкономического порядка. Прежде всего отметим стремление персонала фирмы – менеджеров, работников – к эффективному обмену информации, поиску новых массивов и источников информации, генерации на их основе новых знаний, используемых как новый ресурс наряду с традиционными ресурсами фирмы. Конечно, эти процессы осуществляются и в рамках формальных взаимоотношений, но здесь они имеют свои границы, связанные с субординацией работников фирмы, выполняемыми должностными обязанностями, властными полномочиями, персонифицируемыми отдельным кругом лиц – управляющими и т.д. Те же процессы в неформальных сетях протекают быстрее и с меньшими транзакционными издержками, поскольку совершается уход из зоны применения правила, снижение издержек следования правилу (производство соответствия формальным критериям с минимальными издержками)

и снижение издержек нарушения правила. Далее, формальные институты всегда поддерживаются конгруэнтными неформальными институтами, и если они высококомплементированы, то это повышает эффективность хозяйственной деятельности фирмы, особенно в части принятия и исполнения решений. Кроме того, существует высокая заинтересованность в поддержке неформальных сетей со стороны собственников, топ-менеджмента. Неформальные каналы связи и контроля в значительной степени влияют на качество управления, нередко формальные каналы управления не могут справиться с объемом принимаемых решений. В современных условиях массовой информатизации и валоризации знаний как ресурса персонал фирмы нацелен на деятельность в виртуальной среде, диффузию знаний, обмен явными и неявными знаниями, на доверие к коллегам, коллективное принятие решений. Наконец, участие в неформальных сетях фирмы дает психологическую комфортность: чувство принадлежности, сопричастности, защиту и взаимопомощь, более персонализированное общение.

Автор полагает правомерным выделить дуальные экстерналии неформальных сетей, представляющих важный ресурсный актив фирмы в современных условиях. Так, в числе положительных экстерналий неформальных сетей фирмы следует отметить генерацию новых информационных потоков, на основе которых происходит процесс создания корпоративных знаний, несущих новые идеи и замыслы относительно эффективной работы данной фирмы, новые решения имеющихся и возникающих проблем. Наряду с положительными экстерналиями неформальных сетей необходимо выделить и отрицательные – чрезмерное взаимодействие персонала в ущерб выполнению их непосредственных профессиональных и должностных обязанностей, отвлечение ресурсов, в том числе временных, стойкая зависимость от неформальных сетей, непредсказуемость действий участников неформальной сети, что повышает риски принятия решений.

Неформальные сети – новый ресурс фирмы, его можно использовать в определенных направлениях, что ведет к повышению доходов фирмы, ее эффективности. Неформальные сети как новый ресурс фирмы позволяют редуцировать из неявных знаний, которые имманентны всем работникам, явные знания, формировать на их основе корпоративные знания. Вовлечение в этот процесс как можно большего числа работников дает синергетический эффект, проявляющийся в самоорганизуемом процессе повышения квалификации персонала, его интеллектуального потенциала, повышении конкурентоспособности фирмы.

Библиографический список

1. Хау Дж. Краудсорсинг: Коллективный разум – будущее бизнеса // пер. с англ. М., 2012.
2. Акаев Д.В. Использование краудсорсинговых интернет-проектов в социально-политических процессах // Вестник ПАГС. 2013. № 4 (37). С. 56–60.
3. IBS и Witology открывают новые горизонты рекрутинга с помощью краудсорсинга. URL: <http://witology.com/media/news/press-releases/433/>
4. Witology создала первый центр компетенций по краудсорсингу для мэрии Москвы. URL: http://witology.com/blog/elena_popkova/419/
5. Hakanson H. Evolution Processes in Industrial Networks // Industrial Networks: A New View of Reality. L., 1992.
6. Бахарева Т.В. Неформальные институты как объект научного анализа // Вестник СГСЭУ. 2012. № 5 (44).

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

D.V. Akaev
The International
Scientific-Educational Forum
“We Are Managers”
(Saratov, Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration,
April 15–17, 2015)

Д.В. Акаев

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОРУМ
«МЫ – УПРАВЛЕНЦЫ!»
(Саратов, Поволжский
институт управления
имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ,
15–17 апреля 2015 г.)**

В Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина 15–17 апреля 2015 г. состоялся уже традиционный Международный научно-образовательный форум «Мы – управленцы!». В течение трех дней в рамках форума прошли различные мероприятия научной и образовательной направленности для студентов, магистрантов и аспирантов: XIII международная научно-практическая конференция студентов, магистрантов и аспирантов на английском языке «Коммуникативные вызовы XXI века»; международные семинары с представителями Северо-вирджинского колледжа (США) и Университета г. Баффало (США); олимпиады; круглые столы; открытые лекции; деловые игры; конкурсы.

Открылся форум пленарным заседанием международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов «Современные технологии государственного управления: экономика, политика, право». В приветственном слове председатель совета молодых ученых и специалистов института кандидат социологических наук Д.В. Акаев подчеркнул значимость проводимого мероприятия, сформулировал основные задачи, стоящие перед участниками конференции, определил организационные аспекты форума.

На пленарном заседании слово для выступления было предоставлено студентам и аспирантам института, активным участникам научной жизни, стабильно показывающим высокие результаты исследовательской работы. В частности, доклад аспиранта кафедры политических наук А.А. Левченко вызвал особый интерес присутствующих, так как затронул актуальную тему представительства региональных отделений политических партий в органах государственной власти Саратовской области. О своих исследованиях в области выявления профессионально важных качеств инновационной деятельности субъекта рассказала аспирант, преподаватель института Г.Г. Губайдуллина (ее разработки ранее были успешно представлены на всероссийском конкурсе «Молодые профессионалы устойчивого будущего России»). Современным процессам геймификации и игровым технологиям, набирающим популярность в Саратовской области, посвятил свое выступление студент четвертого курса направления подготовки «Реклама и связи с общественностью» Д.Е. Тарарин.

Далее слово было предоставлено команде студентов и преподавателя института, в круг научных интересов которых входит разработка стартап-проектов. Кандидат социологических наук, доцент О.А. Милючихина обозначила основные процессы в современной российской экономике, стимулирующие предпринимательство. В продолжение дискуссии студенты второго курса направления подготовки «Экономика» Д.Ю. Суряднов, Ю.Р. Погосян, Д.В. Калинин рассказали об этапах создания и разработки стартап-проектов и о своем опыте участия в конкурсах на лучший проект. Студенты пятого курса А.В. Семёнов, Д.С. Рыбчинский выступили с докладом, затрагивающим вопросы оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов как института повышения эффективности нормотворчества, акцентировав внимание на существующей практике.

Работа конференции продолжилась в 18 секциях, в рамках которых рассматривались современные технологии государственного и муниципального управления; информационно-телекоммуникационные технологии в науке, экономике, культуре, управлении; инновационные технологии управления современными организациями; особенности развития системы государственного управления в России; правовые основы управления системой обеспечения национальной безопасности РФ. Кроме этого, научные доклады осветили проблемы современных технологий и принципов управления информационно-документационными ресурсами; социально-экономических аспектов управления экономическими системами в условиях модернизации; развития финансово-налоговых инструментов как основы стабильного функционирования экономической системы; правоприменительной деятельности органов публичной власти. Не менее интересными стали доклады, посвященные новым инструментам и механизмам управления социально-эконо-

мическими системами; роли малого бизнеса в формирующихся глобальных экономических системах; коммуникативным основаниям управления деятельностью современных организаций; медиатехнологиям в политическом управлении современным обществом; математическому моделированию в экономике и управлении; реализации кадровых технологий в условиях экономической нестабильности.

Всего в конференции приняли участие 500 молодых ученых, в сферу научных интересов которых входят современные технологии государственного управления, а именно экономические, политические и правовые аспекты. Среди участников конференции студенты, магистранты, аспиранты, преподаватели Поволжского института управления имени П.А. Столыпина, Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова, Института развития бизнеса и стратегий Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., Саратовского социально-экономического института РЭУ имени Г.В. Плеханова, Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Весьма обширна география гостей форума. В работе конференции приняли участие представители Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), Самарского государственного университета, Уфимского государственного университета экономики и сервиса, Высшей школы государственного администрирования Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Амосова (Якутск), Анапского филиала Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова, Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Владимирского филиала РАНХиГС, Киевского национального университета имени Т. Шевченко (Украина,), Северо-вирджинского колледжа (США), Университета г. Баффало (США).

Еще одним форматом работы международного форума стали проведенные в вузе научные дискуссионные круглые столы. Так, под руководством кандидата экономических наук, профессора А.В. Кондратьева и кандидата экономических наук, доцента В.Н. Саранцева молодые ученые обсудили проблемы повышения эффективности финансово-кредитных и налоговых инструментов регулирования экономики. При поддержке модератора кандидата экономических наук, доцента О.Н. Терентьевой докладчики определили новые задачи экономики и управления в условиях кризиса, а под руководством кандидата социологических наук, доцента Е.Р. Грязновой и старшего преподавателя Ю.А. Борщевой авторы разносторонне оценили вклад профессора А.Я. Кибанова в науку управления персоналом.

Помимо интересных научных мероприятий в виде круглых столов, мастер-классов, деловых игр и открытых лекций, успешно проводились международные научно-образовательные семинары с представителями партнерских вузов США. Так, профессор кафедры английского языка и речевой коммуникации Северовирджинского колледжа США Кейти Вивона и кандидата философских наук, доцент кафедры английского языка Поволжского института управления Галина Анатольевна Балыкина проанализировали вопросы профессиональной

этики в управленческой сфере. В свою очередь, представители университета г. Баффало (США) Кортни Берроуз и Валентина Сандерс вместе с сотрудником центра международных программ и проектов института Валентиной Сергеевной Пальковой через универсальные ценности и риски определили профессиональные программы современных менеджеров. Подобные дискуссии полезны молодым людям, делающим первые шаги в науке, так как помогают определить истинные научные ценности, отвлечься от политического популизма последнего времени и научиться выстраивать объективный диалог с представителями различных научных школ и направлений.

Безусловно, состоявшийся международный научно-образовательный форум стал ярким и запоминающимся событием 2015 г. В течение трех весенних дней каждая учебная аудитория и актовый зал Поволжского института управления имени П.А. Столыпина «кипели» под напором разразившихся научных баталий молодых ученых и специалистов. Ни один поднятый вопрос, ни одна протянутая рука не остались без ответа.

Организационный комитет выражает благодарность всем молодым ученым, принявшим участие в международном научно-образовательном форуме, и надеется на дальнейшее сотрудничество.

E.V. Chekmarev
From the Experience
of Implementation
of the "Liberal Clubs" Program
in the Saratov Region

Э.В. Чекмарёв

**ИЗ ОПЫТА РЕАЛИЗАЦИИ
ПРОГРАММЫ
«ЛИБЕРАЛЬНЫЕ КЛУБЫ»
НА ТЕРРИТОРИИ
САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Под названием «В какой России хотела бы жить современная молодежь?» проходят дискуссии в районах Саратовской области в 2015 г. В целом же более шестнадцати лет на территории региона реализуется программа «Либеральные клубы Фонда Фридриха Науманна», представляющая собой открытые дискуссионные площадки по значимым общественным темам, участниками которых являются молодые люди разного возраста. Первое мероприятие состоялось в мае 1998 г. на базе Саратовской государственной академии права на тему: «Станет ли поколение 90-х

ответственными гражданами?». К марту 2015 г. состоялось свыше четырехсот заседаний клуба, в которых приняли участие более двенадцати тысяч молодых людей – студентов всех вузов Саратова, представители всех муниципальных образований Саратовской области, а также соседних регионов: Тамбовской, Волгоградской, Пензенской, Самарской, Астраханской области и других регионов России. В чем же секрет столь долгой и успешной реализации проекта на территории региона, его поддержки со стороны как власти, так и общественности? Что же такое дискуссия и, конкретно, либеральные клубы?

Дискуссия – это прежде всего обсуждение какого-либо вопроса. Но, как отметил постоянный представитель Фонда Фридриха Науманна в России и странах СНГ с 1993 по 2009 г. доктор Фальк Бомсдорф, это в конечном счете всегда спор о том, в какой действительности мы хотим жить. Выборам предшествует определенный процесс, в рамках которого формируются коллективное общественное сознание и психология общества, решается вопрос: способно оно прийти к консенсусу или нет. Координатор региональных программ Фонда Фридриха Науманна Галина Козлова подчеркивала, что «основная задача программы «Либеральные клубы» – становление традиции и принципа общественной дискуссии как нормы жизни любого коллектива от школьного класса до Президентского совета. Умение слышать мнение оппонента и быть услышанным, привычка не молчать при праве на молчание, отрицающая вечное «моя хата с краю», также станет шагом к подлинному достоинству и ответственности гражданина».

Благодаря данному проекту на практике реализуется идея гражданского общества, где при сосредоточении усилий общественных объединений и их лидеров, представителей муниципальной власти, органов государственного управления и системы образования проводятся мероприятия непосредственно для населения и наиболее активной ее части – молодых людей. Распределение ресурсной базы при подготовке и проведении дискуссий способствует их эффективности. Так, при технологическом участии Фонда Фридриха Науманна в Российской Федерации и административной поддержке партнеров программы – избирательной комиссии, министерства образования области, министерства молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области, вузов города – решались концептуальные, организационно-технические вопросы проведения мероприятий на территории муниципальных образований; при содействии органов по делам молодежи муниципальных образований и территориальных избирательных комиссий, вузов и ссузов региона определялись места проведения и состав участников; проводились же дискуссии инициативной группой в составе эксперта, ведущего, помощника ведущего, где роли каждого четко определены технологией проведения.

Особое значение при формировании программы дискуссий всегда отводилось ежегодным посланиям Президента РФ Федеральному Собранию. Именно на основе этих посланий и формируются конкретные вопросы для обсуждений их молодыми людьми. Так, в раздаточный материал программы дискуссий 2015 г. включены выдержки из Послания Федеральному Собранию Президента РФ В.В. Путина от 4 декабря 2014 г., например: «Главное сейчас – дать гражданам

возможность раскрыть себя. Свобода для развития в экономике, социальной сфере, в гражданских инициативах – это лучший ответ как на внешние ограничения, так и на наши внутренние проблемы. И чем активнее граждане участвуют в обустройстве своей жизни, чем более они самостоятельны как экономически, так и политически, тем выше потенциал России».

Главное значение и уникальность данного проекта, по мнению большинства участников, состоит в способе проведения дискуссий. Они организуются в свободном режиме, где каждому дается возможность выступить и аргументированно отстаивать свою точку зрения по поставленным вопросам.

Тематика же дискуссий в значительной мере определялась духом времени, конкретной ситуацией. В 2000 г. например, в сорока муниципальных образованиях области состоялись 50 Либеральных клубов (ЛК) на тему: «Станет ли поколение 90-х ответственными гражданами?». В 2002 г. организованы 36 ЛК с общей тематикой: «Что нужно России, если она хочет быть интегрированной в Европейское сообщество?». В 2003 г. проведены 45 ЛК с общей тематикой: «Есть ли у молодых россиян политический выбор?». В 2004 г. прошел ЛК на тему: «Сладкое слово свобода – что это значит?». В 2006 г. состоялись дискуссии на тему: «Готова ли Россия к демократии?» в 25 городах области. В 2007 г. проведены клубы на тему: «Россия и Европа: врозь или вместе?» в 34 муниципальных образованиях. В 2008 г. состоялось 36 ЛК на тему: «В какой России хотела бы жить современная молодежь?». В 2009 г. проведены ЛК на тему: «Молодежь вчера, сегодня, завтра: ценности непохожих?» в шести муниципальных образованиях области. В 2010–2011 гг. состоялись ЛК на тему: «Молодежь – субъект модернизации России?» в Балакове, Вольске, Балашове, Романовке, Степном и других районных центрах. В 2012 г. проведены ЛК на тему: «“Новые люди” современной России – “что делать” молодежи в меняющемся мире?» в Марксе, Пугачеве, Самойловке, Красноармейске, Энгельсе, Саратове, и других городах. В 2013–2014 гг. состоялось свыше 28 дискуссий на темы: «Что нужно молодежи современной России, чтобы стать креативным классом?» и «Готовы ли молодые люди современной России быть патриотами?».

В 2000–2002 гг. основные темы дискуссий были связаны с реализацией молодежной политики в регионе, обозначалась конкретная цель: создание молодежных общественных советов в каждом муниципальном образовании. В 2003 г., когда состоялись выборы депутатов Государственной Думы IV созыва, на обсуждение были вынесены следующие две темы: «Демократические выборы для молодежи сегодня: игра, реальность или надежды?» и «Что нужно молодежи России, чтобы в полной мере реализовать возможности демократии?». Примечательно, что среди участников дискуссии оказались не только молодые избиратели, но и те, кому еще не исполнилось восемнадцати лет, кто в силу своего возраста только размышляет о предстоящей возможности непосредственного, личного участия в выборах.

Рассматривая содержание дискуссий одного из клубов 2003 г. на тему: «Что нужно молодежи России, чтобы в полной мере реализовать возможности демократии?», важно отметить, что в первом блоке дискуссия начиналась с самопредставления и работы с карточками по вопросам: «Какой личный выбор

был наиболее существенным в моей жизни?» и «Какого наиболее существенно права выбора я был лишен?». В дальнейшем шло обсуждение следующих проблем: «Выбор есть всегда или “мы рабы обстоятельств”?», «Наша жизнь больше зависит от наших собственных решений или от решений, принятых за нас?», «В каком возрасте человек получает или должен получать право выбора?». Характерно, что более чем из тысячи ответов на вопрос: «Какой мой личный выбор был наиболее существенным в моей жизни?» около 85% респондентов подчеркнули образование, профессию, специальность. И только в двадцати карточках отмечался политический выбор как наиболее существенный в жизни молодого человека. Безусловно, проблемы обеспечения жизни во все времена стояли на первом месте, но настораживает тот факт, что из личного выбора практически выведен гражданский и общественный интерес. Большинство участников подчеркивалось, что они не были лишены никакого права выбора. Тем не менее имелось около пятидесяти карточек, где отмечалось, что молодые люди лишены права выбора Президента страны в силу своего возраста, который ниже установленного законом. Важно подчеркнуть, что эта группа была практически всегда персонифицирована на личность Президента РФ В.В. Путина. Примерно половина участников дискуссий отмечала, что сегодня очень многое зависит от обстоятельств. В качестве таковых в основном назывались материальные средства, деньги. Некоторые респонденты расценили как обстоятельство, ограничивающее наши права, сам закон, далекий от совершенства, а порой и само общество, которое не позволяет сегодня мыслить «по-другому», хотя этот критерий представляется необходимым для осуществления идеалов демократического государства. При обсуждении возрастных параметров активного участия в политической жизни встречалась и такая точка зрения: почему сегодня участие в выборах ограничивается только нижней планкой возраста и нет ограничений по старости? Впрочем, большинство участников считают, что установленный законом возраст участия в голосовании с 18 лет в настоящее время оправдан, и только треть опрошенных отмечают, что его можно снизить до 14–16 лет, а пять часть респондентов выступают за увеличение возраста до 20–23 лет.

Второй блок дискуссии посвящен непосредственно проблематике участия в выборах. Работа начинается с карточки содержащей вопрос: «Что означает для меня участие в выборах?». Большинство определяет для себя участие в выборах как реальную возможность изменить жизнь к лучшему, как надежду на лучшее будущее, хотя встречаются ответы (их не более 50), в которых выборы понимаются как формальность и фикция. Очень интересно дискутируется вопрос: «Участие в выборах – это право или обязанность?», где более половины респондентов считают, что участие в выборах – это все же право, хотя существуют точки зрения о необходимости сделать данный процесс обязанностью, и тогда каждый гражданин почувствует свою причастность к жизни государства. В идеале же многие молодые люди видят свое участие как реализацию гражданского долга, но в настоящее время по многим объективным и субъективным аспектам оно не осуществляется. При обсуждении вопроса «Меняют и могут ли выборы изменить нашу жизнь?» дискуссия сосредоточилась на деятельности

Президента РФ, где большинство участников отметили происходящие изменения в России, носящие скорее положительный характер, хотя существовало несколько противоположных точек зрения.

Наиболее активным и продуктивным оказался третий блок дискуссии, где в ходе групповой работы участники либо устанавливали критерии для оценки учебных программ политических партий, разработанных избирательной комиссией области, либо приводили аргументы в обоснование одной из следующих четырех позиций: «Мое личное участие в выборах смысла не имеет», «Выборы – это прежде всего институт демократии, и участие в выборах важно само по себе», «Я обязательно приму участие в выборах, чтобы поддержать определенную партию или кандидата», «Главное, чтобы выборы были честными, и я буду участвовать в них в качестве наблюдателя или в аналогичной роли». Излагались аргументы и для обоснования позиций: «Я обязательно приму участие в выборах, чтобы поддержать курс нынешнего правительства» и «Я обязательно приму участие в выборах, чтобы поддержать оппозиционные партии или кандидатов».

От обсуждения общих вопросов – выбора вообще и его места в нашей жизни – дискуссия переходит к анализу проблем участия или неучастия в выборах. Кульминацией обсуждения является возможность на практике смоделировать поведение на выборах – от негативного «неучастия» до позитивного участия в роли организаторов выборов, а также посмотреть возможные варианты осознанного выбора программ политических партий.

В ходе дискуссий 2003 г. также проводилось добровольное анкетирование. Анализируя данные анкетирования 27 дискуссий, важно отметить, что на вопросы анкеты ответили 655 человек, из них: 76% респондентов считают для себя необходимым политическое участие, более того, 54% назвали важным участие в деятельности общественной организации и 44% – в выборах. Эти данные позволяют сделать вывод, что в целом молодые люди позитивно смотрят на проблему участия в выборах, и требуется только использовать этот интерес в реальной практике. В частности, на вопрос «Собираетесь ли Вы принять участие в выборах в Государственную Думу?» утвердительно ответили 59% респондентов. При этом 90% из них подчеркнули: свое решение они будут основывать только на личном мнении. Интересно распределились ответы на вопрос «Какие политические партии, по Вашему мнению, способны сегодня оказать положительное влияние на обстановку в стране»: 57% отметили «Единую Россию», 15% – СПС, 14% – ЛДПР, 7% – «Яблоко», 5% – КПРФ и только 1% респондентов посчитали, что никакая политическая партия в нынешних условиях не способна оказать реального положительного влияния на обстановку в государстве.

В феврале 2011 г., раскрывая тему: «Что нужно молодежи России, чтобы стать субъектом модернизации?», молодые люди г. Энгельса перечислили значения слова «молодость»: безграничные возможности, время воплощения задуманных идей и воплощение надежд, время, когда «от жизни можно взять все», время получения максимума удовольствий, умение радоваться мелочам, энергия, сила, свобода, здоровье, подготовка к старости.

В ходе работы с карточками по вопросу: «Что такое модернизация лично для меня и применительно к России?» участники отметили следующее: совершенствование, нововведения, улучшающие жизнь, «шаг вперед», «устройство мечты», полное изменение старого, совершенствование себя. По мнению участников диспута, модернизация применительно к России – это повышение уровня жизни, развитие слабых качеств страны, совершенствование необходимого, пересмотр и улучшение всех сфер государственности.

В дальнейшем участники дискуссии обсуждали вопрос: «Какие изменения нужно произвести в стране, районе, в себе, чтобы модернизация была успешной?». Участники определили, что нужно менять свои интересы, приоритеты, ценности, а также желания и цели. Государству стоит переходить на новый технологический уровень, повышать заработную плату населения и реализовывать новые проекты. Некоторые отмечали, что в политике и общественной сфере остался советский режим, старое мышление и образ жизни. Отвечая на вопрос «Базовые ценности молодежи в современных условиях: нужно ли их менять?», наиболее активные участники указывали, что нужно менять свое отношение к органам власти, к окружению, к себе, отказываться от западных ценностей (индивидуализм, культ денег, «успех» во что бы то ни стало), стереотипов (наслаждение жизнью, чрезмерная свобода) и вернуть такие базовые ценности россиян, как семья, любовь, взаимоуважение и качественное образование.

Работая в группах, участники, рассуждая на тему: «Какая модернизация нужна молодежи современной России?», отметили необходимость формирования социального государства, имеющего международный статус, стимулирующего инициативу, ведущего борьбу с коррупцией и преступностью. «Лично я» могу только не стоять в стороне, выдвигать идеи, участвовать в выборах, платить налоги, получить нужное для меня и государства образование, поддерживать отечественного производителя, быть волонтером.

В заключение дискуссии участники определили, какие характеристики нужны молодежи России, чтобы стать субъектом модернизации. Большинство выступающих отметили необходимость стремления к цели у молодых людей (которого сейчас нет, все «плывут по течению»), заинтересованность, знание прав и обязанностей, отстаивание своего мнения, отказ от иждивенчества («дайте»), участие в политической жизни страны, наличие активной жизненной позиции, рефлексия о том, какое будущее будет у нас и у наших детей.

В 2013 г. инициативной группой были разработаны две основные темы для дискуссий: «Что нужно молодежи современной России, чтобы стать креативным классом?» и «Готовы ли молодые люди современной России быть патриотами?». Применялась методика «коллективной памяти», материалы которой в последующем вводились в научный оборот. В частности, проведенная 6 мая 2013 г. в пос. Екатериновка Саратовской области дискуссия показала, что для многих «Патриотизм – это ...?»: служение стране, чувство любви и долга своей стране, способность уважать и любить Родину, любовь к народу вне зависимости от национальности, сохранение ценностей, ответственность перед предками, ответственность перед предыдущими поколениями, равнодушие к жизни

поселка, ответственность за Родину, любовь и уважение к Родине, гордость за свою страну. В итоге работы с карточками, содержащими ответы на вопрос «Способны ли молодые люди современной России уважать и любить Родину или патриотом быть выгодно?», разгорелась острая дискуссия по поводу чувства патриотизма разных поколений. Большинство участников отстаивали позицию, что поколение отцов и тем более дедов сегодня более патриотично, чем молодое поколение, которое готово за блага цивилизации «продать свою Родину».

По вопросу «Могут ли молодые люди чем-либо пожертвовать ради Родины? Если да, то чем? Если нет, то почему?» мнение аудитории разделилось примерно поровну, среди ответов «да» звучали следующие аргументы: готовы жертвовать комфортной жизнью за границу, своим временем, жизнью, здоровьем; среди ответов «нет» – сегодня многие не готовы ничем жертвовать, так как все упирается в деньги.

Отвечая на вопрос «Я – патриотом быть обязан?», многие сочли, что сегодня никто патриотом быть не обязан, так как государство не создает условия для зарождения этого чувства. Раскрывая вопрос «Патриотизм “для меня” и “для государства”: что объединяет и различает эти понятия?», многие участники отстаивали позицию, что сегодня государство хочет, чтобы ему все давали и ничего не предлагает взамен для развития личности.

Рассуждая «Кто должен растить патриотов: государство, школа, семья – или же патриотом можно стать самостоятельно?», большинство участников дискуссии отметили, что самостоятельно стать патриотом невозможно. Только соединив усилия государства и общества, можно вырастить патриотов, главное, чтобы они не стали «машинами» современной идеологии.

В заключении дискуссии участникам дискуссии было предложено дать ответ на вопрос «Готовы ли молодые люди современной России быть патриотами?». Мнение аудитории разделилось примерно поровну: некоторые отмечали, что патриоты будут всегда, другие парировали им, что сегодня все продались за деньги, главное, отмечали они, что нет образца для патриотизма, не предлагается гарантий со стороны государства.

На наш взгляд, важно подчеркнуть, что реализуемая программа имеет широкий резонанс как в молодежной среде, так и в общественном движении Саратовской области в целом. За эти годы накоплен обширный багаж тем дискуссий, навыков, связей, методик, организационных и логистических составляющих, направленных на качественную подготовку и проведение дискуссионных клубов. Более ста публикаций в областных и муниципальных печатных и электронных СМИ подтверждают крайнюю актуальность данной формы работы. В ближайшее время осуществление названного проекта продолжится. Для реального наполнения содержанием идеи модернизации и инновационного развития нашей страны требуется содействовать формированию политически активных молодых людей, осознанно отстаивающих и защищающих свои интересы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуазимов Окилжон Уткурович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Национального университета Узбекистана
e-mail: o.abduazimov@dba.uz

Акаев Дмитрий Валерьевич – кандидат социологических наук, председатель совета молодых ученых и специалистов Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: d_akaev@mail.ru

Бахарева Татьяна Владимировна – аспирант кафедры институциональной экономики и экономической безопасности Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
e-mail: tbahareva-74@mail.ru

Брянцев Иван Иванович – аспирант кафедры экономики и таможенного дела Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: ivbryancev@gmail.com

Голобородько Андрей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по учебной и воспитательной работе Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета
e-mail: goloborodko2009@mail.ru

Горбачёв Михаил Валерьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Саратовской государственной юридической академии
e-mail: ussr-86@mail.ru

Гринченко Катерина Александровна – аспирант кафедры служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: grinchenko_katya@mail.ru

152   2015 ● № 4 (49)

Даутов Владимир Владиславович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: vladimir-dautov@yandex.ru

Демидова Марина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: demidovamv@rambler.ru

Журавлёв Владимир Иванович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Российской международной академии туризма (г. Москва)
e-mail: Zhuraviev_vi@mail.ru

Иванов Артем Алексеевич – аспирант кафедры гражданского и международного частного права Саратовской государственной юридической академии, учитель обществознания и права МОУ «СОШ № 53» (г. Саратов)
e-mail: docswar@mail.ru

Коробов Андрей Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: aakorobov@inbox.ru

Кудаев Александр Викторович – адъютант Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: alex14011977@mail.ru

Лучков Николай Андреевич – кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры антикризисного управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Luchkovna@mail.ru

Максимова Лариса Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: larisa-maksimova@yandex.ru

Омариева Альвина Наримановна – преподаватель кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: llandag@mail.ru

Пилипенко Елена Александровна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры инженерной физики Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова
e-mail: e.pilipenko@bk.ru

Рамазанов Камиль Нажмутдинович – кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kamilram@rambler.ru

Ревуцкая Елена Альфонсовна – доцент кафедры английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: Carolina2912@rambler.ru

Рязанов Александр Владимирович – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: alexandr.ryazanov@gmail.com

Савенко Андрей Александрович – преподаватель кафедры обеспечения служебно-боевой деятельности внутренних войск Саратовского военного института внутренних войск МВД России
e-mail: andrey-sava@mail.ru

Сметанников Сергей Станиславович – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: aerevar@mail.ru

Фёдорова Анна Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Цыбулевская Ольга Ивановна – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: olga77.54@mail.ru

Чекмарёв Эдуард Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Поволжского института имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: chekmarev@nm.ru

154   2015 ● № 4 (49)

Ширманов Евгений Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории и мирового политического процесса Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарёва (Саранск, Россия)

e-mail: ev-gen.shirmanov@mail.ru

Шишкина Вероника Ивановна – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

e-mail: vero1202@yandex.ru

Щербакова Мария Владимировна – ассистент кафедры экономики и управления Магнитогорского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

e-mail: marial85@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Okilzhon Utkurovich Abduazimov – Candidate of Sciences (Sociology), Senior Scientific Employee of the National University of Uzbekistan
e-mail: o.abduazimov@dba.uz

Dmitry Valerievich Akaev – Candidate of Social Sciences, Chairman of the Council of young scientists and specialists, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: d_akaev@mail.ru

Tatiana Vladimirovna Bakhareva – post-graduate student of the Institutional Economy and Economic Safety Chair, Saratov Socio-Economic Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics
e-mail: tbahareva-74@mail.ru

Ivan Ivanovich Bryantsev – post-graduate student of the Economics and Customs Business Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: ivbryancev@gmail.com

Andrey Yurievich Goloborodko – Candidate of Sciences (Philology), Docent, Deputy Director for Academic and Educational Work, Tchekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State University of Economics
e-mail: goloborodko2009@mail.ru

Mikhail Valerievich Gorbachev – Candidate of Sciences (Politics), Docent of the Theoretical and Applied Political Science Chair, Saratov State Academy of Law
e-mail: ussr-86@mail.ru

Katerina Aleksandrovna Grinchenko – post-graduate student of the Service and Labor Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: grinchenko_katya@mail.ru

Vladimir Vladislavovich Dautov – Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Sociology and Social Policy Chair, Stolypin Volga Region Institute of the Russian President Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: vladimir-dautov@yandex.ru

156   2015 ● № 4 (49)

Marina Vladimirovna Demidova – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: demidovamv@rambler.ru

Vladimir Ivanovich Zhuravlev – Candidate of Sciences (Law), Docent, Head of the State and Legal Disciplines Chair, the Russian International Academy for Tourism (Moscow)
e-mail: Zhuraviev_vi@mail.ru

Artem Alekseevich Ivanov – post-graduate student of the Civil and International Private Law Chair, Saratov State Academy of Law, teacher of social science and law at the Secondary School No. 53 of the City of Saratov
e-mail: docsvar@mail.ru

Andrey Aleksandrovich Korobov – Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: aakorobov@inbox.ru

Aleksandr Viktorovich Kudaev – post-graduate student of the Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia
e-mail: alex14011977@mail.ru

Nikolay Andreevich Luchkov – Candidate of Sciences (Sociology), Professor of the Crisis Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Luchkovna@mail.ru

Larisa Nikolaevna Maksimova – Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: larisa-maksimova@yandex.ru

Alvina Narimanovna Omarieva – lecturer of the Civil Law and Procedure Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: llandag@mail.ru

Elena Aleksandrovna Pilipenko – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Docent of the Engineering Physics Chair, Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov
e-mail: e.pilipenko@bk.ru

Kamil Nazhmutdinovich Ramazanov – Candidate of Sciences (Sociology), Docent of the Public Administration Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: kamilram@rambler.ru

Elena Alfonsovna Revutskaya – Docent of the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: Carolina2912@rambler.ru

Aleksandr Vladimirovich Ryazanov – Doctor of Sciences (Philosophy), Head of the Philosophy Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: alexandr.ryazanov@gmail.com

Andrey Aleksandrovich Savenko – lecturer of the Internal Troops Military and Combat Activity Provision Chair, Saratov Military Institute of the Internal Troops of the Ministry of Interior of Russia e-mail: andrey-sava@mail.ru

Sergey Stanislavovich Smetannikov – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: aerevar@mail.ru

Anna Valeryevna Fedorova – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent of the Social Communications Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: anna_fedorova_76@list.ru

Olga Ivanovna Tsybulevskaya – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Theory of Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: olga77.54@mail.ru

Eduard Vladimirovich Chekmarev – Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: chekmarev@nm.ru

Evgeny Vladimirovich Shirmanov – post-graduate student of the General History and World Political Process Chair, Mordovian State University named after N.P. Ogarev (Saransk, Russia)
e-mail: ev-gen.shirmanov@mail.ru

Veronika Ivanovna Shishkina – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: vero1202@yandex.ru

Maria Vladimirovna Shcherbakova – assistant lecturer of the Economics and Management Chair, Magnitogorsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: marial85@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Голобородько А.Ю.

Инструментарий культурной политики в аспекте
общественного строительства и укрепления жизнеспособности государства 4

Журавлёв В.И.

Правовая политика в области благотворительности
и ее роль в развитии гражданского общества 9

Рамазанов К.Н.

Об интерпретации нововведений в системе запретов, связанных
с государственной гражданской службой 16

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

24

Коробов А.А., Сметанников С.С.

Влияние Турции на региональные политические процессы Республики Крым:
конструктивный анализ 24

Горбачёв М.В.

Анализ политического имиджа России в Китае в контексте реализации
совместных региональных проектов (по материалам
общенациональной китайской газеты «Женьминь Жибао»)* 33

Даутов В.В., Лучков Н.А.

Социально-экономический потенциал России
в условиях глобализации и санкций Запада 38

Абдуазимов О.У.

Роль средств массовой информации в формировании общественного мнения
(на примере Республики Узбекистан) 45

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

51

Цыбулевская О.И., Омариева А.Н.

Презумпция невиновности: аксиологическое измерение 51

Гринченко К.А.

Закон как источник муниципального права Российской Федерации 58

Иванов А.А. Продюсер в отношениях с субъектами авторских и смежных прав	63
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

69

Максимова Л.Н., Фёдорова А.В. Новые возможности для развития организаций: проектные риски и социальное неравенство	69
Ширманов Е.В. Символьная система государственно-гражданской и региональной идентичности жителей Мордовии и Ульяновской области (по материалам фокус-групп)	77
Савенко А.А. Мотивация трудовой активности как комплексное социологическое явление	83
Кудяев А.В. Интегрированная оценка реализации социальных гарантий	89

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

96

Рязанов А.В., Демидова М.В. Модели дискурсивного и рекурсивного управления символическим капиталом в социально-экономических системах	96
Пилипенко Е.А. Политическое время: нетривиальная онтология, нелинейность, хаос	105
Ревуцкая Е.А. Социокультурный процесс: факторы и динамика	113
Щербакова М.В. Особенности формирования мировоззренческой проблематики в немецкой классической философии	118

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

123

Шишкина В.И. Политическая оппозиция в современной России: стратегии развития в региональном пространстве	123
Брянцев И.И. Роль холдинговых компаний в создании региональных производственных кластеров	130
Бахарева Т.В. Новые ресурсы фирмы в условиях современной экономики	136

160   2015 ● № 4 (49)

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ**

142

Акаев Д.В.

Международный научно-образовательный форум «Мы – управленцы!»
(Саратов, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, 15–17 апреля 2015 г.) 142

Чекмарёв Э.В.

Из опыта реализации программы «либеральные клубы»
на территории Саратовской области 145

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

152

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Goloborodko A.Yu.

Tools of Cultural Policy in the Aspect of Social Formation
and Strengthening the Viability of the State 4

Zhuravlev V.I.

Legal Policy in the Field of Charity and its Role
in Civil Society Development 9

Ramazanov K.N.

On the Issue of the Interpretation of the Novelties in the System
of Restrictions Related to Civil Service 16

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

24

Korobov A.A., Smetannikov S.S.

Turkey's Influence on the Regional Political Processes
in the Republic of Crimea: Constructive Analysis 24

Gorbachev M.V.

The Analysis of the Political Image of Russia in China in the Context
of the Implementation of Joint Regional Projects
(Based on Materials of the National Chinese Newspaper "World People") 33

Dautov V.V., Luchkov N.A.

Socio-Economic Potential of Russia in the Context of Globalization
and the Sanctions of the West 38

Abduazimov O.U.

The Role of the Mass Media in Shaping the Public Opinion
(Case Study of the Republic of Uzbekistan) 45

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

51

Tsybulevskaya O.I., Omarieva A.N.

Presumption of Innocence: the Axiological Dimension 51

Grinchenko K.A.

Law as a Source of Municipal Law in the Russian Federation 58

162   2015 ● № 4 (49)

Ivanov A.A.	
Producer in Relations with the Subjects of Copyright and Neighboring Rights	63

**SOCIAL POLICY
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

69

Maksimova L.N., Fedorova A.V.	
New Opportunities for Organizational Development: Project Risks and Social Inequality	69
Shirmanov E.V.	
Symbolic System of State and Regional Identity of Mordovia and Ulyanovsk Region Inhabitants (Based on Focus Groups Records)	77
Savenko A.A.	
Motivation of Labor Activity as a Complex Sociological Phenomenon	89
Kudaev A.V.	
The Integrated Assessment of Social Guarantees Implementation	89

**PHILOSOPHY
AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

96

Ryazanov A.V., Demidova M.V.	
Discursive and Recursive Models of Symbolic Capital Management in Socio-Economic Systems	96
Pilipenko E.A.	
Political Time: Nontrivial Ontology, Nonlinearity, Chaos	105
Revutskaya E.A.	
Sociocultural Process: Factors and Dynamics	113
Shcherbakova M.V.	
Features of Formation of World View Problem in German Classical Philosophy	118

**PUBLIC POLICY
AND ADMINISTRATION IN RUSSIA:
YOUNG SCIENTISTS' VIEW**

123

Shishkina V.I.	
Political Opposition in Modern Russia: Development Strategies in the Regional Space	123
Bryantsev I.I.	
The Role of Holding Companies in the Establishment of Regional Industrial Clusters	130
Bakhareva T.V.	
New Resources of a Company in Today's Economy	136

**REVIEWS.
SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE
142**

Akaev D.V.

The International Scientific-Educational Forum “We Are Managers”,
April 15–17, 2015 142

Chekmarev E.V.

From the Experience of Implementation of the “Liberal Clubs” Program
in the Saratov Region 145

**INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
156**

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОГО ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ**

Научный журнал

№ 4 (49)

Редакторы *Т.П. Иванова, Е.В. Феклистова*
Компьютерная верстка *Е.Ю. Голубевой*

Тем. план 2015 г., п. № 927

Подписано к печати 03.08.2015 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.
Усл. печ. л. 13,54. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500. Заказ 558.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник Поволжского института управления»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителе, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) приставный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами института или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала
«Вестник Поволжского института управления»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 65 35 77

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru/vestnik>